ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ.

САТИРА

ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО.

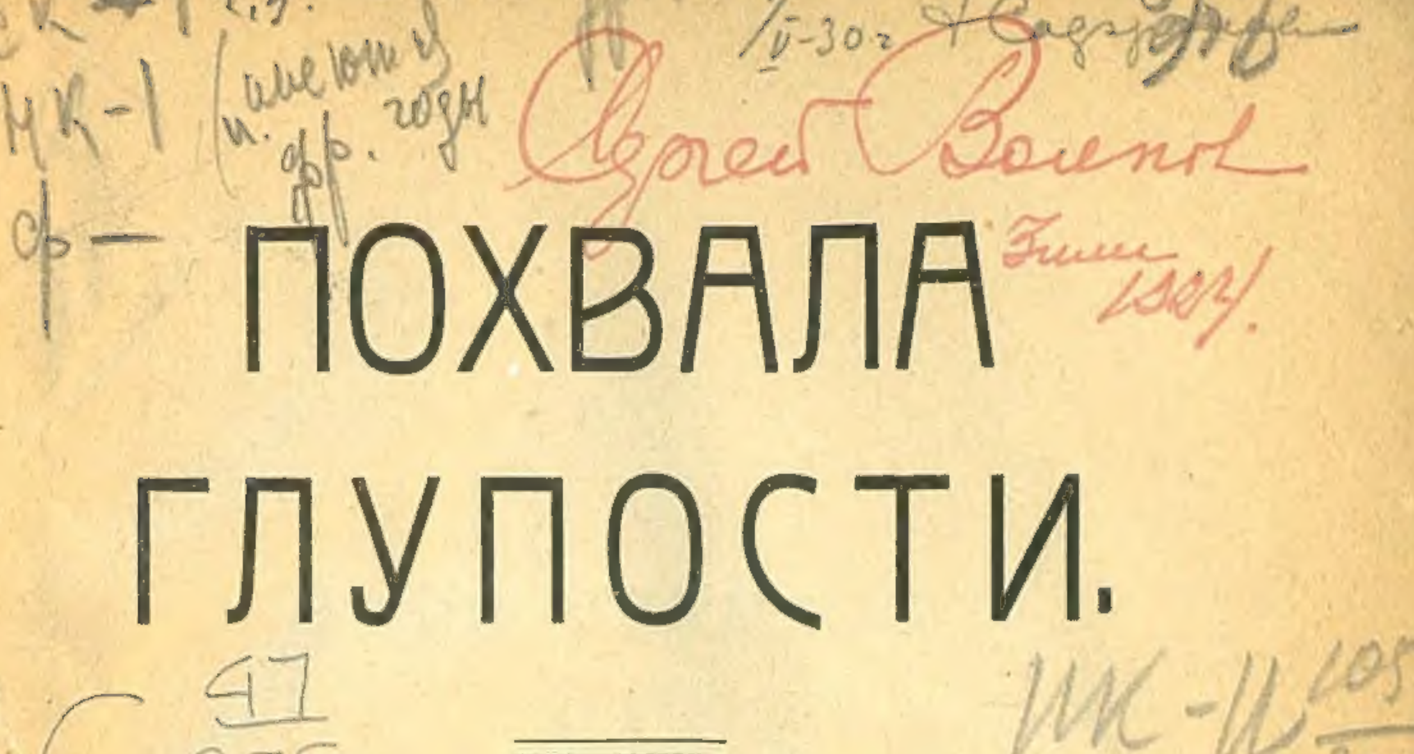
ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО, СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

ПРОФ. П. Н. АРДАШЕВА.

Изданіе третье, исправленное.

КІЕВЪ.
Типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.
1910.

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ.

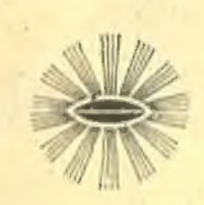
САТИРА

ЭРАЗМА РОТТЕРДАМСКАГО.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ЛАТИНСКАГО, СЪ ВВЕДЕНІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

Проф. П. Н. АРДАШЕВА.

Изданіе третье, исправленное.

КІЕВЪ.

типографія И. И. Чоколова, Фундуклеевская, № 22.

1910.

ЭРАЗМЪ РОТТЕРДАМСКІЙ
И ЕГО САТИРА
„ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ".

I.

Эразмъ принадлежалъ къ старшему поколѣнію германскихъ гуманистовъ, поколѣнію „Рейхлиновскому", хотя и къ числу младшихъ его представителей (онъ былъ на 12 лѣтъ моложе Рейхлина). Но по характеру своей литературной дѣятельности, именно по ея сатирическому оттѣнку, онъ уже въ значительной степени примыкаетъ къ гуманистамъ младшаго, „Гуттеновскаго" поколѣнія. Впрочемъ, Эразма нельзя отнести вполнѣ ни къ какой группѣ гуманистовъ: онъ былъ „человѣкъ самъ по себѣ", какъ выражается о немъ въ одномъ мѣстѣ авторъ одного изъ Писемъ темныхъ людей (Epistolae obscurorum virorum). Онъ, дѣйствительно, представляетъ собою особую, самостоятельную и вполнѣ индивидуальную величину въ средѣ германскаго гуманизма. Начать съ того, что Эразмъ не былъ даже въ строгомъ смыслѣ германскимъ гуманистомъ: его можно назвать скорѣе европей-

скимъ гуманистомъ, такъ сказать — международнымъ. Дѣйствительно, Эразмъ представляетъ собою совершенно космополитическую фигуру. Германецъ по своей принадлежности къ имперіи, голландецъ по крови и по мѣсту своего рожденія, онъ всего менѣе былъ похожъ на голландца по своему подвижному, живому, сангвиническому темпераменту, и, быть можетъ, потому такъ скоро отбился онъ отъ своей родины и во всю свою жизнь не чувствовалъ къ ней особеннаго влеченія. Но и Германія, гдѣ онъ провелъ бо́льшую часть своей жизни, не сдѣлалась для него второю родиной. Германскій патріотизмъ, одушевлявшій большинство его соотечественниковъ-гуманистовъ, остался ему совершенно чуждъ, какъ и вообще всякій патріотизмъ. Можно сказать, что его настоящею родиной былъ античный міръ, гдѣ онъ чувствовалъ себя, дѣйствительно, какъ дома, и латинскій языкъ былъ, можно сказать, его настоящимъ роднымъ языкомъ: на немъ онъ не только писалъ съ легкостью Цицерона или Тита Ливія, но и говорилъ на немъ совершенно свободно, — во всякомъ случаѣ гораздо свободнѣе, чѣмъ на своемъ „родномъ", голландскомъ нарѣчіи. Не лишено характерности въ данномъ случаѣ то обстятельство, что подъ старость Эразмъ, послѣ долгихъ скитаній по свѣту, избралъ своимъ постояннымъ мѣстопребываніемъ имперскій городъ Базель, имѣвшій, и по своему политическому и географическому положенію, и по составу своего населенія, международный, космополитическій характеръ.

Наконецъ, совершенно особое мѣсто занимаетъ Эразмъ въ исторіи германскаго гуманизма еще и по

тому небывало вліятельному положенію въ обществѣ, какое — впервые въ европейской исторіи — получилъ въ его лицѣ человѣкъ науки и литературы. До Эразма исторія не знаетъ ни одного подобнаго явленія — да такого и не могло быть до изобрѣтенія книгопечатанія; послѣ Эразма, за все продолженіе новой исторіи, можно указать лишь одинъ аналогичный фактъ: именно, только то, совершенно исключительное положеніе, которое выпало на долю Вольтера въ апогеѣ его литературной славы во второй половинѣ XVIII в., можетъ дать понятіе о томъ вліятельномъ положеніи, которое занималъ въ Европѣ Эразмъ въ первой половинѣ XVI в. „Отъ Англіи до Италіи — говоритъ одинъ современникъ Эразма —, отъ Польши до Венгріи гремѣла его слава". Со всѣхъ сторонъ сыпались къ нему подарки, пенсіи и почетныя приглашенія. Могущественнѣйшіе государи эпохи, Генрихъ VIII Англійскій, Францискъ I Французскій, папы, кардиналы, прелаты, государственные люди и самые извѣстные ученые считали за честь находиться съ нимъ въ перепискѣ. Папская курія предлагала ему кардинальство; баварское правительство готово было назначить ему огромное по тому времени содержаніе за то только, чтобы онъ поселился въ Нюрнбергѣ. Когда ему случилось однажды пріѣхать во Фрейбургъ, то ему была устроена торжественная встрѣча, точно государю: магистратъ, цехи и корпораціи съ распущенными знаменами вышли къ нему навстрѣчу въ сопровожденіи всего населенія города. Эразма называли „оракуломъ Европы". И дѣйствительно, отовсюду обращались къ нему за совѣтами не только люди науки по поводу разныхъ научныхъ вопросовъ, но и

государственные люди, даже государи—по поводу вопросовъ политическихъ.

Эразмъ родился въ 1467 г. въ голландскомъ городѣ Роттердамѣ. Отецъ его принадлежалъ къ одной изъ мѣстныхъ бюргерскихъ фамилій. Въ молодости онъ увлекся одною дѣвушкой и встрѣтилъ взаимность съ ея стороны. Но родители, имѣвшіе въ виду посвятить своего сына духовной карьерѣ, судили иначе и не дали своего разрѣшенія на женитьбу. Послѣдствіемъ этого было то, что молодые люди сошлись внѣ законнаго брака, и плодомъ этой связи былъ Дезидерій Эразмъ, будущій знаменитый гуманистъ.

Еще ребенкомъ Эразмъ лишился обоихъ родителей. Незаконнорожденный и круглый сирота — эти два обстоятельства не могли не оставить глубокаго слѣда въ жизни Эразма и не наложить извѣстнаго отпечатка на его характеръ. Нѣкоторая робость, граничившая подъ часъ съ трусостью, и нѣкоторая скрытность — эти двѣ столь много повредившія ему впослѣдствіи черты его характера — объясняются въ значительной степени, именно, тою пришибленностью, которую онъ долженъ былъ рано почувствовать вслѣдствіе своего преждевременнаго сиротства, усубленнаго вдобавокъ незаконнорожденностью, которая въ глазахъ тогдашняго общества налагала на ребенка печать позора. Послѣднее обстоятельство имѣло для Эразма еще и другое, болѣе реальное значеніе: оно заранѣе закрывало юношѣ всякую общественную карьеру. Молодому Эразму оставалось пойти въ монастырь. Онъ и безъ того не имѣлъ особеннаго влеченія къ монастырской жизни; а теперь, непосредственное

знакомство со всѣми темными и непривлекательными сторонами тогдашняго монастырскаго быта лишь усилили въ немъ отвращеніе къ монашеству, и тѣ язвительныя стрѣлы, которыя цѣлымъ градомъ сыплются въ монаховъ изъ его сатирическихъ произведеній, представляютъ собою въ значительной мѣрѣ лишь отголосокъ тѣхъ думъ и чувствъ, которыя были пережиты Эразмомъ въ пору его вынужденнаго пребыванія въ постылыхъ монастырскихъ стѣнахъ. Счастливый случай помогъ ему вырваться изъ монастырской атмосферы, въ которой онъ задыхался. Даровитый юноша, обращавшій на себя вниманіе своими выдающимися познаніями, блестящимъ умомъ и необыкновеннымъ искусствомъ владѣть изящною латинскою рѣчью, нашелъ себѣ скоро меценатовъ. Благодаря послѣднимъ, Эразмъ получилъ возможность много путешествовать и побывать во всѣхъ главныхъ тогдашнихъ центрахъ гуманизма. Прежде всего онъ попалъ въ Парижъ, который, впрочемъ, въ то время былъ гораздо болѣе центромъ схоластической учености, чѣмъ гуманистической образованности. Изданное имъ здѣсь первое крупное сочиненіе Adagia, сборникъ изреченій и анекдотовъ, взятыхъ изъ различныхъ античныхъ писателей, сдѣлало его имя извѣстнымъ въ гуманистическихъ кругахъ всей Европы. Затѣмъ Эразмъ имѣлъ возможность побывать въ Италіи, этой обѣтованной землѣ гуманистовъ, гдѣ, какъ пишетъ самъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, „стѣны ученѣе и краснорѣчивѣе обитателей Голландіи“. Когда онъ пріѣхалъ въ Англію, то здѣшніе гуманисты встрѣтили его уже какъ своего извѣстнаго собрата. Наиболѣе выдающійся среди англійскихъ гуманистовъ,

знаменитый авторъ Утопіи, Томасъ Моръ, сдѣлался однимъ изъ наиболѣе близкихъ друзей Эразма. Въ Англіи Эразмъ былъ нѣсколько разъ, и во время одного изъ своихъ путешествій туда — изъ Италіи — и была имъ набросана его знаменитая сатира Похвала Глупости, разнесшая его извѣстность въ болѣе широкіе круги тогдашней читающей публики. И самое сочиненіе это было посвящено Эразмомъ Томасу Мору, какъ и почему — это онъ объясняетъ въ своемъ письмѣ къ нему, предпосланномъ въ качествѣ предисловія къ сатирѣ.

Послѣ долгихъ скитаній, Эразмъ поселился наконецъ на постоянное жительство въ Базелѣ, гдѣ провелъ почти безвыѣздно послѣдніе годы своей жизни. Здѣсь окончилъ онъ и дни свои въ 1536 г.

II.

Какъ гуманистъ, Эразмъ всего ближе примыкаетъ къ Рейхлину: и тотъ и другой являются выдающимися носителями того научнаго духа, духа изслѣдованія и точнаго знанія, который составляетъ одну изъ наиболѣе существенныхъ чертъ въ характеристикѣ гуманизма вообще. Подобно Рейхлину, онъ работалъ надъ критическимъ изданіемъ произведеній древнихъ классиковъ, съ обстоятельными критическими комментаріями. Наряду съ Рейхлиномъ, Эразмъ былъ однимъ изъ немногихъ въ то время знатоковъ греческаго языка и литературы. Объ авторитетѣ, которымъ пользовался Эразмъ въ области греческой филологіи, можно судить,

напримѣръ, по тому факту, что его мнѣніе относительно способа произношенія нѣкоторыхъ гласныхъ греческаго алфавита (эты и дифтонговъ) получило всеобщее признаніе и практическое примѣненіе въ Германіи, наперекоръ укоренившейся традиціи и вопреки авторитету учителей-грековъ. Эразмъ также впервые примѣнилъ въ широкомъ масштабѣ научные пріемы къ разработкѣ богословія; благодаря своимъ критическимъ изданіямъ Новаго Завѣта и Отцовъ Церкви, онъ, можно сказать, положилъ основаніе научному богословію на Западѣ, вмѣсто традиціоннаго, схоластическаго богословія. Въ частности, Эразмъ въ значительной степени подготовилъ почву для протестантскаго богословія – и это не только своими изданіями богословскихъ текстовъ, а также и нѣкоторыми изъ своихъ богословскихъ идей, которыя потомъ были восприняты протестантскими богословами (и отвергнуты богословами католическими). Такимъ образомъ, Эразмъ, который всѣ послѣдніе годы своей жизни старательно открещивался отъ всякой солидарности съ реформаціей, оказался, наперекоръ своему желанію, въ роли одного изъ основателей протестантской догматики. Въ этомъ случаѣ литературно-научная дѣятельность Эразма соприкасается положительнымъ образомъ съ реформаціоннымъ движеніемъ. Она соприкасается съ послѣднимъ также и отрицательнымъ образомъ, именно — поскольку въ своихъ сатирическихъ произведеніяхъ Эразмъ выступаетъ обличителемъ отрицательныхъ сторонъ современной ему церковной дѣйствительности.

Изъ его двухъ крупныхъ сатирическихъ произве-

деній — Обыденныхъ разговоровъ (Colloquia familiaria) и Похвалы глупости (Moriae encomium, sive Stultitiae laus), имѣвшихъ почти одинаковый успѣхъ въ свое время, я остановлюсь лишь на послѣднемъ, которое предлагаю въ русскомъ переводѣ вниманію читающей публики.

Похвала Глупости написана была Эразмомъ, какъ говорится, между прочимъ. Если придавать буквальное значеніе свидѣтельству самого автора въ его предисловіи въ формѣ письма къ своему пріятелю Томасу Мору, то сочиненіе это было имъ написано отъ нечего дѣлать, въ теченіе его — конечно, продолжительнаго при тогдашнихъ способахъ передвиженія — путешествія изъ Италіи въ Англію. Во всякомъ случаѣ Эразмъ смотрѣлъ на это свое сочиненіе, лишь какъ на литературную бездѣлку. Этой литературной бездѣлкѣ, однако, Эразмъ обязанъ своей литературной знаменитостью и своимъ мѣстомъ въ исторіи европейской литературы въ не меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ своимъ многотомнымъ ученымъ трудамъ, которые, сослуживъ въ свое время свою службу, давнымъ-давно опочили въ захолустьяхъ книгохранилищъ, подъ слоемъ вѣковой пыли, въ то время какъ Похвала Глупости продолжаетъ до сихъ поръ читаться — если сравнительно немногими въ подлинникѣ, то можно сказать всѣми — въ переводахъ, которые имѣются на всѣхъ европейскихъ языкахъ, и тысячи образованныхъ людей продолжаютъ зачитываться этой геніальной шуткой остроумнѣйшаго изъ ученыхъ и ученѣйшаго изъ остроумныхъ людей, какихъ только знаетъ исторія европейской литературы.

Врядъ ли исторія литературы можетъ указать другое аналогичное литературное произведеніе, которое могло бы сравняться своимъ успѣхомъ съ „Похвалою Глупости“. Во всякомъ случаѣ, до появленія въ свѣтъ, нѣсколькими годами позднѣе, Писемъ темныхъ людей, это былъ первый случай со времени появленія печатнаго станка, такого по истинѣ колоссальнаго успѣха печатнаго произведенія. Достаточно сказать, что напечатанная въ первый разъ въ Парижѣ, въ 1509 г., сатира Эразма выдержала въ нѣсколько мѣсяцевъ до семи изданій: всего же при жизни Эразма въ разныхъ мѣстахъ она была переиздана не менѣе сорока разъ. Полнаго списка всѣхъ изданій этого произведенія, какъ въ подлинникѣ, такъ и въ переводахъ на новые языки, до сихъ поръ не составлено. Изданный въ 1893 г. дирекціей университетской библіотеки въ Гентѣ предварительный и, слѣдовательно, подлежащій исправленіямъ и дополненіямъ, списокъ изданій всѣхъ сочиненій Эразма насчитываетъ, для „Похвалы Глупости“ (въ подлинникѣ и въ переводахъ) болѣе двухсотъ отдѣльныхъ изданій (точная цифра — 206).

Этотъ безпримѣрный успѣхъ объясняется, конечно многими обстоятельствами, изъ которыхъ громкое имя автора, разумѣется, играло не послѣднюю роль; но главныя условія успѣха лежали, несомнѣнно, въ самомъ произведеніи. Здѣсь, прежде всего, надо отмѣтить удачный замыселъ, вмѣстѣ съ блестящимъ его выполненіемъ. Эразму пришла очень удачная мысль — взглянуть на окружающую его, современную ему дѣйствительность, наконецъ — на все человѣчество, на весь міръ — съ точки зрѣнія глупости. Эта точка зрѣнія,

исходящая изъ такого общечеловѣческаго, присущаго „всѣмъ временамъ и народамъ“ свойства, какъ глупость, дала автору возможность, затрогивая массу животрепещущихъ вопросовъ современности, въ то же время придать своимъ наблюденіямъ надъ окружающею дѣйствительностью характеръ универсальности и принципіальности, — освѣтить частное и единичное, случайное и временное съ точки зрѣнія всеобщаго, постояннаго, закономѣрнаго. Благодаря такой точкѣ зрѣнія, авторъ могъ, набрасывая сатирико-юмористическія картины современнаго ему общества, рисовать сатирическій портретъ всего человѣчества.

Этотъ общечеловѣческій характеръ, являясь одною изъ привлекательныхъ сторонъ произведенія для современнаго автору читателя, въ то же время предохранилъ его отъ забвенія въ будущемъ. Благодаря ему, Похвала Глупости заняла мѣсто въ ряду нестарѣющихъ произведеній человѣческаго слова — не въ силу, правда, художественной красоты своей формы, а именно вслѣдствіе присутствія въ немъ того общечеловѣческаго элемента, который дѣлаетъ его понятнымъ и интереснымъ для всякаго человѣка, къ какому бы времени, къ какой бы націи, къ какому бы слою общества онъ ни принадлежалъ. Читая сатиру Эразма, иногда невольно забываешь, что она написана четыреста лѣтъ тому назадъ: до такой степени свѣжо, живо, жизненно и современно подъ часъ то, что встрѣчаешь на каждомъ шагу въ этомъ произведеніи, отдѣленномъ отъ насъ четырьмя столѣтіями. Не будь латинскій языкъ препятствіемъ для огромнаго большинства читающей публики, Похвала

Глупости продолжала бы, конечно, до сихъ поръ фигурировать въ числѣ ея излюбленныхъ книгъ. Для человѣка же, въ достаточной степени знакомаго съ латинскимъ языкомъ, чтеніе этого произведенія въ подлинникѣ составляетъ и теперь одно изъ лучшихъ умственныхъ наслажденій.

Кромѣ удачнаго замысла, этою своею привлекательностью Похвала Глупости обязана въ неменьшей степени и блестящему его выполненію. Выполненіе подобнаго замысла требовало, кромѣ неподдѣльнаго и высокопробнаго остроумія, еще и того, что можно назвать настроеніемъ. И то и другое имѣется въ избыткѣ въ геніальной бездѣлкѣ Эразма.

Эразмъ былъ, дѣйствительно, одаренъ рѣдкимъ остроуміемъ, остроуміемъ легкимъ, естественнымъ, неделаннымъ; оно у него бьетъ фонтаномъ, брызжетъ изъ каждой строки. По характеру своего остроумія Эразмъ очень напоминаетъ своего позднѣйшаго преемника по литературной славѣ, Вольтера.

Наконецъ, Похвала Глупости, это — одно изъ тѣхъ сравнительно рѣдкихъ литературныхъ произведеній, отъ которыхъ не пахнетъ книгой. Читая ее, забываешь о книгѣ и чувствуешь непосредственное умственное соприкосновеніе съ живымъ человѣкомъ, съ сангвиническою и богато одаренною натурой, мыслящей и вдумчивой, живущей всѣми фибрами своего существа, отзывчивой и чуткой ко всему, „что не чуждо человѣку". Это и есть то, что можно назвать настроеніемъ въ литературномъ произведеніи. Литературное произведеніе съ настроеніемъ можно опредѣлить, какъ произведеніе, которое при чтеніи менѣе напоминаетъ

книгу, чѣмъ живого человѣка. Чтеніе такой книги доставляетъ всегда особенное наслажденіе, и въ этомъ въ значительной степени разгадка необыкновеннаго успѣха такихъ произведеній, какъ Похвала Глупости.

Господствующій тонъ сатиры Эразма — юмористическій, а не саркастическій. Смѣхъ Эразма проникнутъ по большей части благодушнымъ юморомъ, часто тонкой ироніей, почти никогда — бичующимъ сарказмомъ. „Я имѣлъ въ виду — говоритъ самъ Эразмъ въ своемъ письмѣ къ Томасу Мору — болѣе забавлять, чѣмъ бичевать; я вовсе не думалъ, по примѣру Ювенала, выворачивать вверхъ дномъ клоаку человѣческихъ гнусностей, и гораздо болѣе старался выставить на показъ смѣшное, чѣмъ отвратительное". Дѣйствительно, въ сатирикѣ чуется не негодующій моралистъ съ наморщеннымъ челомъ и пессимистическимъ взглядомъ на окружающее, а жизнерадостный гуманистъ, смотрящій на жизнь съ оптимистическимъ благодушіемъ, и въ отрицательныхъ сторонахъ послѣдней видящій скорѣе предлогъ для того, чтобы отъ души посмѣяться и побалагурить, чѣмъ метать перуны и портить себѣ кровь.

По формѣ своей, Похвала Глупости представляетъ пародію на панегирикъ — форма, пользовавшаяся большою популярностью въ то время, на что имѣется намекъ въ самомъ текстѣ сатиры (гдѣ говорится объ „охотникахъ сочинять панегирики въ честь Бусиридовъ, Фаларидовъ, четырехдневныхъ лихорадокъ, мухъ, лысинъ и прочихъ мерзостей"). Оригинальнымъ является лишь то, что панегирикъ въ данномъ случаѣ

произносится не отъ лица автора-оратора, а влагается въ уста самой (олицетворенной) глупости. Эта форма автопанегирика придаетъ, конечно, еще болѣе живости и пикантности этой остроумной пародіи.

Павелъ Ардашевъ.

Письмо Эразма къ Томасу Мору[1]).

Во время моего послѣдняго, недавняго переѣзда изъ Италіи въ Англію немало времени пришлось мнѣ провести верхомъ на лошади. Чѣмъ убивать это долгое время пустою болтовней или пошлыми анекдотами, я предпочиталъ передумывать съ собой время отъ времени о нашихъ общихъ научныхъ занятіяхъ и вызывать въ душѣ отрадныя воспоминанія объ оставленныхъ мною здѣсь столь же милыхъ, сколько ученыхъ друзьяхъ. Въ числѣ ихъ всего чаще вспоминалъ я тебя, мой дорогой Моръ. Твой образъ такъ живо воскресалъ передо мной, что иной разъ мнѣ казалось, будто я вижу тебя воочію, слушаю тебя и упиваюсь твоею бесѣдой, слаще которой для меня нѣтъ ничего на свѣтѣ. Эти размышленія навели меня на мысль заняться какимъ-нибудь дѣломъ. Но какимъ? Обстановка была мало пригодна для какой-нибудь

---

[1]) Англійскій гуманистъ, авторъ знаменитой Утопіи, другъ Эразма.

серьезной работы, и вотъ, я остановился на мысли — сочинить шуточный панегирикъ Морiи[1]).

Какая это Паллада внушила тебѣ подобную мысль? спросишь ты. Отчасти меня навело на эту идею твое имя: вѣдь, имя Morus настолько же близко подходитъ къ имени Moria, насколько расходятся между собой обѣ обозначаемыя этими именами вещи; а если у кого, то, именно, у тебя всего менѣе общаго съ Морiей; это не мое личное мнѣнiе, это — мнѣнiе всего свѣта. Кромѣ того, мнѣ думалось, что такая шутка придется какъ нельзя болѣе тебѣ по вкусу. Вѣдь и ты большой охотникъ до шутокъ этого рода — я разумѣю такiя шутки, отъ которыхъ не разитъ ни невѣжествомъ, ни пошлостью, — если только я не ошибаюсь въ этомъ случаѣ въ оцѣнкѣ своего собственнаго произведенiя. Да и самъ, вѣдь, ты не прочь взирать на человѣческую жизнь съ демокритовской усмѣшкой. Одаренный критическимъ и яснымъ умомъ, ты не можешь, конечно, не расходиться во многомъ съ общепринятыми воззрѣнiями; но въ то же время въ твоемъ характерѣ столько благодушiя и общительности, что ты можешь — и ты дѣлаешь это съ удовольствiемъ — въ любой моментъ приноровиться къ умственному уровню любого человѣка. Ты не только примешь поэтому благосклонно эту мою литературную бездѣлку, какъ „памятку“ о твоемъ товарищѣ, но и возьмешь ее подъ свою защиту; тебѣ

---

[1]) По-гречески—глупость.

ее я посвящаю, и съ этой минуты — она твоя, а не моя.

Найдутся, пожалуй, зоилы, которымъ однѣ изъ моихъ шутокъ покажутся унижающими достоинство богослововъ, другія — несовмѣстимыми съ христіанскимъ смиреніемъ; они, пожалуй, поднимутъ вопль, что я воскрешаю древнюю комедію, или какого-нибудь Лукіана[1]), съ его язвительными нападками на всѣхъ и на все. Но мнѣ бы хотѣлось, чтобы люди, которыхъ скандализуетъ и низменность моего сюжета и шутливый тонъ моего произведенія, приняли во вниманіе, что въ данномъ случаѣ я лишь слѣдую примѣру многихъ великихъ писателей. Сколько столѣтій прошло съ тѣхъ поръ, что Гомеръ сочинилъ свою шутливую поэму о „Войнѣ мышей и лягушекъ", Маронъ воспѣлъ комара и выѣденное яйцо, Овидій — пустой орѣхъ? Поликратъ и его противникъ Исократъ восхваляли Бусирида, Главконъ — несправедливость, Фаворинъ Терсита и четырехдневную лихорадку, Синезій — лысину, Лукіанъ муху и блоху. Сенека написалъ шуточный апоѳеозъ Клавдія, Плутархъ — разговоръ Грилла съ Улиссомъ. Лукіанъ съ Апулеемъ написалъ „Осла", и еще кто-то, ужъ не знаю, написалъ завѣщаніе свиньи Хавроньи, — объ этомъ между прочимъ упоминаетъ св. Іеронимъ.

Пусть мои критики, если угодно, воображаютъ себѣ, что мнѣ просто-на-просто захотѣлось,

[1]) Лукіанъ Самосатскій, греческій писатель-сатирикъ второго вѣка по Р. Х., авторъ Разговоровъ Боговъ.

забавы ради, поиграть въ бирюльки или въ лошадки. Въ самомъ дѣлѣ, если мы допускаемъ развлеченія для людей всякаго званія и состоянія, то было бы верхомъ несправедливости отказать въ подобномъ развлеченіи писателямъ и ученымъ, въ особенности если они вносятъ въ шутку крупицу серьезности и наводятъ на серьезныя размышленія; изъ иной подобной шутки читатель — если только онъ не совершенный балбесъ - вынесетъ гораздо больше, чѣмъ изъ иного серьезнаго и архи-ученаго разсужденія. И вотъ, одинъ восхваляетъ реторику или философію въ рѣчи, составленной изъ отовсюду нахватанныхъ чужихъ фразъ и мыслей; другой воспѣваетъ хвалы какому-нибудь князю; третій сочиняетъ рѣчь для возбужденія къ войнѣ противъ турокъ; тотъ занятъ предсказаніемъ будущаго, этотъ задается рѣшеніемъ новыхъ вопросовъ о козлиной шерсти [1]). Если нѣтъ ничего вздорнѣе, какъ вздорнымъ образомъ трактовать серьезныя вещи, то нѣтъ ничего забавнѣе, какъ вздоръ трактовать такъ, чтобы казаться всего менѣе вздорнымъ человѣкомъ. Не мнѣ, конечно, судить о самомъ себѣ; но во всякомъ случаѣ, если не вводитъ меня въ заблужденіе самолюбіе, моя похвала глупости не совсѣмъ глупа.

Что касается возможнаго упрека въ излишней рѣзкости моей сатиры, то я замѣчу, что мыслящіе люди всегда широко пользовались правомъ

---

1) Латинское пословичное выраженіе: „вопросъ о козлиной шерсти"—вздорный вопросъ.

безнаказанно осмѣивать людей въ ихъ повседневной жизни, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы вольность языка не переходила должныхъ границъ. Удивляюсь, до чего стали деликатны уши въ наше время: они почти не выносятъ ничего, кромѣ льстивыхъ титуловъ и высокопарныхъ посвященій. Не мало также въ наше время людей съ до того извращеннымъ религіознымъ чувствомъ, что они готовы скорѣе снести поношеніе имени Христа, чѣмъ самую безобидную шутку по адресу первосвященника [1]) или князя, въ особенности, если при этомъ затронутъ интересъ кошелька. Но если кто подвергаетъ критическому анализу человѣческую жизнь, никого не задѣвая лично, можно ли это назвать пасквилемъ? Не есть ли это скорѣе наставленіе, увѣщаніе? Иначе, сколько бы разъ пришлось мнѣ писать пасквиль на самого себя! Кромѣ того, — кто не дѣлаетъ исключенія ни для какого класса или группы людей, тотъ, очевидно, нападаетъ не на отдѣльныхъ людей, а на недостатки всѣхъ и каждаго. Если поэтому кто будетъ кричать, что онъ обиженъ, то онъ лишь выдастъ тѣмъ свой страхъ и свою нечистую совѣсть. А куда свободнѣе и язвительнѣе писалъ св. Іеронимъ, не стѣсняясь подъ часъ называть по именамъ предметы своей сатиры!

Что касается меня, то я систематически воздерживался называть имена, и, кромѣ того, старался писать настолько сдержаннымъ тономъ, что

---

[1]) Т.-е. папы.

проницательному читателю не трудно замѣтить, что я имѣлъ въ виду болѣе забавлять, чѣмъ бичевать. Я вовсе не думалъ, по примѣру Ювенала, выворачивать вверхъ дномъ клоаку человѣческихъ гнусностей, и гораздо болѣе старался выставить на показъ смѣшное, чѣмъ отвратительное.

Если кого не въ состояніи удовлетворить подобныя разъясненія, тому я могу лишь посовѣтовать утѣшать себя тѣмъ, что въ сущности слѣдуетъ считать за честь нападки Глупости, отъ имени которой я говорю. Впрочемъ, къ чему всѣ эти разъясненія такому адвокату, какъ ты: ты, вѣдь, сумѣешь наилучшимъ образомъ отстоять дѣло, будь оно и далеко не изъ лучшихъ.

Будь здоровъ, мой краснорѣчивый Моръ, и прими твою Морію подъ свою надежную защиту.

Въ деревнѣ, 10 іюня 1508 г.

ПОХВАЛА ГЛУПОСТИ.

Глупость произноситъ рѣчь въ свою похвалу.

Глупость рекомендуется.

Что бы тамъ ни толковали обо мнѣ люди — мнѣ, вѣдь, не безызвѣстно, на какомъ дурномъ счету глупость даже у глупцовъ чистѣйшей воды —, во всякомъ случаѣ я утверждаю, что, именно, во мнѣ — и во мнѣ одной — источникъ всяческаго веселья и для боговъ и для людей. И вотъ вамъ разительное тому доказательство. Стоило лишь мнѣ взойти на каѳедру передъ настоящимъ многолюднымъ собраніемъ, какъ въ мигъ всѣ физіономіи озарились веселою улыбкою; въ мигъ всѣ лица подались впередъ; въ мигъ аудиторія огласилась вашимъ веселымъ и сочувственнымъ смѣхомъ. Какъ поглядѣть на васъ, ну, право же, точно вы, на манеръ гомеровскихъ боговъ, вволю хлебнули нектара, настояннаго на непентѣ [1]; а, вѣдь, не далѣе, какъ минуту передъ тѣмъ, сидѣли вы съ кислыми, вытянутыми физіономіями, точно только что вернулись

---

[1]) Трава, которой древніе греки приписывали веселящее свойство. Настойка на непентѣ упоминается у Гомера.

изъ трофоніевой пещеры[1]). Знаете, вотъ, какъ у человѣка лицо невольно озаряется радостной улыбкой при видѣ утренняго солнышка, когда оно только что показало изъ-за горизонта свой золотой ликъ,— или при взглядѣ на обновившуюся послѣ суровой зимы, подъ ласкающее дуновеніе весеннихъ зефировъ, и какъ бы помолодѣвшую природу: такимъ вотъ точно образомъ въ мигъ измѣнилось у всѣхъ васъ выраженіе лица, лишь только я предстала передъ вами. И заправскому ритору дается не безъ труда, да и то не иначе, какъ при помощи длинной и тщательно обработанной рѣчи,—развеселить печальныхъ, заставить ихъ стряхнуть съ души тяжелыя думы; для того чтобы достигнуть этого результата, мнѣ достаточно было одного мгновенія,—стоило лишь мнѣ показаться вамъ.

Почему, однако, выступаю я сегодня въ несовсѣмъ обычной для меня роли оратора, объ этомъ вы сейчасъ услышите, если только вамъ угодно будетъ удѣлить моимъ рѣчамъ долю вниманія,— не того, впрочемъ, вниманія, съ какимъ вы привыкли слушать церковныя поученія, а того, которымъ вы награждаете рыночныхъ скомороховъ шутовъ и фигляровъ; однимъ словомъ, я бы пожелала моимъ слушателямъ тѣхъ самыхъ ушей, которыми, бывало, слушалъ Пана царь Мидасъ[2]).

[1]) Сказочная пещера, въ которой жилъ нѣкій демонъ, изрекавшій предсказанія. Люди, отправлявшіеся къ нему за полученіемъ предсказанія, возвращались изъ пещеры съ удрученными, печальными лицами.

[2]) Царь Мидасъ предпочелъ дикое пѣніе лѣсного бога

И вотъ, вздумалось мнѣ выступить передъ вами въ роли софиста,—правда, не одного изъ тѣхъ, что набиваютъ головы мальчугановъ разной вздорной чепухой и превращаютъ своихъ питомцевъ въ какихъ-то сварливыхъ и вздорныхъ бабъ; не этихъ я хочу взять себѣ за образецъ, а тѣхъ древнихъ, что, желая избѣжать позорнаго имени **мудрецовъ**, предпочли называться **софистами**. Ихъ задачею было славословить боговъ и героевъ. Вамъ предстоитъ сейчасъ выслушать панегирикъ, только не Геркулесу, не Солону, а мнѣ самой, т. е. Глупости.

Оправданіе самовосхваленія.

Я, право, ни въ грошъ не ставлю тѣхъ умниковъ, что готовы аттестовать идіотомъ и нахаломъ всякаго, кто самъ себя выхваляетъ. По-ихнему, это глупо, себя выхвалять; и пусть — глупо, лишь бы не было въ томъ ничего зазорнаго. А по-моему, такъ нѣтъ ничего естественнѣе того, чтобы Глупость выступала сама глашатаемъ своихъ похвалъ,— чтобы она явилась „сама своею собственною флейтой", какъ говоритъ греческая поговорка. Кому, въ самомъ дѣлѣ, лучше обрисовать меня, какъ не мнѣ самой? Если только, конечно, не предполагать, что кому-нибудь я знакома болѣе, чѣмъ самой себѣ....

Мнѣ сдается, во всякомъ случаѣ, что я поступаю куда скромнѣе многихъ сильныхъ и мудрыхъ міра. Они, видите-ли, скромны. Хвалить себя? — Фи! О, нѣтъ, они лучше наймутъ какого-

Пана пѣнію Аполлона; разгнѣванный Аполлонъ наградилъ его за это ослиными ушами.

нибудь продажнаго краснобая, либо пустомелю-стихоплета, чтобы послушать за деньги похвалы самимъ себѣ, т. е. ложь непроходимую. Полюбуйтесь на этого скромника, какъ онъ, точно павлинъ, вѣеромъ распускаетъ хвостъ и вздымаетъ хохолъ, въ то время какъ тотъ безстыжій подхалимъ приравниваетъ ничтожнѣйшаго человѣка къ богамъ, — выставляетъ образцомъ всяческихъ добродѣтелей субъекта, которому до нихъ такъ же далеко, какъ альфѣ до омеги, — наряжаетъ ворону въ павлиньи перья, — старается, какъ говаривали греки, выбѣлить эфіопа и сдѣлать изъ мухи слона. Наконецъ, я хочу лишь примѣнить на дѣлѣ ходячую пословицу: „какъ не похвалить себя, когда никто другой тебя не хвалитъ?"

Неблагодарность людей.

Не знаю, право, чему дивиться — неблагодарности ли людей, или ихъ лѣности: всѣ они въ сущности усердно меня лелѣютъ и на каждомъ шагу испытываютъ мои благодѣянія, и однако же не нашлось въ продолженіе стольких вѣковъ ни одного, кто бы въ признательной рѣчи воздалъ хвалу Глупости, между тѣмъ какъ не было недостатка въ охотникахъ, не щадя ни ламповаго масла, ни безсонныхъ ночей, слагать пышные панегирики въ честь Бусиридовъ, Фаларидовъ [1]), четырехдневныхъ лихорадокъ, мухъ, лысинъ и тому подобныхъ мерзостей.

Свою рѣчь я буду говорить экспромтомъ, безъ

---

1) Имена извѣстныхъ своею жестокостью греческихъ тирановъ.

предварительной подготовки; тѣмъ правдивѣе будетъ она.

Професс-іональные ораторы.

Мнѣ бы не хотѣлось, чтобы рѣчь мою приписали желанію блеснуть остроуміемъ, по примѣру профессіональныхъ ораторовъ. Они, вѣдь,—дѣло извѣстное!—корпятъ надъ одной рѣчью лѣтъ тридцать (если только не произносятъ чужую), а потомъ клянутся всѣми богами, что написали ее въ три дня, такъ, шутя, между прочимъ, либо—по ихъ словамъ—просто продиктовали ее экспромитомъ. Что касается меня, то право же, я предпочитаю говорить, по моему всегдашнему обыкновенію, первое, что мнѣ взбредетъ на языкъ. Во всякомъ случаѣ, не ждите отъ меня, чтобъ я стала, по примѣру заправскихъ ораторовъ, начинать свою рѣчь разными опредѣленіями и раздѣленіями, по всѣмъ правиламъ реторики. Да и какой былъ бы толкъ—пытаться начертить точныя границы того, чье поле дѣйствія безгранично, или разсѣчь то, что объединено въ такомъ всеобщемъ и единодушномъ культѣ? Да и къ чему, такъ сказать, демонстрировать предъ вами мою тѣнь или силуэтъ, когда вотъ я вся предъ вашими глазами? Я, какъ вы видите, та щедрая подательница всякихъ благъ, которую латиняне называютъ Stultitia, а греки—Moria[1]).

Глупость не скроешь.

Врядъ ли, впрочемъ, была нужда въ подобномъ заявленіи съ моей стороны. Точно у меня на лбу не написано, кто я такая? Допустимъ даже,

---

[1]) Глупость.

что кто-нибудь вздумалъ бы утверждать, что я Минерва, или Софія [1]): развѣ не достаточно было бы просто-на-просто указать на мое лицо, это правдивое зеркало души, чтобы опровергнуть подобное утвержденіе, даже и не прибѣгая къ помощи рѣчей? Вѣдь, у меня, что на душѣ, то и на лицѣ: ни капли нѣтъ во мнѣ притворства. И гдѣ бы я ни показалась, всегда и всюду я неизмѣнно одинакова. Вотъ почему невозможно меня скрыть: не удается это даже тѣмъ, которые изъ кожи лѣзутъ, чтобъ ихъ принимали за умныхъ людей; по греческой пословицѣ, они лишь „щеголяютъ, какъ обезьяны въ порфирѣ, или какъ ослы въ львиной шкурѣ“. Корчи себѣ, пожалуй, кого угодно, да уши-то—о, эти предательски торчащія ушки! — выдадутъ-таки они Мидаса!.. Предательскія ушки.

Да, человѣческій родъ, это — клянусь Геркулесомъ! — олицетворенная неблагодарность. Даже у наиболѣе близкихъ мнѣ людей мое имя слыветъ чѣмъ-то постыднымъ, до такой степени, что они же зачастую бросаютъ его въ лицо другимъ, какъ бранное слово. Вотъ эти господа, что хотѣли бы казаться мудрецами и Ѳалесами [2]), между тѣмъ какъ на дѣлѣ – круглые дураки, – какъ ихъ иначе назвать, какъ не г л у п о м у д р е ц а м и? Глупомудрецы

Въ наше время принято подражать тѣмъ ученымъ ораторамъ, что считаютъ себя чуть что не Модные ораторы.

---

1) М и н е р в а — богиня мудрости, С о ф і я по-гречески значитъ мудрость.

2) Ѳалесъ—одинъ изъ семи греческихъ мудрецовъ.

богами, если имъ посчастливится оказаться двуязычными[1]), на подобіе піявокъ. Они считаютъ верхомъ литературнаго изящества уснащать свои латинскія рѣчи, какъ мозаикой, греческими выраженіями, хотя бы это было ни къ селу, ни къ городу. А если не хватаетъ иностранщины, они выкопаютъ изъ заплѣснѣвѣвшихъ хартій съ полдюжины старинныхъ словечекъ, да и пускаютъ ими пыль въ глаза слушателямъ, въ надеждѣ еще болѣе понравиться тѣмъ, которые поймутъ, и удивить своею ученностью тѣхъ, которые не поймутъ. Въ самомъ дѣлѣ, для нашего брата есть какая-то особенная прелесть въ томъ, чтобы смотрѣть изъ-подъ ручки на все иностранное. Бываютъ, правда, среди людей не понимающихъ люди самолюбивые, которымъ бы не хотѣлось выказать свое невѣжество. Для этого есть очень простое средство: время отъ времени одобрительно улыбайтесь, изрѣдка похлопывайте и въ особенности не забывайте поводить ушами, на манеръ осла, — это для того, чтобы другіе думали, что вы понимаете.

Но возвращаюсь къ тому, съ чего начала.

Имя мое вамъ теперь извѣстно, милостивые государи, — какъ бишь васъ? ахъ, да! превосходные глупцы! Какимъ, въ самомъ дѣлѣ, болѣе почетнымъ титуломъ можетъ наградить своихъ вѣрныхъ богиня Stultitia (Глупость)?

---

[1]) Двуязычнымъ назывался во времена Эразма всякій писатель, владѣвшій, кромѣ латинскаго, также и греческимъ (классическимъ) языкомъ.

Но такъ какъ многимъ изъ васъ неизвѣстно мое родословіе, то я попытаюсь, съ помощью музъ, изложить его. Отцомъ моимъ былъ не Хаосъ, не Сатурнъ, не Оркъ, не Япетъ и никто другой изъ этого сорта завалющихъ и заплѣснѣвѣлыхъ боговъ. Моимъ отцомъ былъ Плутосъ [1]), единственный и настоящій „отецъ боговъ и людей", не въ обиду будь сказано Гомеру и Гезіоду и даже самому Юпитеру [2]). Это тотъ самый Плутосъ, по мановенію котораго — и его одного — искони и до сегодня управляется жизнь боговъ и людей. Отъ его усмотрѣнія зависитъ и война и миръ, и имперіи и совѣты, и суды и политическія собранія, и браки и контракты, и договоры и законы, искусства, увеселенія, празднества — уфъ, духу не хватаетъ! — однимъ словомъ, вся общественная и частная жизнь смертныхъ. Безъ его помощи, вся эта толпа поэтическихъ божествъ, скажу смѣлѣе — даже заправскіе, первосортные боги, либо вовсе не существовали бы, либо влачили бы жалкое существованіе. На кого прогнѣвался Плутосъ, тому и Паллада не поможетъ; напротивъ, кому посчастливилось заручиться его благоволеніемъ, тотъ и самого верховнаго Юпитера, съ его перунами, можетъ задирать вполнѣ безнаказанно. Вотъ каковъ у меня отецъ! Да и родилъ онъ меня не изъ головы своей, какъ Юпитеръ — эту хмурую и чопорную Палладу: онъ меня родилъ отъ самой очарователь-

Родословіе Глупости.

---

1) По-гречески значитъ — богатство.

2) „Отецъ боговъ и людей" обычный эпитетъ Зевса (Юпитера) у Гомера.

ной и привѣтливой изъ нимфъ, Неотеты [1]). И не въ путахъ банальнаго брака родилъ онъ меня, какъ того хромоногого кузнеца [2]), но — что не въ примѣръ сладостнѣе — „сочетавшись въ порывѣ свободной любви“, какъ говоритъ нашъ Гомеръ. О, не думайте! тогда онъ далеко не былъ той дряхлой развалиной съ потухшимъ взоромъ, какимъ его выводитъ Аристофанъ; о, нѣтъ! это былъ въ ту пору не тронутый еще юноша, съ молодою кровью, разгоряченною некторомъ, котораго ему какъ разъ въ ту пору случилось хлебнуть, на пиру боговъ, нѣсколько болѣе, чѣмъ бы слѣдовало.

Если вы спросите о мѣстѣ моего рожденія — по-нынѣшнему, вѣдь, вопросъ о благородствѣ происхожденія рѣшается прежде всего мѣстомъ, гдѣ человѣкъ издалъ свой первый младенческій крикъ, — то скажу вамъ: родилась я не на блуждающемъ Делосѣ, не въ пѣнящемся морѣ, не въ глубинѣ укромной пещеры, но на тѣхъ блаженныхъ островахъ, гдѣ ростетъ все не сѣянное и не паханное. Тамъ нѣтъ ни труда, ни старости, ни болѣзни; нѣтъ тамъ на поляхъ ни репейника, ни чертополоха, ни лебеды, ни полыни, ни иной подобной гадости; тамъ всюду чудные цвѣты, на которые глядѣть не наглядѣться, ароматомъ которыхъ дышать не надышаться. Рожденная среди этихъ прелестей, не съ плачемъ я вступила въ жизнь, а, напротивъ, ласково улыбнулась

[1]) По-гречески значитъ — юность.

[2]) Гефестъ (Вулканъ), сынъ Зевса и Геры, родившійся хромымъ.

матери. Ну, право же, мнѣ нечего завидовать верховному Зевсу, съ его кормилицей козой, когда меня вскормили своими сосцами двѣ очаровательнѣйшія нимфы: Мете (опьяненіе), дочь Вакха, и Апедія (невоспитанность), дочь Пана; обѣихъ ихъ вы видите въ толпѣ моихъ спутницъ и наперсницъ. Имена ихъ, если вамъ угодно знать, вы услышите отъ меня — клянусь Геркулесомъ — не иначе, какъ по-гречески. Вотъ этой, съ приподнятыми бровями, имя Филавтія (самолюбіе); имя вонъ той, что играетъ глазками и бьетъ въ ладоши, — Колакія (лесть). А вотъ эта съ дремлющимъ тѣломъ и соннымъ лицомъ, называется Летой (забвеніе). Вонъ та, что сидитъ со сложенными руками, опершись на оба локтя, это — Мисопонія (лѣность). А вотъ — вся увитая розами, напомаженная и раздушенная, это Эдонэ (наслажденіе). Вотъ эта — съ безпорядочно блуждающими взорами — называется Анон (безуміе). Вонъ та, съ лоснящейся кожей и упитаннымъ тѣломъ, это — Трюфе (чревоугодіе). А вотъ эти два божка, что вы видите среди дѣвочекъ, ихъ зовутъ — одного Комосъ (разгулъ), другого Негретосъ-Юпносъ (безпробудный сонъ). При помощи этой моей вѣрной дружины я все на свѣтѣ подчиняю своей власти, — повелѣваю самимъ императорамъ. Свита Глупости.

Итакъ, вотъ мой родъ, мое воспитаніе, моя свита. Теперь, чтобы кому не показалось, что я безъ всякаго основанія присвоиваю себѣ титулъ богини, — выслушайте, насторожившп уши, сколькими благами обязаны мнѣ и боги и люди, и настолько обширна область моей власти. Въ самомъ дѣлѣ, если правда, Глупость альфа всѣхъ боговъ.

какъ кто-то написалъ, что быть богомъ — значитъ быть полезнымъ людямъ, и если вполнѣ заслуженно пріобщены къ сонму боговъ тѣ, кто первые научили людей приготовленію вина, хлѣба и тому подобнымъ полезнымъ вещамъ, — то почему бы мнѣ, одѣляющей всѣхъ всевозможными благами, не называться и не считаться альфой всѣхъ боговъ?[1]).

Глупость источникъ жизни.

Начать съ самой жизни. Что ея слаще и драгоцѣннѣе? Кому, однако, какъ не мнѣ, принадлежитъ главная роль въ зачатіи всякой жизни? Вѣдь не копье же дщери могучаго родителя Паллады и не эгида тучегонителя Зевса производитъ и размножаетъ родъ людской? Напротивъ, самому отцу боговъ и царю людей, однимъ мановеніемъ приводящему въ трепетъ весь Олимпъ, приходится отложить въ сторону свои перуны и свой титаническій видъ, которымъ онъ, по желанію, наводитъ страхъ на боговъ, и, на манеръ заурядного лицедѣя, напяливать на себя чужую личину, когда ему случится захотѣть заняться — это излюбленное его занятіе! — продолженіемъ своего рода. Ужъ на что стоики![2]) Считаютъ себя чуть что не богами. Но дайте мнѣ тройного стоика, или если угодно — четверного, наконецъ — шестисотерного, а я скажу, что и ему придется въ подобномъ случаѣ отложить въ сторону, если не бороду —

[1]) Т. е. первой среди боговъ. Альфа — первая буква греческаго алфавита.

[2]) Философская школа, основанная греческимъ философомъ Зенономъ и отличавшаяся суровостью своихъ нравственныхъ правилъ.

знакъ мудрости (впрочемъ общій съ козлами)—, то во всякомъ случаѣ, расправить свои нахмуренныя брови, разгладить морщины на челѣ, отложить въ сторону свои нравственныя правила и отдаться сладкому безумію. Словомъ, будь хоть размудрецъ, безъ меня не обойдешься, коль скоро захочешь стать отцомъ. Почему бы не быть мнѣ, по моему обычаю, еще откровеннѣе съ вами? Скажите, пожалуйста, развѣ голова, развѣ лицо, развѣ грудь, развѣ рука, развѣ ухо, эти слывущія приличными части тѣла, производятъ на свѣтъ боговъ и людей? Не является ли, напротивъ, въ роли распространительницы рода человѣческаго та часть нашего тѣла, до того глупая, что даже назвать ея нельзя безъ невольной усмѣшки... И скажите на милость, ну какой мущина согласился бы надѣть на себя узду супружества, если бы онъ, по примѣру знаменитыхъ философовъ, взвѣсилъ предварительно всѣ невыгоды супружеской жизни? Или какая женщина допустила бы къ себѣ мущину, если бы поразмыслила объ опасностяхъ и мукахъ родовъ, о тяжкомъ бремени воспитанія? Стало быть, если вы обязаны жизнью супружеству, супружествомъ же обязаны моей наперсницѣ Аноѣ, то вы понимаете теперь, чѣмъ, именно, вы мнѣ обязаны...

Супружество.

Далѣе, какая женщина, разъ испытавшая муки родовъ, захотѣла бы снова повторить опытъ, если бы другая изъ здѣсь присутствующихъ спутницъ моихъ, богиня Лета, не вмѣшалась въ дѣло? Врядъ ли и сама Венера станетъ отрицать, что безъ нашего участія — не въ обиду будь сказано Лукрецію — вся ея сила оказалась бы бездѣйственной и безплодной.

Не иному чему, какъ пьяной и смѣшной забавѣ, обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ и хмурые философы, роль которыхъ унаслѣдовали въ наше время такъ называемые монахи, — и порфироносные цари, и благочестивые священнослужители, и трижды святѣйшіе Понтифики[1], — наконецъ, и весь этотъ сонмъ поэтическихъ божествъ, до того многолюдный, что самъ Олимпъ, какъ онъ ни просторенъ, едва вмѣщаетъ всю эту толпу.

Глупость источникъ всѣхъ радостей жизни.

Но пусть еще мало того, что мнѣ обязаны, какъ источнику и разсаднику жизни, — я берусь доказать вамъ, что все, что ни есть пріятнаго въ жизни, все это не что иное, какъ мой даръ. Въ самомъ дѣлѣ, что это за жизнь — если только можно ее назвать жизнью — если у ней отнять удовольствія? Вы рукоплещете! Ну, конечно, я и заранѣе знала, что вы не настолько умны, или лучше сказать, не настолько глупы, или нѣтъ — не настолько умны, чтобы согласиться на такую жизнь. Ужъ на что стоики, а и тѣ, вѣдь, далеко не прочь отъ удовольствій, какъ бы старательно ни скрывали они это. На людяхъ они, правда, на чемъ свѣтъ стоитъ, разносятъ удовольствія; это и понятно: они хотятъ отбить къ нимъ аппетитъ у другихъ, для того чтобы самимъ привольнѣе было ими пользоваться. Но пусть скажутъ мнѣ они, ради Зевса, что же останется въ жизни, кромѣ сплошной скуки, тоски, мрака, тягости, безсмыслицы наконецъ, если не примѣшать къ ней извѣстную долю удовольствій,

[1]) Т. е. папы.

другими словами—если не сдобрить ее глупостью? Мнѣ достаточно было бы сослаться на авторитетъ столь восхваляемаго Софокла, которому мы обязаны этимъ прекраснымъ и лестнымъ для насъ изреченіемъ: „не размышлять ни о чемъ — вотъ рецептъ счастливой жизни“. Но я все-таки попытаюсь разсмотрѣть вопросъ болѣе обстоятельно.

Начать съ того, что — кому это неизвѣстно? — дѣтство есть, безъ всякаго сравненія, самый веселый и пріятный возрастъ въ жизни человѣка. Чѣмъ же, однако, мы особенно восхищаемся въ дѣтяхъ? Что привлекаетъ къ нимъ наши поцѣлуи, наши объятія, наши ласки? Даже непріятель, и тотъ не отказываетъ въ помощи этому возрасту. Въ чемъ же разгадка этой обаятельности дѣтскаго возраста, какъ не въ той чарующей прелести глупости, которою предусмотрительно надѣлила его благоразумная природа, для того, чтобы вызываемымъ ею удовольствіемъ вознаградить и облегчить труды учителей и воспитателей и вмѣстѣ—возбудить въ нихъ ласковое и любовное отношеніе къ своимъ питомцамъ?.. Дѣтство.

Дѣтство смѣняется юностью. Кому она не мила, кто ее не холитъ, кто не лелѣетъ, кто не протягиваетъ ей дружелюбно руку? Въ чемъ же, скажите, это очарованіе юности? Да въ чемъ, какъ не во мнѣ?! Чѣмъ меньше кто умничаетъ, по моей милости, тѣмъ менѣе онъ смотритъ букой. Пусть меня назовутъ лгуньей, если не правда, что, по мѣрѣ того, какъ человѣкъ мужаетъ и, вмѣстѣ съ воспитаніемъ и жизненнымъ опытомъ, пріобрѣтаетъ умственную зрѣлость, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно утрачи- Юность. Зрѣлый возрастъ.

ваетъ свою юношескую свѣжесть, живость, бодрость и красоту. И чѣмъ болѣе человѣкъ удаляется отъ меня, тѣмъ менѣе онъ живетъ, пока не настанетъ

Старость. наконецъ, тяжкая старость, которая и другимъ и себѣ самой въ тягость. Старость! Да развѣ вынесъ бы ее кто изъ смертныхъ, если бы, изъ жалости къ несчастнымъ, я не являлась къ нимъ на помощь? Какъ у поэтовъ боги являются на помощь погибающимъ, принявъ чей-нибудь чужой образъ, такъ и я снова возвращаю, по мѣрѣ возможности, въ состояніе дѣтства людей, близкихъ къ могилѣ. Не даромъ про дряхлыхъ стариковъ говорится, что они „впадаютъ въ дѣтство“.

Второе дѣтство. Если вы спросите, какимъ образомъ произвожу я подобное превращеніе со стариками, извольте, скажу вамъ, это не секретъ. Я ихъ подвожу къ истокамъ Леты — рѣка эта, какъ вамъ извѣстно, беретъ начало на блаженныхъ островахъ, а въ подземномъ царствѣ протекаетъ лишь небольшимъ ручейкомъ — и тамъ, напившись воды забвенія и понемногу смывъ съ своей души тревоги, мои паціенты снова возвращаются къ юности. Про нихъ говорятъ: „они выжили изъ ума, поглупѣли“. Ну, да! это, именно, и значитъ — помолодѣть, возвратиться въ дѣтство! Быть ребенкомъ — что же иное значитъ это, какъ не — быть неразумнымъ и глупымъ? Что составляетъ лучшую прелесть дѣтскаго возраста, какъ не это отсутствіе зрѣлаго ума? Ребенокъ съ умомъ взрослаго человѣка былъ бы чудовищемъ; онъ не могъ бы внушить иного чувства къ себѣ, кромѣ непріязни и отвращенія. Это вполнѣ со-

гласно и съ общеизвѣстною пословицей: „Терпѣть не могу мальчугана съ умомъ взрослаго“. Что касается старости, то предоставляю вамъ самимъ судить, насколько невыносимъ былъ бы и въ обществѣ и въ пріятельскомъ кругу такой старикъ, который, въ добавокъ къ пріобрѣтенной лѣтами опытности, сохранилъ бы вмѣстѣ съ тѣмъ еще и всю остроту ума. Вотъ почему старческая глупость — истинное благодѣяніе съ моей стороны. Избавившись, по моей милости, отъ ума, старикъ тѣмъ самымъ избавляется отъ тысячи душевныхъ тревогъ и проклятыхъ вопросовъ, безпрестанно терзающихъ мудреца. И это далеко не единственное преимущество, которымъ мнѣ обязанъ старикъ. Благодаря мнѣ, его компанія иногда не лишена пріятности; какъ собутыльникъ, онъ не ударитъ въ грязь лицомъ. Ему чуждо то томительное чувство пресыщенія жизнью, подъ гнетомъ котораго часто изнемогаетъ и человѣкъ во цвѣтѣ возраста и силъ. Иногда онъ не прочь, по примѣру плавтовскаго старика, вспомнить эти три буквы: AMO[1]). Что за несчастье было бы для него—сохранить при этомъ свой умъ! А между тѣмъ, по милости моей, онъ вполнѣ счастливъ, пріятенъ друзьямъ и не прочь даже побалагурить въ пріятельской компаніи. Вотъ хотя бы у Гомера, напримѣръ: тамъ изъ устъ старца Нестора „льется рѣчь слаще меда“, — какой контрастъ съ желчными рѣчами Ахилла! У того же Гомера въ другомъ мѣстѣ старички, сидя на городскихъ стѣ-

---

1) По-латыни значитъ люблю

нахъ, тараторятъ между собою, и поэтъ сравниваетъ ихъ шамканье съ шелестомъ лилій. Въ этомъ отношеніи старики даже превосходятъ дѣтей. Дѣтство, нѣтъ словъ, пріятно, но оно безсловесно и потому лишено главной услады жизни, я хочу сказать — болтовни. Наконецъ, въ пользу моего положенія о родствѣ старости съ младенчествомъ говоритъ и то обстоятельство, что старики имѣютъ какое-то безотчетное влеченіе къ дѣтямъ, а послѣдніе, съ своей стороны, высказываютъ особенную симпатію къ старикамъ, что совершенно согласно съ этимъ гомеровскимъ изрѣченіемъ, что „подобное боги сближаютъ съ подобнымъ". Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, разница между старикомъ и ребенкомъ, кромѣ той, что первый насчитываетъ болѣе морщинъ и дней рожденія? За то во всемъ остальномъ полнѣйшее сходство: и бѣлые волосы, и беззубый ротъ, и маленькій ростъ, и аппетитъ къ молоку, и косноязычіе вмѣстѣ съ болтливостью, и придурковатость, забывчивость, недогадливость и т. д. И чѣмъ болѣе старится человѣкъ, тѣмъ ближе онъ подходитъ къ состоянію дѣтства, пока наконецъ не умираетъ, и жизнью не наскучивъ, и не чуя смерти.

Глупость благодѣтельница человѣческаго рода.

Пусть послѣ всего этого попробуетъ кто сравнить производимую мною благодѣтельную метаморфозу съ превращеніями прочихъ божествъ. Что творятъ они въ минуты гнѣва, не станемъ лучше и говорить о томъ. Но въ минуты добраго расположенія, чѣмъ выражаютъ они свое благорасположеніе къ своимъ любимцамъ? Они ихъ превращаютъ — одного въ дерево, другого въ птицу, третьяго въ стрекозу, а

то и въ змѣю. Какъ будто потерять свой образъ не все равно что погибнуть! Не то — я! Оставляя человѣка человѣкомъ, я только возвращаю его къ иной, лучшей и счастливѣйшей порѣ его жизни. Не ясно ли, что, если бы люди совершенно избѣгали всякаго знакомства съ мудростью и водились бы всю свою жизнь исключительно со мной, тогда и старости бы вовсе не было, но всѣ бы счастливо наслаждались безпрерывною юностью.

Посмотрите, въ самомъ дѣлѣ, на этихъ угрюмыхъ господъ, по уши ушедшихъ либо въ изученіе философіи, либо въ другія серьезныя и трудныя занятія: развѣ они не превратились въ стариковъ, прежде чѣмъ стать молодыми? Заботы и усидчивая, напряженная умственная работа развѣ не вытянули изъ нихъ капля по каплѣ всѣ жизненные соки? Взгляните, напротивъ, на моихъ глупышей: что за цвѣтъ лица—кровь съ молокомъ! а это выхоленное тѣло, а эта лоснящаяся кожа, точно у акарнанскихъ поросятокъ! Они ужъ, конечно, никогда не почувствуютъ невзгодъ старости, разумѣется, если только не заразятся отъ соприкосновенія съ мудрецами. Къ сожалѣнію, это случается! такова ужъ человѣческая жизнь: полное благополучіе не ея удѣлъ. Глупцы счастливѣе умныхъ.

Я могу, кромѣ того сослаться, въ подтвержденіе высказаннаго мною положенія, на авторитетъ общеизвѣстной пословицы, утверждающей, что одна лишь глупость способна задержать столь быстрое теченіе юности и отдалить постылую старость. Пословица эта гласитъ, что брабантцы глупѣютъ съ возрастомъ. А какой же другой народъ можетъ сравнить- Глупость источникъ вѣчной юности.

ся съ брабантцами въ ихъ жизнерадостномъ отношеніи къ жизни и въ той молодцоватой беззаботности, съ какою они переносятъ невеселую старость? Близки къ нимъ и по мѣсту и по складу жизни мои Голландцы—почему бы мнѣ и не называть моими этихъ ревностныхъ почитателей моихъ, которые за свое усердное служеніе мнѣ удостоились соотвѣтствующаго прозвища? И они не только не думаютъ стыдиться послѣдняго, а имъ-то въ особенности и гордятся.

Пусть послѣ этого дураки-люди, въ чаяніи возвратить себѣ юность, рыщутъ въ поискахъ Медей, Цирцей, Венеръ и какихъ-то тамъ чудодѣйственныхъ источниковъ,—когда я одна въ состояніи доставить имъ это,—что обыкновенно и дѣлаю. У меня этотъ чудодѣйственный бальзамъ, при помощи котораго дочь Мемнона возвратила юность своему дѣду Тиѳону. Я—та Венера, по милости которой старикъ Фаонъ помолодѣлъ настолько, что въ него по уши влюбилась Сафо. У меня тѣ волшебныя травы—если только существуютъ такія —, у меня тѣ заколдованныя слова, у меня тотъ чудодѣйственный источникъ, который не только возвращаетъ утраченную молодость, но—что еще вожделѣннѣе—навѣки сохраняетъ ее. Если вы всѣ согласны въ томъ, что нѣтъ ничего лучше молодости и несноснѣе старости, то вы видите, полагаю, чѣмъ обязаны вы той, которая сохраняетъ людямъ столь великое благо и устраняетъ столь великое зло?

Глупость у боговъ.

Къ чему мнѣ, однако, останавливаться слишкомъ долго на смертныхъ? Обрыскайте всѣ небеса, и пусть всякій, кому угодно, позоритъ мое имя, если

вы найдете хоть одно порядочное божество, сколько-нибудь заслуживающее вниманія, которое бы такъ или иначе не было чѣмъ-либо обязано моему благодѣтельному вліянію. Отчего, напримѣръ, у Бахуса всегда такое юное лицо и кудрями вьющіеся волосы? Отчего? Ну, конечно, оттого, что онъ кутила и дебоширъ, всю свою жизнь проводитъ въ попойкахъ, пляскахъ, хороводахъ, играхъ, и даже ни вотъ настолько не имѣетъ знакомства съ Палладой[1]). Онъ до такой степени далекъ отъ какихъ бы то ни было притязаній на мудрость, что, именно, въ угоду ему, самый культъ этого бога имѣетъ шутливый и даже шутовской характеръ. Онъ отнюдь не думаетъ оскорбляться пословицей, надѣляющей его прозвищемъ дурака, именно, въ такой формѣ: глупѣе чучела. А чучеломъ прозвали его потому, что, когда онъ сидитъ у воротъ храма, то крестьяне, забавы ради, обмазываютъ ему физіономію виноградным соком и фигами. А эта старинная комедія[2]), въ какомъ карикатурномъ видѣ выставляетъ она Бахуса? Вотъ, говорятъ: что за дурацкій богъ это! Не даромъ онъ и родился изъ бедра[3]). Но я васъ спрашиваю, кто не предпочелъ бы быть этимъ глупцомъ и шутомъ, развеселымъ, полнымъ юной свѣжести, постоянно несущимъ съ собой игры и удовольствія,—кто, говорю я, не предпочелъ бы быть такимъ, чѣмъ этимъ вѣчно для всѣхъ страшнымъ Юпитеромъ, съ его вѣчно за-

---

[1]) Богиня мудрости.

[2]) Комедія Аристофана Лягушки.

[3]) Изъ бедра Юпитера.

таенными въ душѣ мыслями? или, чѣмъ этимъ Паномъ, что наводитъ своимъ крикомъ на всѣхъ оцѣпенѣніе ужаса? или, чѣмъ этимъ насквозь прокопченымъ и вѣчно грязнымъ въ своей кузницѣ Вулканомъ? или даже—чѣмъ этой Палладой съ ея Горгоной и копьемъ и вѣчно свирѣпымъ взоромъ? Посмотрите также на Купидона. Отчего онъ всегда малютка? Отчего, какъ не оттого, что глупъ до святости и вѣтрогонъ съ головы до ногъ; ничего серьезнаго не дѣлаетъ, ни о чемъ серьезномъ не думаетъ, и занятъ лишь своими проказами. Или взять Венеру: отчего сохраняетъ она неизмѣнною свѣжесть своихъ вѣчно юныхъ формъ? Именно, оттого, что она мнѣ приходится съ родни, и золотистымъ цвѣтомъ своего лица она не даромъ напоминаетъ моего отца: вотъ почему и у Гомера она зовется „золотой Афродитой“. Къ тому-же она постоянно улыбается, если вѣрить поэтамъ и ихъ соревнователямъ, ваятелямъ. Далѣе, какое божество чтили когда-либо римляне болѣе усердно, нежели Флору, мать всѣхъ удовольствій? Да, наконецъ, если приняться за всѣхъ этихъ серьезныхъ и чопорныхъ боговъ да разобрать по ниточкамъ всю ихъ жизнь, какъ она расписана у Гомера и прочихъ поэтовъ, то, право же, шагу не ступишь безъ того, чтобы не натолкнуться на глупость.

Нужно ли приводить дѣянія прочихъ боговъ, когда вамъ хорошо извѣстны любовныя похожденія и проказы самого молніеноснаго Юпитера? А эта суровая Діана, которая, забывши свой полъ, всецѣло отдается охотѣ, что, однако, не мѣшаетъ ей быть безъ ума отъ Эндиміона? Впрочемъ, пусть лучше слуша-

ютъ боги про свои подвиги отъ Мома[1]) - благо къ этому имъ не привыкать стать. Однако, недавно боги спустили таки его внизъ головой на землю вмѣстѣ съ Ате[2]), за то что своимъ умомъ онъ нарушалъ гармонію ихъ благополучія. И никто изъ смертныхъ не удостоиваетъ изгнанника гостепріимствомъ, — я ужъ и не говорю о дворцахъ государей, тамъ безраздѣльно царитъ моя Колакія (Лесть), а Момъ ей такъ же подъ стать, какъ волку ягненокъ. Такъ или иначе, но, отдѣлавшись отъ этого докучливаго цензора, богамъ теперь полное раздолье безобразничать, кто во что гораздъ. Какихъ только шутокъ не отмачиваетъ этотъ пошлякъ Пріапъ! А какія проказы выдѣлываетъ, какія колѣнца выкидываетъ вороватый Меркурій! На что калѣка Вулканъ[3]), а и тотъ не отстаетъ отъ другихъ въ роли смѣхотвора, потѣшая честную компанію то своимъ уморительнымъ ковыляньемъ, то разными шутками да прибаутками. За нимъ и старый грѣховодникъ Силенъ пускается въ плясъ вмѣстѣ съ Полифемомъ, отплясывающимъ свой излюбленный „третанело", и Нимфами, танцующими „босоножку". Въ то время, какъ козлоногіе Сатиры разыгрываютъ болѣе, чѣмъ нескромные фарсы, Панъ какой-нибудь непристойной пѣсенкой вызываетъ всеоб-

---

1) Момъ—сынъ Ночи, олицетвореніе злословія.

2) Ате, „благородная дочь Зевса" (у Гомера), богиня, олицетворяющая собою ослѣпленіе, ведущее къ грѣху и черезъ то къ погибели.

3) По одному миѳу (болѣе древнему), онъ родился хромымъ, по другому (позднѣйшему) охромѣлъ отъ паденія съ неба, откуда былъ сброшенъ разгнѣваннымъ отцомъ (Зевсомъ-Юпитеромъ).

щій взрывъ хохота; послушать его боги любятъ больше, чѣмъ музъ, въ особенности, когда имъ случится изрядно хлебнуть нектара.

Впрочемъ, что распространяться о томъ, что творятъ боги послѣ доброй выпивки? Глядя на ихъ глупости, право же мнѣ самой подъ часъ не въ мочь отъ смѣха. Не лучше ли, однако, въ этомъ случаѣ привести на память молчаливаго Гарпократа? Не подслушалъ бы какой-нибудь сыщикъ изъ боговъ такихъ рѣчей, какія и Мому не прошли даромъ...

Глупость среди людей.

Но пора, по примѣру Гомера, спуститься опять съ неба на землю. Мы увидимъ, что, если и на землѣ есть веселье и благополучіе, то лишь постольку, поскольку мнѣ угодно его даровать людямъ. Посмотрите, прежде всего, съ какой предусмотрительностью природа, эта сердобольная мать рода человѣческаго, позаботилась о томъ, чтобы нигдѣ не было недостатка въ приправѣ глупости. По опредѣленію стоиковъ, руководиться разумомъ, это—мудрость, руководиться чувствомъ—глупость. Не даромъ же Юпитеръ въ гораздо большей степени надѣлилъ людей чувствами, чѣмъ разумомъ; можно сказать, что первыхъ онъ далъ на рубль, а послѣдняго—на грошъ. Зачѣмъ это? Да затѣмъ, конечно, чтобы жизнь человѣческая не была сплошною печалью и тоской! Сверхъ того, посмотрите, какое скромное мѣсто отвелъ онъ разуму—въ укромномъ уголкѣ головы, между тѣмъ какъ все остальное тѣло предоставилъ страстямъ. Далѣе, этому разуму—одному—онъ противопоставилъ двухъ свирѣпѣйшихъ тиранновъ. Это, съ одной стороны—гнѣвъ, засѣвшій, какъ въ крѣпкомъ замкѣ, въ груди

Разумъ и чувства.

Гнѣвъ и похоть.

человѣка и держащій въ своей власти самый источникъ жизни—сердце; съ другой стороны, это—похоть, имѣющая самую широкую власть надъ человѣкомъ. Насколько силенъ разумъ противъ этихъ двухъ супостатовъ, достаточно показываетъ повседневная жизнь. Разумъ хоть до хрипоты кричи о правилахъ и требованіяхъ нравственности, его супостаты, скрутивъ его по рукамъ и по ногамъ, задаютъ ему такую встряску, что тотъ въ концѣ концовъ сдается и на все соглашается.

Мущина, которому, какъ рожденному для того, чтобы руководить и управлять, пришлось всетаки впрыснуть разума на одну капельку побольше, для того чтобы онъ могъ стоять на высотѣ своего мужского призванія,—мущина обратился ко мнѣ за совѣтомъ по этому случаю, какъ это онъ привыкъ дѣлать и въ другихъ случаяхъ. Я не заставила ждать и сейчасъ же дала ему достойный меня совѣтъ: взять себѣ женщину, это глупенькое и вздорное животное, но за то забавное и милое,—для того чтобы своею глупостью она могла приправить и подсластить тоскливую серьезность мужского ума. Недаромъ же Платонъ колебался, какъ кажется, къ какому разряду живыхъ существъ отнести женщину: къ разряду разумныхъ или неразумныхъ. Во всякомъ случаѣ, онъ отмѣчаетъ глупость въ качествѣ характернаго признака женскаго пола. Даже, когда случится женщинѣ пожелать прослыть умницей, то все, что она дѣлаетъ въ этомъ случаѣ, лишь подчеркиваетъ ея глупость. Кто хочетъ, вопреки природѣ, закрасить порокъ румянами добродѣтели, тотъ лишь усугубляетъ его,

Мущина и женщина.

Платонъ о женщинахъ.

извращая вмѣстѣ съ тѣмъ природу. Правду говоритъ греческая пословица: „обезьяну разодѣнь хоть въ порфиру, все—обезьяна". Такъ и женщина—всегда женщина, то-есть глупенькое существо, въ какую бы маску она ни рядилась. Женщинамъ нечего обижаться этими моими словами: если я имъ приписываю глупость, такъ, вѣдь я сама—Глупость; если я такъ говорю о женщинахъ, такъ, вѣдь, и сама я тоже женщина. Вѣдь, если правильно поразмыслить, то женщины мнѣ обязаны признательностью за то, что онѣ не въ примѣръ счастливѣе мущинъ. Начать съ внѣшней красоты, которую онѣ совершенно справедливо цѣнятъ выше всего на свѣтѣ: при ея помощи, онѣ самихъ тиранновъ подчиняютъ своей тиранніи. Съ другой стороны, этотъ отталкивающій видъ мущины, съ его мохнатой кожей, съ его щетинистой бородой, съ его наружностью, отзывающей чѣмъ-то старческимъ,—откуда все это, какъ не отъ порока разсудительности? Сравните теперь съ этимъ пухлыя щечки женщинъ, ихъ тоненькій голосокъ, ихъ нѣжную кожу, ихъ какъ бы вѣчно юношескую наружность.

Женщина о женщинахъ.

Женщины счастливѣе мущинъ.

Цѣль женщины.

Далѣе, къ чему сводятся всѣ помыслы женщины въ этой жизни? Какъ можно болѣе нравиться мущинамъ! Развѣ не къ этой цѣли направлены всѣ эти уборы, все эти притиранья, всѣ эти обмыванья, всѣ эти украшенія, всѣ эти мази, духи, всѣ эти подкрашиванія лица, глазъ, кожи, искусственныя закругленія формъ и тому подобныя ухищренія?..

Глупость есть лучшая рекомендація женщины въ глазахъ мущинъ. И чего только не позволяютъ

они женщинамъ, лишь бы добиться своего! Въ глупости женщины—высшее блаженство для мущины. Этому не будетъ, конечно, прекословить тотъ, кто припомнитъ себѣ, какого только вздора не говоритъ мущина съ женщиной и какими только глупостями съ ней не занимается, лишь бы добиться извѣстной цѣли...

Любовь.

Итакъ, вотъ вамъ—первая и главная услада жизни—любовь: вы видите, изъ какого источника проистекаетъ она. Есть, впрочемъ, люди—главнымъ образомъ изъ числа старичковъ, болѣе падкихъ на выпивку, чѣмъ на женщинъ—, для которыхъ высшее наслажденіе—въ попойкахъ. Но, во-первыхъ, гдѣ же видана сколько-нибудь приличная пирушка безъ женщинъ? А, во-вторыхъ, все равно, безъ приправы глупости нѣтъ веселья. Это до такой степени вѣрно, что, если не хватаетъ человѣка, который бы потѣшалъ компанію дѣйствительной ли или притворной глупостью, то либо приглашаютъ наемнаго смѣхотвора, либо допускаютъ къ себѣ какого-нибудь смѣшного блюдолиза, для того чтобы онъ смѣшными, то-есть глупыми словоизверженіями нарушалъ молчаніе и разгонялъ скуку собутыльниковъ. И въ самомъ дѣлѣ, какой былъ бы толкъ отъ набиванія желудка столькими закусками, сластями и лакомыми блюдами, если бы въ то же время не услаждались одинаково и зрѣніе, и слухъ, наконецъ, вся душа—смѣхомъ, шутками, красотой? А по части этого рода дессерта я—единственная спеціалистка. Всѣ эти придающія торжественность пирамъ церемоніи—избраніе жребіемъ „царя пира“, опредѣленіе мѣста для ка-

Вино и женщины.

Глупость на пиру.

ждаго собутыльника, здравицы, пѣніе по очереди съ миртовою вѣтвью, пляска и жестикуляціи,—вѣдь, все это не семью греческими мудрецами изобрѣтено, а мною—на благо рода человѣческаго. Всѣ эти шутки по природѣ таковы, что, чѣмъ больше въ нихъ глупости, тѣмъ больше въ нихъ проку для жизни людей; а печальная жизнь—развѣ это можно назвать жизнью? Печальною же будетъ жизнь непремѣнно, если не разгонять рождающуюся вмѣстѣ съ нами тоску подобнаго рода развлеченіями.

Глупость и дружба.

Есть, быть можетъ, и такіе, которые относятся съ пренебрежніемъ къ этого рода наслажденіямъ, и находятъ себѣ удовлетвореніе въ дружбѣ, которую они ставятъ выше всего на свѣтѣ. Послушать ихъ, такъ дружба не менѣе необходима, чѣмъ воздухъ, огонь или вода. Кромѣ того, говорятъ они, въ дружбѣ столько пріятности, что безъ нея жизнь все равно, что день безъ солнца. Наконецъ, дружба есть нѣчто до такой степени почтенное, что и сами философы—если только чего-либо стоитъ ссылка на ихъ авторитетъ—не боятся ставить ее въ разрядъ высшихъ благъ. Но что, если я докажу, что я альфа и омега, начало и конецъ и этого столь великаго блага? Доказывать же это стану я не крокодилитами, не рогатыми соритами[1] или иными подобнаго рода діалектическими фигурами, но попросту, безъ всякихъ мудреныхъ финтифлюшекъ. Смотрѣть сквозь пальцы на недостатки своихъ друзей, закрывать на нихъ глаза, потакать имъ и даже принимать серьез-

[1]) Термины схоластической діалектики.

ные недостатки за достоинства, находить въ нихъ прелесть, восхищаться ими,—да развѣ все это не съ родни глупости? Когда одинъ покрываетъ поцѣлуями родимое пятнышко своей возлюбленной, другой восхищается бородавкой своей Агнесы; когда про своего косоглазаго сына отецъ говоритъ, что у него глаза Венеры: чтó все это, скажите на милость, если не глупость непроходимая? Ну да, глупость, трижды, четырежды—глупость! Но эта самая глупость—и она одна—и друзей сводитъ и дружбу сохраняетъ. Я говорю о смертныхъ, изъ которыхъ, вѣдь, никто не родится безъ недостатковъ; превосходный человѣкъ, это—тотъ, у кого ихъ всего меньше. Что же касается философовъ, считающихъ себя чуть что не богами, то вообще дружба между ними не процвѣтаетъ, а если и заведется невзначай, то какая-то кислая и хмурая, и всегда лишь въ очень ограниченномъ кругу. Дружатся же они вообще съ очень немногими, чтобы не сказать—ни съ кѣмъ. И понятно почему: потому что огромное большинство людей безумцы, и почти всякій сумасшествуетъ на свой ладъ, между тѣмъ какъ сходство характеровъ есть необходимое условіе тѣсной дружбы. Если между такъ называемыми серьезными людьми и заведется иногда взаимное благорасположеніе, то оно всегда неустойчиво и мимолетно. Да и какая, въ самомъ дѣлѣ, прочная и продолжительная дружба возможна между людьми строгими и вдобавокъ настолько зоркими, что они видятъ насквозь пороки своихъ друзей? Зоркостью своей въ этомъ случаѣ они могутъ поспорить съ орломъ или эпидаврскимъ змѣемъ. Но коснись дѣло

Дружба философовъ.

собственныхъ недостатковъ, у нихъ темная вода въ глазахъ. Свой недостатокъ, вѣдь, что котомка за плечами: не видно. Но мы знаемъ, что нѣтъ человѣка, который былъ бы по природѣ совершенно свободенъ отъ всякихъ недостатковъ. Прибавьте къ этому различіе возрастовъ и занятій, всѣ тѣ промахи, ошибки и непредвидѣнныя случайности, которыми переполнена человѣческая жизнь, и скажите мнѣ, есть ли возможность, чтобы хотя въ теченіе одного часа продлилась прелесть дружбы между этими Аргусами [1]), если только не вмѣшается въ дѣло извѣстная доля того, что греки называютъ „благодушіемъ", и что можно съ одинаковымъ правомъ перевести словами „глупость" и „легкомысліе". Не даромъ Купидонъ, спеціалистъ по части сближенія людей между собой, совершенно лишенъ зрѣнія. За то все, даже и непрекрасное, ему кажется прекраснымъ; да и съ вами онъ то же самое продѣлываетъ: благодаря ему, всякому свое кажется прекраснымъ, и собственная старушка представляется богиней старичку, точно такъ же, какъ и своя дѣвчонка представляется богиней безусому молокососу. Это обычное явленіе! Надъ этимъ смѣются, но это смѣшное есть то, безъ чего не было бы сколько-нибудь общенія между людьми.

Благодушіе.

Дружба, какъ и любовь, слѣпа.

Бракъ.

То, что было сказано о дружбѣ, еще въ большей степени приложимо къ браку, который, вѣдь, есть не что иное, какъ тѣсное сближеніе между двумя лицами на всю жизнь. Боже безсмертный, сколь-

---

[1]) Аргусъ — миѳическое существо, все тѣло котораго было усѣяно глазами.

ко было бы разводовъ или даже еще того хуже, если бы повседневное общеніе между мужемъ и женой не поддерживалось ежеминутно — лестью, кокетствомъ женщины и ухаживаніемъ мущины, шутками, различными продѣлками, взаимною снисходительностью, незнаніемъ истины, притворствомъ, то-есть разными моими спутницами. Да, вѣдь, надо сознаться, что врядъ ли много было бы браковъ, если бы женихъ благоразумно освѣдомился предварительно, съ какого рода забавами задолго до свадьбы освоилась эта благовоспитанная по наружности и столь стыдливая дѣвица. А заключенные браки, сколь недолговѣчны оказалось бы огромное ихъ большинство, если бы большая часть дѣяній женъ не оставалась въ неизвѣстности, благодаря халатности или тупости мужей. Все это приписываютъ глупости. Ну да, именно, по милости глупости — мужу мила жена, а женѣ милъ мужъ; по милости глупости — тишина въ домѣ и миръ въ семьѣ! Смѣются надъ обманутымъ мужемъ, надъ рогоносцемъ, или какъ тамъ еще его называютъ, когда онъ продолжаетъ расточать супружескія ласки своей невѣрной женѣ. Ну и пусть ихъ смѣются! По-моему лучше ужъ такъ обманываться, чѣмъ убивать себя ревностью и обращать свою жизнь въ трагедію.

Спутницы Глупости.

Невѣрная жена

Ревность.

Словомъ, безъ меня невозможно сколько-нибудь пріятное или прочное общеніе между людьми. Безъ моего вмѣшательства не выносилъ бы народъ — государя, господинъ не выносилъ бы раба, а служанка — госпожи; не выносилъ бы пріятель — пріятеля, жена - мужа, домохозяинъ—квартиранта, сожитель—

Глупость душа всякаго общенія между людьми

сожителя, товарищъ — товарища, если бы только они не заблуждались взаимно, не расточали бы взаимно лести, не потакали бы слабостямъ другъ друга, не мазали бы другъ друга по губамъ медомъ глупости. Уже сказаннаго, кажется, болѣе чѣмъ достаточно. Но погодите, вы услышите сейчасъ кое что посерьезнѣе.

Самолюбіе, самомнѣніе, самодовольство

Скажите на милость, полюбитъ ли кого тотъ, кто самъ себя ненавидитъ? Развѣ сойдется съ другимъ тотъ, кто самъ съ собой въ разладѣ? Развѣ доставитъ кому удовольствіе тотъ, кто себѣ самому въ тягость? Никто, полагаю, не станетъ утверждать этого, развѣ кто захочетъ быть глупѣе самой Глупости! Попробуйте обойтись безъ меня — и вы не только другъ другу омерзѣете, но самъ себѣ каждый сдѣлается противенъ, гадокъ, ненавистенъ. Природа во многихъ отношеніяхъ скорѣе мачиха, чѣмъ мать; надѣлила же она людей, въ особенности тѣхъ изъ нихъ, что немножко поразсудительнѣе, инстинктивною наклонностью — тяготиться своимъ и преклоняться предъ чужимъ. Эта слабость извращаетъ и портитъ все, что есть пріятнаго и привлекательнаго въ жизни. Какой толкъ въ красотѣ — этомъ лучшемъ дарѣ безсмертныхъ боговъ, если она подгажена зловоніемъ? Что толку въ молодости, если она подкислена старческой унылостью? Наконецъ, какимъ образомъ будешь ты дѣйствовать — на какомъ бы то ни было поприщѣ — съ достоинствомъ (вѣдь, достоинство — главное не только во всякомъ искусствѣ, но и во всякомъ поступкѣ), если не явится на подмогу Филавтія (самомнѣніе)? А она такъ ловко и проворно разыгрываетъ

всюду, гдѣ возможно, мою роль, что я имѣю полное право считать ее моею родною сестрой. Съ другой стороны, питая отвращеніе къ самому себѣ, ты никогда не произведешь чего-либо прекраснаго, изящнаго, пріятнаго. Отнимите у жизни эту приправу — и ораторъ покажется скучнымъ въ своей замороженной позѣ; никому не доставитъ удовольствія своимъ тщательнымъ исполненіемъ пьесы музыкантъ; освистанъ будетъ актеръ съ своею мимикой; осмѣянъ поэтъ съ своими музами; ошельмованъ художникъ съ своею картиной, и голодомъ останется врачъ съ своими лѣкарствами; Нирей покажется Терситомъ, Фаономъ Несторъ, Минерва — свиньей [1]), ораторъ — безсловеснымъ младенцемъ, столичный щеголь — деревенщиной. Надо, чтобы человѣкъ любовался самъ собой, и лишь понравившись себѣ самому, можетъ онъ разсчитывать понравиться другимъ.

Наконецъ, вѣдь, благополучіе состоитъ главнымъ образомъ въ томъ, чтобы быть тѣмъ, чѣмъ хочешь; а это послѣднее доставляется моей Филавтіей. Она такъ устраиваетъ, что человѣкъ доволенъ своей наружностью, своимъ умомъ, своимъ происхожденіемъ, своимъ положеніемъ, своею судьбой, своею родиной — до такой степени, что ирландецъ не помѣнялся бы своей жизнью съ итальянцемъ, ѳракіецъ съ аѳиняниномъ, скиѳъ — съ обитателемъ блаженныхъ острововъ. Изумительная предусмотрительность природы! Она

---

[1]) Нирей слылъ красивѣйшимъ изъ грековъ, бывшихъ подъ Троею, Терситъ — самымъ безобразнымъ. Фаонъ — юноша, Несторъ — старецъ. Минерва — богиня мудрости.

сумѣла внести равенство въ столь безконечное разнообразіе. Тамъ, гдѣ она не додала своихъ даровъ, она обыкновенно возмѣщаетъ этотъ пробѣлъ излишкомъ самодовольства. Виновата — я довольно глупо выразилась: слѣдовало сказать, что это-то, то-есть самодовольство, и есть само по себѣ величайшій даръ природы.

Подвиги и искусства. Нечего и говорить, что нѣтъ ни одного выдающагося подвига, который бы не былъ совершенъ по моему внушенію, — нѣтъ ни одного сколько-нибудь заслуживающаго вниманія искусства, которое бы было

Война. изобрѣтено безъ моего содѣйствія. Не есть ли война разсадникъ и источникъ всяческихъ достохвальныхъ дѣяній? Однако, что можетъ быть глупѣе, какъ — изъ-за какихъ бы тамъ ни было причинъ — вступать въ такого рода состязаніе, въ которомъ обѣ стороны всегда теряютъ болѣе, чѣмъ выигрываютъ? Но, оставляя въ сторонѣ выбывшихъ изъ строя, я васъ спрошу вотъ о чемъ: когда оба закованные въ желѣзо непріятельскіе отряды стоятъ выстроившись въ боевомъ порядкѣ другъ противъ друга, и воздухъ огласился хриплыми звуками сигнальныхъ рожковъ, — скажите, какой толкъ въ эту минуту въ этихъ умникахъ, истощенныхъ умственными занятіями, съ ихъ разжиженною и охолодѣвшею кровью? Тутъ нужны здоровяки, крѣпыши, — поменьше ума, да побольше лихости! Врядъ ли какой генералъ пожелалъ бы имѣть солдатомъ Демосѳена, который, слѣдуя совѣту Архилоха, едва завидѣлъ издали непріятеля, какъ бросилъ свой щитъ и давай Богъ ноги... Прекрасный ораторъ, что и говорить, но солдатъ — изъ рукъ вонъ

плохой! Но, возразятъ мнѣ, въ войнѣ важное дѣло—смѣтливость. Спору нѣтъ: только смѣтливость-то тутъ нужна военная, а не какая-нибудь тамъ философская. Это благородное дѣло—война—ведется, вѣдь, не кабинетными учеными и философами, а бездомными прихлебателями, торговцами живымъ товаромъ, рыцарями большой дороги, кандидатами на висѣлицу, мужланами сиволапыми, дураками набитыми, должниками неоплатными и прочимъ отребіемъ рода человѣческаго[1]).

Философія въ практической жизни.

Что же касается господъ философовъ, то совершенная негодность этихъ людей въ практической жизни вполнѣ явствуетъ изъ примѣра Сократа. Этому „единственному мудрецу“, какъ назвалъ его—вотъ ужъ всего менѣе мудрое сужденіе!—оракулъ Аполлона, вздумалось какъ-то выступить съ рѣчью передъ публикой. Что же? Онъ вызвалъ лишь общій смѣхъ и долженъ былъ ретироваться съ конфузомъ. Человѣкъ этотъ не былъ лишенъ ума, судя по тому, что онъ отказался принять эпитетъ мудреца, считая его подобающимъ лишь богу; онъ высказывалъ также мнѣніе, что умному человѣку слѣдуетъ держаться въ сторонѣ отъ политики; еще лучше поступилъ бы онъ, если бы внушалъ, что всякій, дорожащій именемъ человѣка, долженъ воздерживаться отъ мудрости. Что, въ концѣ концовъ, и его самого привело къ смертному приговору? Мудрость! Философствуя объ облакахъ и идеяхъ, занимаясь измѣреніемъ ступни блохи, и упиваясь музыкой комаринаго пѣнія, онъ остался

---

[1]) Наемныя войска вербовались изъ разнаго сброда.

совершеннымъ младенцемъ во всемъ, что касается повседневной жизни. А его ученикъ Платонъ? Когда передъ судомъ дѣло шло о жизни и смерти Сократа. Платонъ выступаетъ въ защиту своего учителя. Хорошъ защитникъ! Онъ оборвалъ свою рѣчь на первой половинѣ своего отшлифованнаго періода: его, видите ли, смутилъ гулъ окружавшей толпы. А что сказать о Ѳеофрастѣ? Взойдя на ораторскую трибуну, онъ моментально онѣмѣлъ: точно волка передъ собой увидалъ. Исократъ, который такъ краснорѣчиво воодушевляетъ солдатъ къ битвѣ въ своихъ сочиненныхъ въ четырехъ стѣнахъ кабинета рѣчахъ, былъ такъ робокъ, что ни разу не рѣшился разинуть рта передъ публикой. Кому неизвѣстно, что родоначальникъ римскаго краснорѣчія Цицеронъ всегда начиналъ свою рѣчь, трясясь, какъ въ лихорадкѣ, и запинаясь на каждомъ словѣ, точно всхлипывающій ребенокъ. Фабій видитъ въ этомъ доказательство продуманнаго и сознательнаго отношенія оратора къ своей задачѣ. Но утверждая это, не признаетъ ли онъ тѣмъ самымъ совершенную непригодность мудрости въ подобнаго рода дѣлахъ? Что станется съ этими господами, когда дѣло дойдетъ до настоящаго сраженія, если у нихъ отъ страху душа въ пятки уходитъ, когда приходится сражаться лишь словами? И послѣ всего этого превозносятъ это пресловутое изреченіе Платона, что „блаженны будутъ тѣ государства, въ которыхъ философы будутъ повелѣвать или повелители философствовать“! Стоитъ лишь справиться съ исторіей, чтобы увидѣть, что не было болѣе вредныхъ для своего государства правителей, чѣмъ тѣ, которые под-

Изреченіе Платона.

Свидѣтельство исторіи.

падали вліянію философіи и науки. Достаточно, для примѣра, назвать обоихъ Катоновъ, изъ которыхъ одинъ не давалъ покоя государству своими сумасбродными доносами; другой, распинаясь —черезчуръ мудро!—за республиканскую свободу, добился лишь ея окончательнаго ниспроверженія. Прибавьте сюда Брутовъ, Кассіевъ, Гракховъ, съ самимъ Цицерономъ въ придачу: врядъ ли послѣдній менѣе вреда принесъ римской республикѣ, чѣмъ Демосѳенъ—аѳинской! Или вотъ, Маркъ Антонинъ—спору нѣтъ, хорошій былъ императоръ, а и его я могу вывести на свѣжую воду. Онъ былъ философъ—точно; но, именно, этимъ былъ онъ въ тягость своимъ подданнымъ, которые его терпѣть не могли. Хорошій былъ человѣкъ—допустимъ, но фактъ тотъ, что, оставивъ такого наслѣдника [1]), онъ принесъ больше вреда государству, чѣмъ его управленіе принесло ему пользы. Какъ-то такъ ужъ нѣтъ ни въ чемъ проку у этого сорта людей— я разумѣю поклонниковъ философіи,— въ особенности же—въ дѣтяхъ. Полагаю, это не безъ намѣренія предусмотрительной матери-природы — чтобы не дать слишкомъ широко распространиться среди смертныхъ этой заразѣ мудрости. Не даромъ у Цицерона, какъ извѣстно, сынъ былъ настоящій выродокъ, а у Сократа дѣти вышли болѣе въ мать, чѣмъ въ отца, т. е. совершенными олухами.

Дѣти умныхъ людей.

Но пусть бы, куда ни шло, негодны были этого сорта люди—какъ ослы къ музыкѣ—къ общественной дѣятельности; но вѣдь, и въ повседневной жизни

Мудрецъ въ повседневной жизни.

[1]) Сына своего, Коммода.

отъ нихъ также мало проку. Позови мудреца на пирушку,—онъ либо нагонитъ на всѣхъ скуку смертную, либо разгонитъ непринужденную развязность какими-нибудь неумѣстными вопросами. Пригласи его на танцы, запляшетъ онъ тебѣ, что твой верблюдъ; возьми его съ собой на какое-нибудь публичное увеселеніе, одной своей кислой физіономіей онъ отобьетъ у всѣхъ охоту веселиться; достаточно вспомнить мудраго Катона, который предпочелъ уйти изъ театра, чѣмъ расправить свои насупленныя брови. Вмѣшается ли такой человѣкъ въ разговоръ, моментально у всѣхъ языкъ отнялся, точно вдругъ волка увидѣли. Доведись, надо что купить или заключить контрактъ, однимъ словомъ—сдѣлать одно изъ тѣхъ дѣлъ, безъ которыхъ шагу не ступишь въ повседневной жизни,—во всѣхъ подобныхъ случаяхъ этотъ мудрецъ окажется болванъ болваномъ. Словомъ, ни себѣ самому, ни отечеству, ни ближнимъ ни малѣйшаго проку отъ мудреца, какъ вслѣдствіе его совершенной неопытности въ житейскихъ дѣлахъ, такъ и вслѣдствіе его рѣшительнаго и постояннаго разлада съ общепринятыми понятіями, вкусами и навыками. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ такого разлада является антипатія такого человѣка ко всему окружающему. Не полна ли, въ самомъ дѣлѣ, жизнь глупости? Не всюду ли—глупыя дѣянія глупыхъ людей и глупыя приключенія съ глупыми людьми? Вотъ почему я бы посовѣтовала человѣку, который захотѣлъ бы протестовать противъ такого порядка вещей—одинъ противъ всѣхъ—я бы посовѣтовала ему послѣдовать

примѣру Тимона[1]): удалиться въ какую-нибудь пустыню и тамъ одинъ-на-одинъ смаковать свою мудрость.

Но возвращаюсь къ прерванной нити моей рѣчи. Какая, скажите, сила соединила въ одно государственное цѣлое этихъ гранитныхъ, дубовыхъ, первобытныхъ людей? Ласка и лесть! Не иное что, какъ, именно, это означаетъ миѳъ объ Амфіонѣ и Орфеѣ[2]). Чѣмъ былъ возстановленъ внутренній міръ въ народѣ римскомъ, въ критическую минуту, казалось, неминуемаго распаденія? Быть можетъ, философскою рѣчью? Ничуть не бывало! Весь этотъ благодѣтельный переворотъ былъ произведенъ смѣхотворною, совершенно дѣтскою побасенкой о желудкѣ и прочихъ членахъ человѣческаго тѣла[3]). Не менѣе успѣха имѣла, при другихъ обстоятельствахъ, аналогичная басня Ѳемистокла о лисѣ и ежѣ[4]). На долю ка- Ласка и лесть.

---

[1]) Аѳинскій мизантропъ временъ пелопоннесской войны.

[2]) Подъ звуки лиры Амфіона, очарованные камни двигались и соединялись въ стройные ряды: такъ возникли стѣны города Ѳивъ. Орфей — миѳическій пѣвецъ. Чарующая сила его пѣнія была настолько велика, что имъ онъ приводилъ въ движеніе деревья и скалы и укрощалъ дикихъ звѣрей.

[3]) Намекъ на извѣстную басню, которою Мененій Агриппа умиротворилъ плебеевъ, рѣшившихъ было переселиться на Священную гору.

[4]) Содержаніе этой басни въ короткѣ слѣдующее. Лиса завязла въ болотѣ и не могла двинуться. Изъ жалости ежъ хотѣлъ было согнать облѣпившихъ ее комаровъ. „Оставь ихъ, пожалуйста, въ покоѣ", сказала ему Лиса: „эти успѣли ужъ напиться моей кровью; сгонишь ихъ, налетятъ другіе, голодные, отъ которыхъ мнѣ будетъ еще хуже".

кой рѣчи какого мудреца выпадалъ такой успѣхъ, какой имѣла выдумка Серторія съ его ланью и лошадинымъ хвостомъ [1]), или выдумка знаменитаго лакедемонянина съ двумя собаками [2])? Я ужъ не говорю о Миносѣ и Нумѣ, такъ ловко управлявшихъ глупою толпой, мороча ее искусно придуманными баснями [3]). Такими-то росказнями можно, оказывается, заставлять плясать подъ свою дудку этого громаднаго и могучаго звѣря, которому имя — народъ!.. Съ другой стороны, когда какое государство при-

---

[1]) У Серторія была дрессированная бѣлая лань, о которой онъ распустилъ слухъ въ народѣ, что она ему прислана Діаной, и что черезъ нее онъ узнаетъ волю боговъ. Желая показать наглядно своимъ солдатамъ превосходство ума надъ простою силой, онъ велѣлъ привести двухъ лошадей, одну молодую, сильную, другую — старую клячу. Затѣмъ онъ приказалъ силачу вырвать хвостъ у послѣдней, что и было имъ исполнено не безъ великихъ усилій. То же самое по отношенію къ молодой, сильной лошади, онъ приказалъ сдѣлать дряхлому старичку: послѣдній безъ всякихъ усилій выщипалъ лошадиный хвостъ по волоску.

[2]) Намекъ на эпизодъ изъ жизни Ликурга, который, по словамъ Плутарха, желая наглядно показать спартанцамъ всю силу воспитанія, воспиталъ двухъ щенковъ отъ одной и той же матери такъ, чтобы одного сдѣлать лѣнивымъ и прожорливымъ, другого — ретивымъ и бойкимъ. Результатъ своего воспитанія Ликургъ демонстрировалъ такимъ образомъ. Рядомъ былъ поставленъ горшокъ съ ѣдой и живой заяцъ; спущенныя съ привязи обѣ собаки бросились на добычу, только одна — въ погоню за зайцемъ, а другая — прямо къ горшку.

[3]) Критскій царь Миносъ пустилъ о себѣ басню, что черезъ каждые девять лѣтъ онъ получаетъ приглашеніе въ совѣтъ боговъ, и тѣмъ придалъ ореолъ божественности своимъ законамъ. Съ подобною же цѣлью, римскій царь Нума распустилъ слухъ въ народѣ о своихъ ночныхъ совѣщаніяхъ съ богиней Эгеріей.

няло законы Платона и Аристотеля, или принципы Сократа? Между тѣмъ, что подвинуло Деціевъ добровольно обречь себя манамъ? Что заставило Курція спуститься въ страшную пещеру? Что другое, какъ не тщеславіе, эта сладкогласная Сирена, которую такъ сурово осуждаютъ эти философы? Что, говорятъ они, глупѣе, какъ холопски пресмыкаться передъ толпой ради полученія большинства голосовъ на выборахъ, — подачками заискивать ея благоволеніе, добиваться подкупомъ рукоплесканій и сочувственныхъ привѣтствій толпы,—видѣть верхъ счастья въ томъ, чтобы тебя съ тріумфомъ несли на рукахъ, какъ идола какого, на показъ всему народу, – мечтать о томъ, чтобы твою статую поставили на площади? А эта погоня за громкими именами и звучными прозвищами? А эти божественныя почести, воздаваемыя подъ часъ ничтожному человѣку? А эти торжественныя церемоніальныя обоготворенія часто преступнѣйшихъ тирановъ? Сколько во всемъ этомъ непроходимой глупости! Для осмѣянія всего этого понадобился бы не одинъ Демокритъ [1]. Глупо все это—спору нѣтъ! Но не эта ли глупость — источникъ столькихъ геройскихъ подвиговъ, превозносимыхъ до небесъ въ произведеніяхъ столькихъ краснорѣчивыхъ писателей? Эта глупость родитъ государства, ею стоятъ имперіи, правительства, религія, управленіе, судъ. Да и вся жизнь человѣческая не есть ли вообще какая-то игра глупости?... Тщеславіе.

Перейдемъ къ наукамъ и искусствамъ. Что иное, Науки и искусства.

[1]) Демокритъ, „смѣющійся философъ“, V в. до Р. Х.

какъ не жажда славы, возбуждала человѣческіе умы къ работѣ надъ изобрѣтеніемъ и увѣковѣченіемъ въ потомствѣ столькихъ, какъ думаютъ, превосходныхъ наукъ и искусствъ? Въ погоню за какою-то тамъ знаменитостью, то-есть за совершеннымъ вздоромъ, глупцы-люди не щадили ни безсонныхъ ночей, ни изнурительнаго труда. Да! Но за-то этой глупости вы обязаны столькими важными жизненными удобствами, и что еще всего пріятнѣе — вы наслаждаетесь плодами чужого безумія.

Благоразуміе Глупости.

Теперь, послѣ того что я воздала себѣ должную хвалу за мою мощь и изобрѣтательность, мнѣ остается еще похвалить себя за свое благоразуміе. Ну да, за мое благоразуміе! Мнѣ могутъ замѣтить, что приписывать мнѣ благоразуміе, это все равно, что хотѣть соединить вмѣстѣ воду и огонь. Ничего! я все-таки берусь съ успѣхомъ выполнить и эту часть своей задачи, если только вамъ угодно будетъ выслушать меня съ прежнею благосклонностью.

Глупецъ благоразумнѣе мудреца.

Во-первыхъ, если правда, что благоразуміе состоитъ въ практической смѣтливости, то предоставляю вамъ самимъ судить, кто имѣетъ болѣе права на эпитетъ „благоразумнаго“: мудрецъ ли, который, либо изъ застѣнчивости, либо изъ робости, сторонится отъ всякой практической дѣятельности, — или глупецъ, котораго не удерживаетъ ни отъ чего ни стыдъ, котораго у него нѣтъ, ни опасность, которой онъ не сознаетъ? Мудрецъ зарывается въ старыя книги и выискиваетъ въ нихъ различныя ученыя тонкости; глупецъ, наоборотъ, вращаясь постоянно въ водоворотѣ жизни, пріобрѣтаетъ тѣмъ самымъ истин-

ное благоразуміе. Это замѣтилъ еще Гомеръ — даромъ что слѣпой: „свершившееся, говоритъ онъ, не трудно познать и ребенку“.

Стыдливость и робость.

Дѣло въ томъ, что два главныя препятствія существуютъ для познанія вещей: это, во-первыхъ, стыдливость, которая отуманиваетъ душу, и во-вторыхъ, робость, которая отпугиваетъ отъ всякаго дѣла, связаннаго съ очевидною опасностью. Глупость тѣмъ и благодѣтельна, что она совершенно освобождаетъ человѣка и отъ стыда и отъ робости. Немногіе понимаютъ, до какой степени выгодно и во многихъ другихъ отношеніяхъ — никогда не краснѣть, ни передъ чѣмъ не робѣть. Если люди отдаютъ предпочтеніе благоразумію, состоящему во взвѣшиваніи и оцѣнкѣ вещей и обстоятельствъ, то послушайте, пожалуйста, какъ далеки отъ него тѣ, которые имъ хвастаются.

Лицо и изнанка.

Извѣстно, во-первыхъ, что все въ жизни имѣетъ, подобно Алкивіадовымъ Силенамъ [1]), двойную физіономію, изъ которыхъ одна закрываетъ другую. Эти двѣ физіономіи столь мало схожи между собою, что взглянуть на одну, наружную — какъ будто смерть, а заглянуть подъ нее — жизнь, и наоборотъ; или снаружи — красота, внутри — безобразіе; снаружи — роскошь и богатство, внутри—бѣдность и убожество; снаружи — гнусность, внутри — изящество; снаружи — ученость, внутри—невѣжество; снаружи — крѣпость и сила, внутри — слабость и хилость; снаружи — благородство, внутри — подлость;

1) Статуи, представлявшія снаружи уродливыя фигуры, подъ которыми скрывались божественныя изображенія.

снаружи веселье, внутри — печаль; снаружи — благополучіе, внутри — бѣда на бѣдѣ; снаружи — дружба, внутри — вражда; снаружи — здорово, внутри — ядъ: словомъ, стоитъ лишь открыть Силена, чтобы увидѣть совершенно противоположное его наружной физіономіи.

Быть можетъ, кому покажется это мое разсужденіе черезчуръ философскимъ; извольте, объясню дѣло проще и нагляднѣе. Кого, какъ не короля, считать и богатымъ и властнымъ? Но если онъ лишенъ духовныхъ дарованій, если онъ вдобавокъ ненасытенъ, то не есть ли онъ въ сущности послѣдній изъ бѣдняковъ? А если къ тому же онъ отдался различнымъ порокамъ, онъ не только нищій, онъ — презрѣнный рабъ. Подобнымъ же образомъ можно разсуждать и обо всемъ прочемъ; но достаточно и этого примѣра.

Сценическія иллюзіи.

Къ чему, однако, клонится это разсужденіе?— спроситъ, быть можетъ, кто-нибудь. Сейчасъ увидите, въ чемъ дѣло. Представьте себѣ, что кто-нибудь ворвался бы на сцену во время представленія комедіи и сорвалъ бы съ актеровъ маски, обнаруживъ такимъ образомъ передъ публикой ихъ настоящія, природныя физіономіи. Скажите, не нарушилъ ли бы онъ театральнаго представленія, и не вывели ли бы его вонъ изъ театра, какъ помѣшаннаго? Представьте себѣ, въ самомъ дѣлѣ, какое превращеніе произошло бы мгновенно на сценѣ: женщина оказалась бы вдругъ мужчиной, молодой человѣкъ — старикомъ, король — тряпичникомъ, богъ—плюгавенькимъ человѣчишкомъ. Однимъ словомъ, передъ зрителями обнаружилась

бы настоящая дѣйствительность на мѣсто воображаемой, правда, на мѣсто лжи. Но уничтоживши ложь, тѣмъ самымъ уничтожили бы и художественную иллюзію, безъ которой немыслимъ сценическій эффектъ. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ, вызывается интересъ и поддерживается вниманіе зрителей, какъ не этимъ маскированіемъ и переодѣваньемъ, однимъ словомъ — ложью?

Жизнь — театральное представленіе.

Да и жизнь-то человѣческая, что такое она въ сущности, какъ не одно сплошное представленіе, въ которомъ всѣ ходятъ съ надѣтыми масками, разыгрывая каждый свою роль, пока режиссеръ не удалитъ его со сцены? Режиссеръ же зачастую заставляетъ одного и того же актера выступать въ различныхъ роляхъ, и тотъ, кто только что щеголялъ въ царской порфирѣ, является на сценѣ въ жалкомъ рубищѣ раба. На сценѣ, конечно, кое-что подкрашено, оттѣнено болѣе рѣзко; но въ театрѣ ли, или въ жизни, —все та же гримировка, все тѣ же маски, все та же вѣчная ложь...

Представьте себѣ также, что какой-нибудь свалившійся съ неба мудрецъ принялся бы кричать: „Нѣтъ, этотъ человѣкъ, котораго всѣ почитаютъ за государя и даже за бога, онъ не заслуживаетъ даже имени человѣка, потому что живетъ и дѣйствуетъ лишь по внушенію скотскихъ инстинктовъ, — что это презрѣнный рабъ, потому что онъ добровольно служитъ столь многимъ и столь гнуснымъ господамъ". Представьте себѣ далѣе, что этотъ мудрецъ сказалъ бы человѣку, оплакивающему своего усопшаго отца, что ему слѣдуетъ ликовать, потому что теперь-то

и началась настоящая жизнь для его родителя, тогда какъ здѣшняя жизнь есть не что иное, какъ продолжительная смерть. Пусть, далѣе, этотъ мудрецъ, встрѣтивъ человѣка, хвастающагося своимъ родословіемъ, назвалъ бы его безроднымъ и подкидышемъ, на томъ основаніи, что ему не достаетъ нравственнаго достоинства, которое одно только и есть источникъ настоящаго благородства. Представьте себѣ, что этотъ мудрецъ сталъ бы разглагольствовать со всѣми и обо всемъ подобнымъ образомъ: скажите мнѣ, не нашли ли бы его всѣ помѣшаннымъ? Чего добился бы онъ въ концѣ концовъ, кромѣ того, что прослылъ бы за сумасброда и сумасшедшаго?

Глупая мудрость.

Нѣтъ ничего глупѣе мудрости не впопадъ, нѣтъ ничего безумнѣе благоразумія не кстати. Нѣтъ пути въ томъ, кто поступаетъ, не сообразуясь ни съ временемъ, ни съ мѣстомъ, ни съ обстоятельствами, — кто забываетъ основное правило пиршества: „либо пей, либо уходи“, — кто требуетъ, чтобы комедія не была комедіей, и т. д. Напротивъ, куда благоразумнѣе — родившись человѣкомъ, не претендовать на сверхчеловѣческую мудрость и плыть по теченію вмѣстѣ со всею людскою толпой, добровольно раздѣляя и человѣческія слабости и человѣческія заблужденія. Но, вѣдь, это же — глупость отъявленная! скажутъ мнѣ мудрецы. Не стану спорить; пусть только они съ своей стороны признаютъ, что въ этомъ-то и состоитъ роль человѣка на жизненной сценѣ.

И вотъ что еще... Но — боги безсмертные! говорить ли? не замолчать ли лучше?... Чтожъ, однако молчать, когда это истиннѣе правды! Только лучше

пожалуй, въ столь важномъ дѣлѣ предварительно вызвать на помощь музъ съ Геликона? Призываютъ же ихъ поминутно поэты ради сущаго вздора. Помогите же мнѣ малую толику, о дочери Юпитера, доказать, что, если кому удавалось достигнуть этой превосходной мудрости и — какъ они тамъ выражаются — замка благополучія, — то не иначе, какъ по пути указанному Глупостью!... Воззваніе къ музамъ.

Мы уже ранѣе признали, что всѣ чувства относятся къ области Глупости. Признакъ, по которому отличаютъ мудреца отъ глупца, заключается, именно, въ томъ, что первый руководствуется чувствами, послѣдній — разумомъ. Вотъ почему стоики отстраняютъ отъ мудреца, точно болѣзни, всякія душевныя волненія. Между тѣмъ, чувства не только служатъ путеводителями тѣмъ, которые спѣшатъ въ гавань мудрости, но и играютъ роль шпоръ и хлыста во всякомъ проявленіи добродѣтели, такъ какъ они-то и побуждаютъ человѣка ко всякому доброму дѣлу. Правда, противъ этого на стѣну лѣзетъ Сенека, этотъ стоикъ въ квадратѣ, отнимающій у мудреца всякое чувство. Но, лишенный всякаго чувства, этотъ мудрецъ Сенеки въ сущности перестаетъ быть человѣкомъ; въ своемъ мудрецѣ Сенека въ сущности создаетъ скорѣе нѣкоего новаго бога, который нигдѣ никогда не существовалъ и не будетъ существовать. Скажу откровеннѣе: по-моему, этотъ Сенекинъ мудрецъ — просто каменный истуканъ, холодный и безжизненный, лишенный всякаго человѣческаго чувства. Пусть эти господа носятся, сколько угодно, со своимъ мудрецомъ, — пусть будетъ онъ предметомъ Чувство и разумъ. Безчувственный мудрецъ.

ихъ любви безъ соперника, — пусть они живутъ съ нимъ, если угодно, въ области платоновскихъ идей, или въ танталовыхъ садахъ. Не будетъ ли всякій съ ужасомъ сторониться, какъ отъ чудовища или привидѣнія, отъ подобнаго человѣка, умершаго для всякаго природнаго чувства, для всякой привязанности, — въ которомъ заглохло всякое человѣческое чувство, — который, какъ безчувственный камень, не доступенъ ни любви, ни жалости? Ничто отъ него не укроется, ни въ чемъ онъ не ошибется: какъ Линкей, все видитъ онъ насквозь. Все вымѣрено у него по ватерпасу: не ждите отъ него ни въ чемъ снисхожденія! Довольный лишь собой самимъ, въ своихъ глазахъ одинъ лишь онъ богатъ, одинъ лишь онъ здоровъ, одинъ лишь — царь, одинъ — свободный человѣкъ, словомъ — все одинъ лишь онъ! Нужды нѣтъ, что одинъ лишь онъ такого о себѣ мнѣнія. До друзей ему мало дѣла, такъ какъ и самъ онъ никому не другъ. Что ему друзья, когда онъ и къ самимъ богамъ относится свысока, и все, что творится въ жизни, критикуетъ и осмѣиваетъ, какъ безумство?.. И такое-то чудовище выставляютъ намъ, какъ идеалъ мудреца!... Если бы дѣло рѣшалось голосованіемъ, скажите, пожалуйста, какое государство пожелало бы избрать себѣ такого человѣка на государственную должность, или какое войско захотѣло бы имѣть такого предводителя? Какая женщина пожелала бы или вынесла бы такого мужа, какой хозяинъ — такого гостя, какой слуга — такого господина? Кто не предпочтетъ ему любого изъ массы заурядныхъ глупцовъ? Самъ глупецъ, онъ какъ нельзя болѣе годился

бы повелѣвать глупцами и глупцамъ повиноваться; онъ нравился бы большинству, какъ себѣ подобнымъ. Ласковый съ женой, обходительный съ друзьями, славный собутыльникъ, уживчивый сожитель, онъ не считалъ бы ничего человѣческаго чуждымъ для себя.

Житейскія выгоды отъ глупости.

Но оставимъ этого мудреца: меня тошнитъ отъ него. Возвратимся къ прерванной нити нашего разсужденія и перейдемъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію проистекающихъ отъ глупости житейскихъ выгодъ.

Житейскія невзгоды.

Если взглянуть на жизнь человѣческую съ поднебесной высоты, какъ смотритъ на нее Зевсъ, по словамъ поэтовъ, то какихъ только бѣдъ въ ней нѣтъ! Рожденіе человѣка — что за плачевная и непригладная картина! А какъ трудно и хлопотливо первоначальное воспитаніе ребенка! Сколькими невзгодами окруженъ дѣтскій возрастъ! Сколько трудовъ несетъ съ собою юность! А тамъ суровая старость– преддверіе неизбѣжной и тягостной смерти! А эти вѣчно осаждающія человѣка вражескія рати болѣзней, эти стерегущія его на каждомъ шагу бѣды, не говоря уже о множествѣ разнаго рода мелкихъ непріятностей!.. Есть ли хоть одно удовольствіе, одно наслажденіе въ жизни, которое бы не было отравлено каплей желчи? А сверхъ всего этого, сколько еще бѣдъ терпитъ человѣкъ отъ человѣка! Раззореніе, тюрьма, клевета, сплетни, пытки, козни, предательство злословіе, сутяжничество, обманъ!.. Впрочемъ, я принимаюсь, выражаясь греческой поговоркой, исчислять песокъ морской... Какими винами заслужили все это люди, или какое разгнѣванное божество обрекло ихъ

отъ рожденія на всѣ эти бѣды, здѣсь не мѣсто разсуждать объ этомъ. Во всякомъ случаѣ, кто дастъ себѣ трудъ поразмыслить обо всемъ этомъ, тотъ врядъ-ли рѣшится осудить поступокъ милетскихъ дѣвушекъ, какъ ни жалка представляется ихъ участь [1])

Самоубійство.

Но какого рода люди всего чаще налагали на себя руки, вслѣдствіе невыносимаго пресыщенія жизнью? Въ числѣ самоубійцъ, не говоря уже о Діогенахъ, Ксенократахъ, Катонахъ, Кассіяхъ и Брутахъ, мы встрѣчаемъ, напримѣръ, Хирона, — того Хирона, которому боги предложили безсмертіе: онъ предпочелъ, однако, умереть отъ своей руки! Предоставляю вамъ самимъ судить о томъ, что было бы, если бы большинство людей были мудрецами: понадобился бы снова кусокъ глины, снова оказался бы нуженъ ваятель Прометей [2]).

Благодѣянія Глупости.

Къ счастью, въ этомъ нѣтъ нужды — благодаря мнѣ. Поддерживая въ людяхъ невѣдѣніе, мѣшая имъ задумываться надъ разными проклятыми вопросами, погружая ихъ въ забвеніе о пережитыхъ невзгодахъ, внушая имъ надежду на лучшее будущее, спрыскивая медомъ ихъ удовольствія, я, не смотря на всѣ окружающія людей бѣдствія, достигаю того, что имъ не хочется разстаться съ жизнью даже тогда, когда пряжа Паркъ кончилась, и жизнь оставляетъ человѣка; и чѣмъ менѣе у человѣка основанія оставаться

---

[1]) Намекъ на разсказъ Авла Геллія о милетскихъ дѣвушкахъ, наложившихъ на себя руки въ припадкѣ коллективнаго умопзступленія.

[2]) Намекъ на греческій миѳъ о Прометеѣ, создавшемъ перваго человѣка изъ куска глины.

въ живыхъ, тѣмъ болѣе хочется ему жить. Пресыщеніе жизнью, — онъ даже не пойметъ, что это значитъ! По моей милости, вы на каждомъ шагу встрѣчаете старичковъ, ровесниковъ Нестору; у иного ужъ и образа-то человѣческаго не осталось: и говоритъ насилу — шамкаетъ, и изъ ума выжилъ, ни зуба во рту, сѣдъ, какъ лунь, плѣшивъ, весь скрюченъ и сморщенъ, и воняетъ-то отъ него, а посмотрите, какой у него аппетитъ къ жизни, какое желаніе помолодѣть! Иной краситъ себѣ сѣдые волосы; другой прикрываетъ свою лысину парикомъ; тотъ вставляетъ себѣ зубы, взятые, быть можетъ, изъ свиной челюсти; этотъ пускается ухаживать за какой-нибудь дѣвочкой и въ любовныхъ глупостяхъ готовъ перещеголять безусаго молокососа. Иной одною ногой ужъ въ могилѣ стоитъ, и песокъ изъ него сыплется, а онъ еще норовитъ жениться на какой-нибудь молоденькой, разумѣется, безъ всякаго приданаго и не столько, конечно, для собственной потребы, сколько на пользу другимъ. Происходитъ это повседневно, и никто не находитъ въ томъ ничего неестественнаго или предосудительнаго, нерѣдкость даже услышать похвалы.

Жизнелюбіе старичковъ.

Молодящіеся старички.

Еще забавнѣе видѣть, какъ иная дряхлая старушонка, развалина-развалиной, похожая на мертвеца, возвратившагося съ того свѣта, кокетничаетъ напропалую со всякимъ „интереснымъ мущиной“: это слово у ней не сходитъ съ языка. При случаѣ не прочь даже побаловаться — конечно за приличное вознагражденіе ему — съ какимъ-нибудь Фаономъ. А какъ она занята собой! Какъ усердно разрисовываетъ она

Старыя кокетки.

свою физіономію! Отъ зеркала не отходитъ. Волоски изъ подбородка выщипываетъ; декольтируется до тошноты. ломается до омерзѣнія, вмѣшивается въ толпу танцующихъ дѣвушекъ, пишетъ любовныя записочки. Всѣ надъ ней смѣются, какъ надъ дурой набитой; но что въ томъ, если сама она находитъ себя восхитительной, наслаждается прелестями жизни, утопаетъ въ меду, однимъ словомъ, чувствуетъ себя вполнѣ счастливой – по моей милости?.. И я бы просила тѣхъ, которые находятъ это смѣшнымъ, поразмыслить, что лучше: жить ли такимъ образомъ въ свое удовольствіе, или постоянно искать перекладины для петли?...

Что касается позора, который принято связывать съ подобными вещами, то для моихъ глупцовъ онъ не существуетъ, такъ какъ они либо не замѣчаютъ его, либо, если и замѣчаютъ, то не обращаютъ на то ни малѣйшаго вниманія. Вотъ, если камень на голову свалится, это, дѣйствительно, непріятность. Но—стыдъ, позоръ, безчестіе, злословіе — это, вѣдь, только тогда составляетъ непріятность, когда чувствуется. Нѣтъ ощущенія, нѣтъ и непріятности. Что до того, что тебѣ отовсюду шикаютъ, — развѣ это мѣшаетъ тебѣ апплодировать самому себѣ? Но чтобы это было возможно, для того необходимо содѣйствіе Глупости.

Отвѣтъ на возраженіе философовъ

Однако, я представляю себѣ протестующихъ философовъ. Зависѣть отъ Глупости, заблуждаться, обманываться, не понимать — но, вѣдь, это значитъ быть несчастнымъ! скажутъ они. А я скажу, что это значитъ -- быть человѣкомъ. Не вижу причины — на-

зывать такого человѣка несчасным или жалким, разъ такъ ужъ созданъ человѣкъ, разъ онъ таковъ отъ природы и отъ воспитанія, и разъ — таковъ общій удѣлъ всѣхъ людей. Находить жалкимъ человѣка потому только, что онъ остается человѣкомъ, это все равно, что считать плачевнымъ его удѣлъ изъ-за того, напримѣръ, что онъ не можетъ летать вмѣстѣ тъ птицами или ходить на четвереньках съ четвероногими и не вооруженъ рогами на подобіе быка. Но въ такомъ случаѣ надо также признать несчасною и лошадь, хотя бы красивѣйшую, на томъ основаніи, что она неграмотна и не питается пирожнымъ; надо считать жалкимъ и быка за то, что онъ не обладаетъ пластическою гибкостью гимнаста. Но если нѣтъ основаній для того, чтобы считать жалкою лошадь за ея неграмотность, такъ же точно мы не имѣемъ права называть несчастнымъ человѣка за его глупость, потому что глупость такъ же присуща человѣческой природѣ, какъ безграмотность — природѣ лошади.

Ожидаю возраженій со стороны тонкихъ діалектиковъ. Но, вѣдь, для того и дана человѣку наука, скажутъ они, чтобы образованіемъ ума возмѣстить пробѣлы, оставленные природой. Какъ это, въ самомъ дѣлѣ, похоже на правду!.. Ну, допустимо ли, чтобы природа, проявившая такую предусмотрительность въ созданіи мошекъ, травокъ и цвѣточковъ, только для одного человѣка сдѣлала исключеніе, такъ что для него потребовалась помощь науки?... Нѣтъ, на бѣду человѣческому роду выдумалъ науки

Природа и наука.

Тевтъ [1]), этотъ злой генiй человѣчества! Далеко отъ того чтобы быть полезными, онѣ, напротивъ, лишь портятъ то, ради чего были изобрѣтены, какъ это остроумно доказываетъ у Платона этотъ умный царь [2].

На.ки созданіе демоновъ

Вотъ почему науки, вмѣстѣ съ прочими язвами человѣческой жизни, обязаны своимъ происхожденіемъ тѣмъ же существамъ, отъ которыхъ идутъ всякія пакости,—я хочу сказать—демонамъ. Отсюда и самое ихъ названіе: демоны, какъ бы даэмоны, то-есть знающіе. Въ самомъ дѣлѣ, поколѣніе золотого вѣка, не вооруженное никакими науками, жило себѣ въ простотѣ, слѣдуя лишь указаніямъ природы и врожденнаго инстинкта. Какая, въ самомъ дѣлѣ, была нужда въ грамматикѣ, когда всѣ говорили на одномъ общемъ языкѣ, ни о чемъ другомъ не заботясь, какъ только о томъ, чтобы быть понятыми другъ другомъ? Къ чему была бы тогда діалектика, когда не существовало противоположныхъ мнѣній, и слѣдовательно не было и предмета для диспутовъ? На что была бы реторика, когда не было тяжебъ? Какая была бы нужда въ юриспруденціи, когда еще не было испорченности нравовъ, которой, безъ всякаго сомнѣнія, обязаны своимъ происхожденіемъ законы?

Люди золотого вѣка.

1) Тевтъ слылъ изобрѣтателемъ геометріи и астрономіи.

2) Намекъ на разсказъ Платона объ египетскомъ царѣ Тамѣ, которому Тевтъ показалъ искусство писать. „Къ чему оно?" спросилъ царь. „Помогаетъ памяти", отвѣчалъ Тевтъ, на что царь возразилъ, что, по его мнѣнію, напротивъ, искусство писать должно лишь вредить памяти, такъ какъ, благодаря ему, человѣкъ склоненъ будетъ „болѣе записывать на бумагѣ, чѣмъ въ головѣ".

Тогда люди были слишкомъ богобоязненны, для того чтобы, изъ нечестиваго любопытства, пытаться проникнуть въ тайны природы, измѣрять величину небесныхъ свѣтилъ, изслѣдовать ихъ движеніе, ихъ вліянія, вскрывать сокровенныя причины вещей; они почли бы верхомъ нечестія пытаться, наперекоръ человѣческому удѣлу, быть мудрыми. Задаваться же вопросомъ о томъ, что находится за предѣлами небесной сферы, — подобная сумасбродная мысль имъ и въ голову не приходила.

Но, съ постепеннымъ упадкомъ первобытной чистоты золотого вѣка, одно за другимъ были изобрѣтены искусства, первоначально, правда, немногочисленныя и не многими усвоенныя, а потомъ, по милости суевѣрія халдеевъ и празднаго легкомыслія грековъ, дотого размножились всякаго рода науки и искусства, то-есть умственныя истязанія, что теперь, напримѣръ, одной грамматики болѣе, чѣмъ достаточно для того, чтобы превратить жизнь человѣка въ сплошную пытку. Происхожденіе наукъ и искусствъ.

И то сказать, вѣдь, и между науками-то всего болѣе цѣнятся тѣ, что всего ближе подходятъ къ уровню зауряднаго, такъ называемаго здраваго смысла, который въ сущности есть та же глупость. Впроголодь живется богословамъ, не тепло живется естествовѣдамъ, надъ астрологами издѣваются, а діалектиковъ ни во что не ставятъ. Одинъ лишь „мужъ врачеватель чтится за многихъ“, выражаясь словами Гомера. Но и тутъ надо замѣтить, что чѣмъ невѣжественнѣе врачъ, чѣмъ онъ нахальнѣе и самоувѣреннѣе, тѣмъ выше ему цѣна, и тѣмъ болѣе на него Богословы, естествовѣды, астрологи, діалектики. Врачи.

спросъ — даже у сильныхъ міра. Съ другой стороны, вѣдь, медицина, въ особенности какъ она практикуется нынѣ большинствомъ врачей, есть не что иное, какъ своего рода искусство морочить людей — совершенно какъ реторика.

Законовѣды. Первое мѣсто послѣ врачей принадлежитъ законовѣдамъ; не знаю, быть можетъ, они имѣютъ право на мѣсто даже впереди врачей. Во всякомъ случаѣ, эта профессія — скажу не отъ себя — всѣми философами единодушно предается осмѣянію, какъ ослиная. Однако, не отъ другого кого, какъ, именно, отъ этихъ ословъ зависитъ рѣшеніе множества житейскихъ дѣлъ — начиная самыми ничтожными и до самыхъ важныхъ включительно. И не даромъ же эти господа сколачиваютъ себѣ имѣнія, въ то время, какъ иной богословъ, проникшій во всѣ тайники божествъ, грызетъ волчьи бобы и ведетъ ожесточенную войну съ клопами и блохами.

Итакъ, если болѣе благополучія несутъ съ собою тѣ искусства, которыя находятся въ ближайшемъ родствѣ съ Глупостью, то, безъ всякаго сравненія, всего счастливѣе тѣ, которымъ удалось совершенно воздержаться отъ всякаго знакомства съ науками и слѣдовать во всемъ лишь указаніямъ природы, которая сама по себѣ ни въ чемъ не заблуждается, если только мы сами не пытаемся перешагнуть за положенные ею человѣческой долѣ предѣлы. Никакой поддѣлки не выноситъ природа, и всего лучше выходитъ то, что не искажено никакимъ искусствомъ.

Взгляните также и на какой угодно изъ остальЖивотныя. ныхъ видовъ живыхъ существъ: не тѣмъ ли изъ

нихъ всего лучше живется, которыя наиболѣе чужды всякой наукѣ и руководствуются однимъ лишь инстинктомъ? Кто счастливѣе пчелъ? Что ихъ изумительнѣе? А онѣ даже не всѣми чувствами обладаютъ! Между тѣмъ, въ зодчествѣ онѣ могутъ утереть носъ любому архитектору. А пчелиный улей? Придумалъ ли когда какой философъ столь совершенную республику? Съ другой стороны, вотъ — лошадь. По своимъ чувствамъ, она довольно близка къ человѣку, она сдѣлалась его ближайшимъ спутникомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и участникомъ его невзгодъ. Случится ли участвовать въ состязаніи? ей стыдно быть обогнанной, и, вотъ, бѣдняга надрывается изо всѣхъ силъ; либо еще хуже, когда случиться быть въ битвѣ: изъ кожи лѣзетъ, чтобы добиться тріумфа, а глядь — вмѣстѣ съ всадникомъ летитъ кувыркомъ, пронзенная вражеской стрѣлой. Я ужъ не говорю о зубастыхъ удилахъ, заостренныхъ шпорахъ, о тюрьмообрасныхъ стойлахъ, о бичахъ и нагайкахъ, о путахъ, наконецъ — объ удовольствіи носить на своей спинѣ тяжелаго всадника. Не станемъ говорить обо всей этой трагедіи рабства, на которое она добровольно себя обрекла изъ непреодолимаго желанія — по примѣру сильныхъ духомъ мужей — отомстить своему врагу.

Насколько завиднѣе жизнь мошекъ и пташекъ! Беззаботно живутъ себѣ онѣ, руководимыя лишь природнымъ чувствомъ. Бѣда имъ лишь отъ людскихъ козней. Разъ попала птица къ человѣку въ клѣтку, кончено! перенимаетъ его языкъ и теряетъ свою природную красоту, вырождается.

Природа и искусство.

Итакъ, во всѣхъ отношеніяхъ созданное природой лучше всего искусственнаго.

Въ этомъ отношеніи я не могу достаточно нахвалиться этимъ пѣтухомъ — Пиѳагоромъ[1]), что, путемъ метемпсихоза[2]), прошелъ черезъ всевозможныя состоянія: былъ онъ и философомъ, и мущиной, и женщиной, и царемъ, и подданнымъ, и частнымъ человѣкомъ, былъ затѣмъ послѣдовательно—рыбой, лошадью, лягушкой, чуть ли даже не губкой, и нашелъ, что всетаки нѣтъ животнаго злополучнѣе человѣка, и причиною тому то, что, между тѣмъ какъ всѣ остальныя животныя довольствуются тѣмъ, что дала имъ природа, одинъ лишь человѣкъ пытается перешагнуть за предѣлы назначенной ему природою доли. Что касается людей, то пѣтухъ этотъ во многихъ отношеніяхъ отдаетъ предпочтеніе простецамъ и неучамъ передъ учеными и знатными. И мнѣ сдается, что куда умнѣе „многоопытнаго Одиссея“ поступилъ его спутникъ Гриллъ, который предпочелъ остаться хрюкать въ своемъ свинушникѣ, чѣмъ вновь подвергаться съ Одиссеемъ новымъ злоключеніямъ. Мнѣ кажется, что я не расхожусь въ этомъ случаѣ съ самимъ Гомеромъ. Въ самомъ дѣлѣ, этотъ отецъ побасенокъ на каждомъ шагу называетъ людей „жал-

Пиѳагоръ оборотень.

---

[1]) Намекъ на одинъ изъ „разговоровъ“ Лукіана. Нѣкто Микиллъ разговариваетъ со своимъ пѣтухомъ, который говоритъ, что онъ, пѣтухъ, есть не кто иной, какъ знаменитый философъ Пиѳагоръ.

[2]) То-есть переселенія души изъ одного живого существа въ другое. Идея метемпсихоза была одной изъ принадлежностей пиѳагорейскаго ученія.

кими, злополучными“, Улисса же, который является у него образцомъ мудрости, называетъ зачастую „горемыкой“, между тѣмъ какъ этимъ эпитетомъ ни разу не награждается ни Парисъ, ни Аяксъ, ни Ахиллъ. Почему это? Почему какъ не по тому, что этотъ ловкій и изобрѣтательный человѣкъ поступалъ всегда не иначе, какъ по совѣту мудрой Минервы, и въ своей мудрости какъ можно дальше отстранялся отъ внушеній природнаго инстинкта. Улиссъ.

Глупость мудрецовъ.

Стало быть, съ одной стороны, среди смертныхъ наиболѣе далеки отъ благополучія поклонники мудрости. Эти мудрецы вдвойнѣ глупцы, потому что, родившись людьми, они хотятъ жить, какъ безсмертные боги, совершенно забывъ о своей смертной долѣ. Какъ въ былое время титаны, они ведутъ войну съ природой при помощи новыхъ боевыхъ орудій – наукъ.

Благополучіе глупцовъ.

За то, съ другой стороны, посмотрите, какъ счастливы, тѣ, которые, по своимъ наклонностямъ и по своей глупости, всего ближе стоятъ къ животнымъ, совершенно чуждые всякимъ сверхчеловѣческимъ порывамъ. Попробуемъ пояснить это не стоическими энтимемами, а самымъ что ни на есть нагляднымъ примѣромъ. Боги безсмертные! кому живется счастливѣе, чѣмъ тому роду людей, который принято называть шутами, скоморохами, дурачками, юродивыми и тому подобными ласкательными именами. То, что я скажу, можетъ показаться на первый взглядъ глупостью и нелѣпостью, но въ дѣйствительности это – сущая правда.

Начать съ того, что этимъ людямъ совершенно не извѣстенъ страхъ смерти, то-есть одно — клянусь

Юпитеромъ! — изъ далеко не послѣднихъ золъ. Далѣе, они не знаютъ угрызенiй совѣсти, не пугаются росказнями о выходцахъ съ того свѣта, не боятся ни привидѣнiй, ни призраковъ, не мучатся опасенiями угрожающихъ бѣдъ, не волнуются надеждами на будущiя блага; однимъ словомъ, они свободны отъ тысячи треволненiй, которыхъ такъ много въ этой жизни. Имъ не знакомо ни чувство стыда, ни чувство уваженiя, ни чувство зависти, ни чувство любви. Наконецъ, стоитъ имъ сдѣлать еще небольшой шагъ для приближенiя къ безсмысленнымъ животнымъ, и они достигаютъ той ступени невмѣняемости, при которой — по авторитетному мнѣнiю богослововъ — они даже не могутъ грѣшить.

А ну-ка, теперь ты, глупѣйшiй мудрецъ, взвѣсь-ка всѣ тѣ душевныя тревоги, которыя и денно и нощно терзаютъ твою душу; собери въ одну кучу всѣ невзгоды, которыми преисполнена твоя жизнь, и ты разумѣешь, отъ сколькихъ бѣдъ избавляю я своихъ дурачковъ! Прибавь къ этому, что они не только сами безпрестанно веселы, играютъ, напѣваютъ, хохочутъ, но и другимъ, съ кѣмъ только имъ приходится вращаться, приносятъ съ собой хорошее настроенiе, шутливость, игривость и смѣхъ; можно подумать, что они посланы богами изъ милосердiя, для того чтобы вносить лучъ веселости въ печальный сумракъ человѣческой жизни.

Счастливые дурачки.

Вотъ почему совершенно иначе относятся къ дуракамъ, чѣмъ къ прочимъ людямъ. Между тѣмъ какъ къ послѣднимъ относятся различно, къ однимъ привѣтливо, къ другимъ недружелюбно, — дураки

служатъ предметомъ симпатіи всѣхъ и каждаго; ихъ всѣ съ удовольствіемъ слушаютъ, всѣ наперерывъ ихъ залучаютъ къ себѣ, ласкаютъ, холятъ, лелѣютъ, выручаютъ изъ бѣды; что бы они ни сказали, что бы ни сдѣлали, все имъ сходитъ безнаказанно съ рукъ. Никому и въ голову не приходитъ — вредить дуракамъ; даже дикіе звѣри, и тѣ ихъ не трогаютъ, точно инстинктомъ чуя ихъ безобидность. Дѣло въ томъ, что они находятся подъ особымъ покровительствомъ; неудивительно поэтому, что всѣ относятся къ нимъ съ такою симпатіей.

Придворные шуты.

Дураки составляютъ усладу величайшихъ государей; безъ нихъ иные не могутъ ни обѣдать, ни гулять, ни жить[1]). Во всякомъ случаѣ, своихъ дурачковъ они рѣшительно предпочитаютъ хмурымъ мудрецамъ, хотя и этихъ послѣднихъ держатъ иногда на своемъ иждивеніи, чести ради. Причина подобнаго предпочтенія настолько же очевидна, насколько и естественна. Мудрецы, вѣдь, обыкновенно докладываютъ государямъ самыя грустныя вещи; съ другой стороны, ученость внушаетъ имъ такую самоувѣренность, что они не боятся подъ часъ рѣзать нѣжное ухо монарха грубою правдой. Дураки же, наоборотъ, доставляютъ государямъ то, что ихъ всего болѣе забавляетъ: шутки, смѣхъ, хохотъ, развлеченіе.

Дураки правдивы.

Примите также во вниманіе и тотъ немаловажный даръ дураковъ, что они одни безхитростны и

[1]) Намекъ на шутовъ, которые были въ старину необходимою принадлежностью всякаго королевскаго или княжескаго двора.

правдивы. А что похвальнѣе правдивости? Правда, извѣстное изрѣченіе Алкивіада у Платона называетъ правдивость спутницей вина и дѣтства; но въ дѣйствительности эта честь принадлежитъ мнѣ. Сошлюсь на свидѣтельство Эврипида, которому принадлежитъ это изреченіе на мой счетъ: „глупецъ глупости и говоритъ“. Но у дурачка, вѣдь, что на умѣ, то и на языкѣ. У мудрецовъ же, по словамъ того же Эврипида, два языка, изъ которыхъ одинъ говоритъ правду, другой же — то, что, по ихъ мнѣнію, приличествуетъ времени и обстоятельствамъ. Ихъ дѣло — обращать черное въ бѣлое и изъ одного и того же рта выпускать и холодъ и жаръ, и держать одно на умѣ, а другое на языкѣ

Несчастіе государей. При всемъ своемъ благополучіи, государи представляются мнѣ въ одномъ отношеніи самыми несчастными: имъ не отъ кого узнать правды, и это потому, что, вмѣсто друзей, они осуждены имѣть вокругъ себя льстецовъ. Но, быть можетъ, возразитъ кто: уши государей не выносятъ правды, и потому они избѣгаютъ мудрецовъ, которые, чего добраго, позволятъ себѣ говорить болѣе правды, чѣмъ пріятныхъ вещей. Что жъ, надо въ томъ сознаться, недолюбливаютъ правды власть имущіе. Но это-то вотъ особенно и цѣнно въ моихъ дурачкахъ, что отъ нихъ не только правда, но подъ часъ и явные укоры выслушиваются съ удовольствіемъ. Попробуй сказать правду мудрецъ — онъ рискуетъ поплатиться своей головой; ту же самую правду сказалъ шутъ — всѣмъ весело! Въ правдѣ, самой по себѣ, есть, вѣдь, что-то само по себѣ привлекательное; надо только,

чтобы въ формѣ ея выраженія не было ничего оскорбительнаго; но тайну этого боги открыли однимъ лишь глупцамъ.

Глупцы и женщины.

По тѣмъ же приблизительно причинамъ и женщины отдаютъ обыкновенно предпочтеніе мущинамъ, принадлежащимъ къ этому разряду людей, какъ по природѣ своей болѣе способнымъ отдаваться удовольствіямъ и всякому вздору. Кромѣ того, что бы ни произошло у нихъ съ этого сорта мущинами, даже если и серьезное что, — имъ всегда легко обратить дѣло въ шутку: неистощима изобрѣтательность женскаго пола, въ особенности когда требуется прикрыть благовидными предлогами свои грѣшки!..

Благополучіе глупцовъ.

Но возвращаюсь къ благополучію глупцовъ. Проведя пріятнымъ образомъ жизнь, затѣмъ умирая безъ всякаго страха смерти, почти ея не сознавая, они прямикомъ переселяются въ Елисейскія поля, для того чтобы и тамъ забавлять скучающія благочестивыя души.

Удѣлъ мудреца.

Ну, а теперь давайте сравнимъ съ этимъ удѣломъ глупца участь какого-нибудь мудреца. Вообразимъ себѣ, какъ совершенную противоположность глупца, идеальнаго мудреца. Это — человѣкъ, проведшій все дѣтство и юность въ штудированіи разныхъ наукъ, и стало быть загубившій лучшіе свои годы безсонными ночами, гнетущими заботами, изнурительнымъ трудомъ. И добро бы все это для того, чтобы всю остальную жизнь наслаждаться спокойно радостями жизни, — но и этого нѣтъ! Онъ бѣденъ и потому принужденъ отказывать себѣ во всемъ; онъ вѣчно печаленъ и мраченъ, взыскателенъ и суровъ

къ самому себѣ, тягостенъ и невыносимъ для другихъ; онъ блѣденъ, какъ полотно, худъ, какъ щепка, хилъ и подслѣповатъ; онъ преждевременно состарился и посѣдѣлъ; онъ еще не старъ лѣтами, но уже смотритъ въ могилу. Да и не все ли равно, раньше или позже умереть человѣку, который въ сущности и не жилъ никогда?

Вотъ вамъ — портретъ идеальнаго мудреца!

Возраженія стоиковъ.

Но здѣсь я опять слышу кваканье стоическихъ лягушекъ, Нѣтъ, говорятъ они, ничего злополучнѣе безумія; глупость же сродни безумію, или лучше — она и есть само безуміе. Что, въ самомъ дѣлѣ, значитъ безумствовать, какъ не быть безъ ума, т. е. быть глупымъ?

Но эти господа заблуждаются всю свою жизнь. Ну-ка, разобьемъ и этотъ силлогизмъ, съ помощью Музъ! Какъ у Платона Сократъ, разсѣкая на-двое Венеру, дѣлаетъ двухъ Венеръ, и такимъ же способомъ —двухъ Купидоновъ изъ одного [1]), такъ же точно и этимъ тонкимъ діалектикамъ слѣдовало бы различать безуміе и безуміе, если только сами они хотятъ казаться въ здравомъ умѣ, Нельзя утверждать безъ дальнѣйшихъ околичностей, будто всякое безуміе пагубно. Иначе не сказалъ бы Горацій: „Не сталъ ли я игрушкой милаго безумія?“ А Платонъ не поставилъ бы вдохновенное безуміе поэтовъ, прорицателей и влюбленныхъ въ ряду первостепенныхъ благъ. И не назвала бы знаменитая прорицательница [2]) безумнымъ подвигъ Энея.

[1]) Намекъ на діалогъ Платона „Пиръ“.

[2]) Сивилла. См. шестую пѣсню Энеиды.

Дѣло въ томъ, что есть два рода безумія. Одно безуміе посылается изъ ада неумолимыми мстительницами, которыя, при помощи подсылаемыхъ ими змѣй, нагоняютъ на людей то воинственный пылъ, то неутолимую жажду золота, то противоестественную и безбожную любовь, то отцеубійство, содомскій грѣхъ, святотатство, и тому подобныя гнусности,— либо преслѣдуютъ преступную душу фуріями и страшилищами съ факелами. Совершенно не похожъ на это другой родъ безумія, который идетъ отъ меня; этого рода безумія нельзя не пожелать всѣмъ и каждому. Оно случается тогда, когда какое-нибудь пріятное заблужденіе ума освобождаетъ душу отъ удручающихъ заботъ и погружаетъ ее въ море наслажденій. Пожеланіе себѣ такого, именно, заблужденія высказываетъ Цицеронъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Аттику,—именно, гдѣ онъ говоритъ, что желалъ бы не ощущать и не сознавать окружающихъ бѣдствій. То же приблизительно ощущалъ и тотъ Аргивянинъ, про котораго разсказываетъ Горацій, что, въ припадкѣ умопомѣшательства, онъ цѣлые дни проводилъ въ пустомъ театрѣ, смѣясь и апплодируя, точно онъ видѣлъ на сценѣ интересное представленіе, между тѣмъ какъ сцена была совершенно пуста. Нужно замѣтить, что, за исключеніемъ этой странности, онъ всюду выказывалъ себя совершенно нормальнымъ человѣкомъ. „Привѣтливый съ друзьями, говоритъ Горацій, ласковый съ женой, онъ былъ мягокъ въ обращеніи съ рабами и не поднималъ изъ-за всякаго пустяка бури въ стаканчикѣ". Но вотъ родственникамъ удалось его вылѣчить отъ болѣзни.

Два рода безумія.

Вылѣченный сумасшедшій.

Когда онъ пришелъ въ себя, то, вмѣсто благодарности, друзья услышали отъ него упреки. „Право же, друзья мои, убили вы меня, говорилъ онъ, а не спасли. Вы лишили меня моего лучшаго наслажденія, насильно лишивъ меня моего милаго заблужденія“. И онъ былъ правъ. Не онъ, а они въ сущности заблуждались; сами они болѣе нуждались въ нѣсколькихъ пріемахъ чемерицы, за то что сочли нужнымъ прогнать разными микстурами, точно болѣзнь какую, столь счастливое и сладкое помѣшательство!..

Что такое помѣшательство?

До сихъ поръ мы еще не рѣшили, слѣдуетъ ли называть помѣшательствомъ какой бы то ни было обманъ чувства или заблужденіе ума. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь, не сочтутъ же за помѣшаннаго—человѣка, который, по близорукости, приметъ мула за осла, или, по недостатку художественнаго вкуса, придетъ въ телячій восторгъ отъ бездарнаго стихотворенія, какъ отъ какого-нибудь поэтическаго шедевра?.. Близкимъ къ помѣшательству можно счесть лишь того, кто не одному лишь обману чувствъ подверженъ, но и высказываетъ явную и постоянную превратность сужденія; напримѣръ, если кто, при всякомъ блеяніи осла, принималъ бы эти звуки за восхитительную симфонію, или кто, родившись бѣднякомъ и безроднымъ, считалъ бы себя за Креза, царя лидійскаго. Если этотъ послѣдній видъ безумія имѣетъ извѣстную веселую сторону, то отъ него испытываютъ удовольствіе не только сами помѣшанные, но и всѣ окружающіе, которые, впрочемъ, отнюдь не становятся отъ того сумасшедшими. Вообще же этотъ видъ помѣшательства гораздо обычнѣе, чѣмъ это принято

думать. Зачастую двое помѣшанныхъ смѣются другъ надъ другимъ, къ обоюдному своему удовольствію, и тотъ, кто громче смѣется, оказывается сплошь да рядомъ болѣе помѣшаннымъ, чѣмъ другой. И чѣмъ болѣе у человѣка точекъ помѣшательства, тѣмъ онъ счастливѣе: таково, по крайней мѣрѣ, мое мнѣніе. Слѣдуетъ только оставаться въ томъ изъ двухъ выше упомянутыхъ родовъ безумія, который находится въ моемъ вѣдомствѣ. Этотъ родъ безумія до такой степени общераспространенъ, что врядъ ли во всемъ человѣчествѣ найдется хоть одинъ человѣкъ, который бы всегда былъ въ здравомъ умѣ, и который бы не страдалъ какимъ-либо видомъ помѣшательства. Да и гдѣ въ дѣйствительности граница между человѣкомъ въ здравомъ умѣ и помѣшаннымъ? Если, видя передъ собою тыкву, человѣкъ принимаетъ ее за свою жену, его называютъ помѣшаннымъ. Почему? Да просто-на-просто потому, что подобный случай рѣдокъ. Но если мужъ невѣрной жены клянется-божится, что она вѣрнѣе Пенелопы, съ чѣмъ и поздравляетъ себя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ (счастливое заблужденіе!), то никому и въ голову не приходитъ называть такого человѣка помѣшаннымъ. А почему? Да просто потому, что мужья въ подобномъ положеніи—на каждомъ шагу!

Благополучіе помѣшанныхъ.

Обманутые мужья.

Къ этому же сословію принадлежатъ и тѣ, что помѣшаны на охотѣ. Въ сравненіи съ нею, для нихъ все—трынъ-трава. Дикое завыванье охотничьихъ рожковъ, смѣшанное съ лаемъ собакъ, для ихъ слуха слаще музыки. По крайней мѣрѣ, такъ сами они увѣряютъ. Имъ, сдается мнѣ, даже вонь отъ собачьяго

Охотники.

помета кажется восхитительнымъ ароматомъ. А свѣжевать звѣря—какое это наслажденіе! Рѣзать быковъ, барановъ, это—дѣло мясниковъ, мужлановъ сиволапыхъ; совсѣмъ другое—рѣзать дикаго звѣря: это—привилегія благороднаго дворянина. Посмотрите, съ какою ритуальною торжественностью принимается онъ за свѣжеваніе убитаго звѣря. Вотъ онъ снялъ шапку, склонилъ колѣна. Въ его рукахъ особый, спеціально для такой операціи предназначенный ножъ: пускать въ дѣло первый попавшійся ножикъ было бы профанаціей священнодѣйствія... Посмотрите теперь, съ какой церемонной методичностью производится самая операція: знайте, что каждое тѣлодвиженіе оператора предусмотрѣно, какъ предусмотрѣнъ строгій порядокъ, въ какомъ совершается операція надъ различными членами убитаго звѣря. Право, можно подумать, что совершается какое то священнодѣйствіе!... Толпа зрителей вокругъ, молчаливая, сосредоточенная, смотритъ-дивуется,—можно подумать, что дѣло идетъ о какомъ-то диковинномъ, невиданномъ зрѣлищѣ, а не о самомъ обыденномъ, тысячу разъ видѣнномъ каждымъ... А если кому изъ присутствующихъ посчастливится при этомъ отвѣдать дичины, онъ ужъ чувствуетъ себя повысившимся на цѣлую ступень въ дворянскомъ достоинствѣ... Правда, что эти страстные звѣроловы и звѣроѣды и сами въ концѣ концовъ чуть что не превращаются въ звѣрей; но это отнюдь не мѣшаетъ имъ думать, что они живутъ истинно по-царски.

Строители. Всего ближе къ этой категоріи помѣшанныхъ стоятъ люди, одержимые маніей строительства. Сегодня они строятъ четырехугольное зданіе, завтра пе-

рестраиваютъ его на круглое, потомъ круглое передѣлываютъ опять въ четырехугольное и т. д. строятъ и перестраиваютъ до тѣхъ поръ, пока въ одинъ прекрасный день строитель оказывается безъ дома и даже безъ средствъ къ пропитанію... А впрочемъ, что за важность, что потомъ случится? За-то какъ пріятно прожито нѣсколько лѣтъ!..

Ближайшую къ этимъ категорію помѣшанныхъ представляютъ тѣ, что погружены въ поиски пятой стихіи и какихъ-то тамъ новыхъ и таинственныхъ знаній, при помощи которыхъ они замышляютъ ни болѣе ни менѣе, какъ перевернуть вверхъ дномъ весь существующій порядокъ вещей. Въ сладкой надеждѣ на свои великія открытія, они не щадятъ ни трудовъ, ни средствъ. Ихъ безпокойный умъ постоянно что-нибудь изобрѣтаетъ, для того лишь, правда, чтобы пріятнымъ образомъ себя морочить, до той минуты, когда отъ всѣхъ его разорительныхъ затѣй у злополучнаго изобрѣтателя не останется даже, на что починить свой горнъ!.. И послѣ этого, впрочемъ, не перестаютъ ему грезиться сладкіе сны. По мѣрѣ силъ своихъ, онъ и другихъ всячески старается склонить къ подобному же благополучію. Наконецъ, когда сладостному самообману приходитъ конецъ, онъ находитъ себѣ преизбыточное утѣшеніе въ томъ, что, какъ гласитъ извѣстное изреченіе, „въ великомъ уже одно желаніе—подвигъ". Они все сваливаютъ тогда на кратковременность жизни, совершенно недостаточную для осуществленія великаго дѣла. Изобрѣтатели.

Не знаю, право, причислить ли также игроковъ къ нашей компаніи. Впрочемъ, что глупѣе и смѣ- Игроки.

шнѣе зрѣлища, которое представляютъ иные игроки, дотого помѣшавшіеся на игрѣ, что отъ одного стука игральныхъ костей у нихъ моментально начинаетъ прыгать и усиленно биться сердце. Затѣмъ, когда, въ надеждѣ на выигрышъ, игрокъ терпитъ крушеніе со всѣмъ своимъ имуществомъ, ударившись о подводный камень, то, вынырнувъ нагишомъ, онъ оттюдь не станетъ отыгрываться у своего счастливаго соперника, для того, чтобы не уронить овоего достоинства. А что сказать о старикахъ, которые, плохо видя, напяливаютъ на себя очки, чтобы принять участіе въ игрѣ? Есть и такіе, что хирагрой у нихъ пальцы скрючило, такъ они нанимаютъ себѣ особаго человѣка, который бы металъ за нихъ кости. Вотъ до чего сладка игра! Страсть къ игрѣ зачастую переходитъ въ настоящее умоизступленіе, но тогда она уже выходитъ изъ моего вѣдомства: то—вѣдомство фурій.

Суевѣры. За-то вотъ ужъ, безъ всякаго сомнѣнія, нашего поля ягода—эти охотники послушать и поразсказать о разныхъ вымышленныхъ чудесахъ и знаменіяхъ,—любители росказней о разныхъ чудищахъ, привидѣніяхъ, призракахъ, домовыхъ, мертвецахъ, выходцахъ съ того свѣта и тому подобныхъ дивахъ-дивныхъ; и чѣмъ нелѣпѣе эти росказни, тѣмъ охотнѣе имъ вѣрятъ, тѣмъ пріятнѣе щекочутъ онѣ уши слушателей. Не для одного, впрочемъ, пріятнаго препровожденія времени служатъ эти росказни; отъ нихъ и прибыль перепадаетъ кое-кому, въ особенности церковникамъ и проповѣдникамъ. Съ родни этимъ тѣ люди, которые составили себѣ глупое, хотя и пріят-

ное, убѣжденіе, что стоитъ лишь взглянуть на статую или икону Полифема-Христофора [1]), чтобы обезпечить себя отъ бѣды на этотъ день; или — что стоитъ прочитать извѣстную молитву передъ статуей Варвары, чтобы вернуться невредимымъ съ поля сраженія; или — что стоитъ лишь въ опредѣленные дни приходить на поклоненіе къ Эразму съ извѣстными молитвами, чтобы въ самое короткое время стать богачемъ. Въ лицѣ Георгія-Геркулеса они нашли себѣ второго Ипполита [2]). На коня его, украшеннаго дорогимъ чапракомъ съ кистями, они только что не молятся, но время отъ времени приносятъ ему дары; клясться его мѣднымъ шишакомъ считается достойнымъ королей. А что сказать о тѣхъ, что ликуютъ, откупившись отъ своихъ грѣховъ дарами, и срокъ пребыванія въ чистилищѣ измѣряютъ какъ бы хронометромъ, вычисляя съ математическою точностью вѣка, годы, мѣсяцы, дни, часы? Допускается впрочемъ при этимъ извѣстная возможность ошибки въ вычисленіяхъ. Что сказать далѣе о тѣхъ, что вѣрятъ въ какіе-то магическіе значки и волшебныя заклинанія, изобрѣтенные какимъ-нибудь благочестивымъ шарлатаномъ — для спасенія души, а, быть можетъ, и просто прибытка ради? И чего-чего не сулятъ себѣ

[1]) Сопоставленіе св. Христофора съ миѳическимъ великаномъ, циклопомъ Полифемомъ, объясняется тѣмъ, что первый изображался человѣкомъ исполинскаго роста.

[2]) Намекъ на миѳъ объ Ипполитѣ, разбитомъ своими конями. Сопоставленіе съ нимъ Георгія Побѣдоносца объясняется здѣсь, повидимому, лишь тѣмъ, что послѣдній изображался всегда на конѣ.

эти суевѣры отъ подоаныхъ запукъ: и богатства-то, и почестей-то, и долгой жизни въ сытости и вѣчно цвѣтущемъ здоровьи, и здоровую бодрую старость, и наконецъ — одно изъ ближайшихъ ко Христу мѣстъ на томъ свѣтѣ. Послѣдняго достигнуть они, впрочемъ, желали бы какъ можно позднѣе: когда имъ сдѣлаются окончательно недоступны радости здѣшней жизни, тогда вотъ они, пожалуй, не прочь помѣнять ихъ и на небесное блаженство... Иной купецъ, солдатъ, судья, удѣливъ копѣйку изъ нахищеннаго богатства. думаетъ что этимъ онъ разомъ очистилъ клоаку своей жизни. Всѣ свои обманы, всѣ безчинства, кутежи, насилія, убійства, мошенничества, предательства, — все это онъ думаетъ выкупить, совершенно какъ если бы дѣло шло о какой-либо торговой сдѣлкѣ, — а выкупивши, начать сызнова новый рядъ гнусностей. Можно ли быть глупѣе, или, лучше сказать — можно ли быть счастливѣе — тѣхъ людей, которые, прочитывая ежедневно семь стиховъ изъ псалтири, сулятъ себѣ высшее блаженство? Полагаютъ при этомъ, что эти чудодѣйственные стихи указалъ св. Бернарду одинъ демонъ. Дошлый демонъ, что и говорить! только на бѣду свою былъ онъ болѣе болтливъ, чѣмъ смѣтливъ, потому что самъ же себѣ подгадилъ, открывъ свой секретъ св. Бернарду [1]).

[1]) Здѣсь намекается на слѣдующій эпизодъ изъ жизни св Бернарда. Дьяволъ какъ-то похвастался передъ нимъ, что знаетъ такіе семь стиховъ въ псалтири, въ ежедневномъ чтеніи которыхъ заключается вѣрный способъ спасти свою душу. Подвиж-

Все это дотого глупо, что даже меня заставляетъ краснѣть. Тѣмъ не менѣе, нелѣпицы эти находятъ себѣ приверженцевъ не только среди черни непросвященной, но даже и среди людей, казалось бы, вполнѣ компетентныхъ въ дѣлѣ религіи.

Не сюда ли также относится и то суевѣріе, въ силу котораго каждая мѣстность заявляетъ притязаніе на особое, спеціальное покровительство кого-нибудь изъ святыхъ? Каждому изъ нихъ приписываются спеціальныя способности. Одному молятся при зубной боли, другого призываютъ на помощь въ мукахъ родовъ, третій долженъ помочь отыскать украденную вещь, дѣло четвертаго — подоспѣвать на помощь потерпѣвшимъ кораблекрушеніе, на пятомъ лежитъ забота о стадахъ, и т. д. и т. д. Понадобился бы длинный списокъ, если бы всѣхъ перечислять. Есть и такіе, что годятся въ различныхъ обстоятельствахъ жизни. Такова въ особенности св. Дѣва: масса вѣрующихъ ей приписываютъ даже большее могущество, чѣмъ Сыну.

Но посмотримъ, съ какими прошеніями обращаются люди къ этимъ святымъ. Укажите мнѣ хоть одно изъ нихъ, которое бы не имѣло ничего общаго

никъ поинтересовался узнать эти стихи, но дьяволъ отказался открыть секретъ. „Хорошо же“, сказалъ тогда св. Бернардъ,—„въ такомъ случаѣ я буду отнынѣ прочитывать ежедневно всю псалтирь: такимъ образомъ прочту и тѣ чудодѣйственные семь стиховъ“. Эта угроза подѣйствовала, и дьяволъ рѣшилъ, что чтеніе семи стиховъ все-таки меньшій подвигъ благочестія, чѣмъ чтеніе всей псалтири, и счелъ за лучшее открыть свой секретъ подвижнику

съ глупостью. Скажите, пожалуйста, видѣли ли вы, среди столькихъ благочестивыхъ приношеній, сплошь покрывающихъ стѣны церквей, вплоть до потолка, — видѣли ли вы, спрашиваю я, хоть разъ такое приношеніе, которое бы сдѣлано было кѣмъ-либо въ благодарность за исцѣленіе отъ глупости? — за то, скажемъ къ примѣру, что человѣкъ сталъ немножко умнѣе бревна?... Посмотрите на эти приношенія! Одинъ чуть не утонулъ — и выплылъ; другой — едва не умеръ отъ раны — выздоровѣлъ; третьему удалось спастись бѣгствомъ (столько же удачно, какъ и браво!) съ поля сраженія, въ то время какъ прочіе соратники продолжали сражаться; четвертому удалось ускользнуть отъ петли, по милости какого-либо святого, покровителя воровъ, для того чтобы снова подвизаться надъ облегченіемъ черезчуръ обремененныхъ кармановъ; пятому посчастливилось вырваться со взломомъ изъ тюрьмы; седьмой выздоровѣлъ отъ лихорадки, къ великому огорченію доктора; восьмой вмѣсто того, чтобы умереть отъ подсыпаннаго ему яда, получилъ лишь исцѣленіе отъ запора, чѣмъ вовсе не была обрадована его жена, потерявшая даромъ и хлопоты и деньги; девятый перевернулся вмѣстѣ съ экипажемъ, но остались цѣлы лошади; десятый попалъ подъ обрушившуюся стѣну, но остался живъ; одиннадцатому посчастливилось ускользнуть изъ рукъ разъяреннаго мужа обольщенной имъ женщины. Хоть бы кто поблагодарилъ за избавленіе отъ глупости!... Еще бы! быть свободнымъ отъ ума, да это такое счастье, что ото всего, отъ чего угодно, будутъ открещиваться люди, только не отъ глупости.

Но къ чему пускаться въ этотъ океанъ суевѣрій? "Будь у меня сто языковъ и сто устъ, будь у меня желѣзное горло, мнѣ и тогда бы не описать всѣхъ типовъ глупцовъ, не перечислить всѣхъ видовъ и оттѣнковъ глупости". Да, до крайности переполнена жизнь всѣхъ христіанъ подобными нелѣпицами. А ихъ, между тѣмъ, не только допускаютъ съ легкимъ сердцемъ священнослужители, но и еще и поощряютъ. Для нихъ, вѣдь, не тайна — проистекающій отсюда прибытокъ... Суевѣрія и духовенство.

Теперь представьте себѣ, что вдругъ явился бы какой-нибудь непрошеный мудрецъ и сталъ бы во всеуслышаніе проповѣдовать въ такомъ родѣ: „Хорошо живи, и ты не погибнешь; ты искупишь свои грѣхи, если къ пожертвованной лептѣ присоединишь отвращеніе къ дурнымъ дѣламъ, слезы сокрушенія, бдѣнія, молитвы, посты, и если вдобавокъ совершенно измѣнишь свою жизнь; ты пріобрѣтешь покровительство такого-то святого, если будешь подражать его жизни". Если, говорю я, началъ бы этотъ мудрецъ развивать такую философію, то предоставляю вамъ самимъ представить себѣ, какую бы смуту вызвалъ онъ въ душахъ людей, почивавшихъ до той минуты на лаврахъ благополучія.

Къ этой же компаніи принадлежатъ и тѣ, что еще при жизни такъ заняты своими похоронами, что заранѣе опредѣляютъ все до мельчайшихъ подробностей: и сколько факеловъ должно быть въ процессіи, и сколько провожатыхъ въ траурѣ, сколько пѣвчихъ, сколько наемныхъ плакальщиковъ,—какъ будто они въ состояніи будутъ видѣть это зрѣлище, или бу-

дутъ краснѣть, если ихъ трупъ будетъ погребенъ безъ должной торжественности. Они хлопочутъ, точь въ точь только что выбранные эдилы—объ устройствѣ игръ и угощеній для народа.

Родословное тщеславіе.

Какъ я ни спѣшу, но не могу всетаки пройти молчаніемъ и тѣхъ, которые, ничѣмъ не отличаясь отъ послѣдняго сапожника, любятъ, тѣмъ не менѣе, бахвалиться своимъ знатнымъ происхожденіемъ. Одинъ возводитъ свой родъ къ Энею. другой къ Бруту, третій къ Артуру. Выставляютъ на показъ статуи и портреты своихъ предковъ; перечисляютъ своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, припоминаютъ старинныя фамильныя прозвища. Право же, не многимъ чѣмъ отличаются сами они отъ безсловесныхъ статуй! Это отнюдь, однако, не мѣшаетъ имъ, при любезномъ содѣйствіи ласковой Филавтіи, чувствовать себя на верху благополучія. И нѣтъ недостатка въ дуракахъ, которые готовы смотрѣть на этихъ скотовъ, чуть не какъ на боговъ.

Другіе виды тщеславія.

Что, впрочемъ, говорю я о двухъ видахъ тщеславія, точно не на каждомъ шагу создаетъ эта Филавтія счастливцевъ самыми разнообразными способами? Вотъ человѣкъ—безобразнѣе обезьяны, а вѣдь, себя онъ считаетъ красавцемъ не хуже Нирея! Другой, которому удалось начертить циркулемъ три кривыхъ, считаетъ себя чуть что не Эвклидомъ. Третій мнитъ себя вторымъ Гермогеномъ, хотя бы пѣлъ хуже пѣтуха, а въ музыкѣ смыслилъ не болѣе осла.

Барское тщеславіе.

Есть еще одинъ—несравненно болѣе пріятный видъ помѣшательства. Именно, есть господа, которые считаютъ себя въ правѣ хвастаться талантами своихъ

слугъ, какъ своими собственными. Таковъ, напримѣръ, тотъ сугубо счастливый богачъ, о которомъ говоритъ Сенека. Собираясь разсказать какую-нибудь исторію, онъ окружалъ себя рабами, которые должны были подсказывать ему собственныя имена. Какъ ни дряхлъ былъ этотъ господинъ—въ чемъ душа!—но я увѣренъ, онъ не поколебался бы ни на мгновеніе выйти на единоборство съ силачемъ, вполнѣ полагаясь на мускулы своихъ многочисленныхъ рабовъ.

Нужно ли говорить о представителяхъ такъ называемыхъ свободныхъ профессій? Если кому, то имъ въ особенности близка Филавтія. Иной изъ нихъ скорѣе поступится своимъ имуществомъ, чѣмъ согласится признать отсутствіе у себя таланта. Сказанное относится въ особенности къ актерамъ, пѣвцамъ, ораторамъ и поэтамъ. И чѣмъ менѣе у кого изъ нихъ таланта и образованія, тѣмъ усерднѣе онъ кадитъ себѣ, тѣмъ нахальнѣе бахвалится и величается, тѣмъ болѣе въ немъ спеси. Но, по пословицѣ, всякія губы находятъ по себѣ салатъ: и дѣйствительно, чѣмъ низкопробнѣе кто изъ нихъ, тѣмъ болѣе находитъ онъ себѣ поклонниковъ; вообще, чѣмъ хуже какая вещь, тѣмъ большему числу людей она по вкусу. И можетъ ли быть иначе, разъ огромное большинство людей, какъ было выше замѣчено, подвержено Глупости? А такъ какъ рѣшительное преимущество на сторонѣ невѣжества—оно доставляетъ своему обладателю и больше удовольствія и больше поклонниковъ—, то какая кому охота добиваться истинной образованности, которая и стоить будетъ дорого, и сдѣлаетъ человѣка болѣе скромнымъ и робкимъ, и наконецъ—сократитъ число его цѣнителей?...

Вотъ еще одно наблюденіе, которымъ я хочу подѣлиться съ вами относительно тщеславія. Природа не ограничилась тѣмъ, что каждому дала свою собственную Филавтію—она снабдила еще каждую отдѣльную націю, чуть что не каждый городъ, нѣкоторой общей Филавтіей. И вотъ почему британцы заявляютъ, между прочимъ, притязаніе, какъ на свое національное достояніе, на тѣлесную красоту, на музыкальные таланты и на хорошій столъ; шотландцы бахвалятся своею знатностью и родствомъ съ королями, а также тонкою діалектикой; галлы приписываютъ себѣ монополію вѣжливости и общительности, парижане претендуютъ на исключительный авторитетъ въ богословской наукѣ; итальянцы считаютъ себя единственными хозяевами въ области изящной литературы и краснорѣчія, и въ своемъ сладкомъ самообольщеніи вполнѣ увѣрены, что изъ всѣхъ смертныхъ они лишь одни не варвары. Но пальма первенства въ разсматриваемомъ видѣ благополучія принадлежитъ, безспорно, римлянамъ, которымъ до сихъ поръ грезится древній Римъ, столица міра. Венеціанцы находятъ свое благополучіе въ томъ, что считаютъ себя поголовно дворянами; греки, въ качествѣ родоначальниковъ наукъ и искусствъ, кичатся тѣмъ, что они первые создали науки, и что у нихъ были столь славные герои; турки, это скопище варваровъ,—и тѣ находятъ чѣмъ гордится: они претендуютъ на исключительное обладаніе истинной религіей и смѣются надъ христіанами, какъ надъ суевѣрами. Въ еще болѣе сладкое самообольщеніе погружены іудеи, все еще ожидающіе своего Мессію и въ то

же время крѣпко держащіеся за своего Моисея; испанцы не хотятъ никому ни шагу уступить въ дѣлѣ военной славы; германцы бахвалятся своимъ богатырскимъ ростомъ и знаніемъ таинъ магіи. Къ чему, впрочемъ, пускаться въ подробныя перечисленія, когда и безъ того ясно, сколько удовольствія доставляетъ всѣмъ и каждому Филавтія?..

Довольно похожа на нее ея сестра Колакія (лесть). Что такое, въ самомъ дѣлѣ, тщеславіе, какъ не ласкательство по отношенію къ самому себѣ? Такое же ласкательство по отношенію къ другому будетъ— лесть. Въ настоящее время лесть считается чѣмъ-то позорнымъ, гнуснымъ,—впрочемъ, это у тѣхъ, на кого болѣе впечатлѣнія производятъ названія вещей, чѣмъ сами вещи. Они, видите ли, находятъ несовмѣстимою съ лестью—вѣрность. Что въ дѣйствительности дѣло обстоитъ совершенно иначе, они могли бы убѣдиться въ этомъ хотя бы на примѣрѣ неразумныхъ животныхъ. Ужъ пачто, напримѣръ, льстива собака, а что же ея вѣрнѣе? Что ласкательнѣе бѣлки? А между тѣмъ, какъ легко она сдружается съ человѣкомъ! Если бы вѣрно было противоположное, то пришлось бы признать, что для совмѣстной жизни съ человѣкомъ болѣе подходятъ грозные львы, свирѣпые тигры, ярые леопарды. Есть, дѣйствительно, нѣкоторый видъ лести безспорно вредный; это та лесть, при помощи которой люди коварные и насмѣшливые доводятъ иныхъ несчастныхъ до гибели. Но моя лесть имѣетъ своимъ источникомъ природное благодушіе и чистосердечность, и несравненно ближе къ добродѣтели, чѣмъ противоположныя ей свойства:

Тщеславіе и лесть.

суровость, и сварливость — несуразная и докучливая, по выраженію Горація. Такая лесть ободряетъ упавшихъ духомъ, облегчаетъ горе, развеселяетъ печальныхъ, возбуждаетъ къ дѣятельности ослабѣвшихъ, воскрешаетъ къ жизни впавшихъ въ оцѣпенѣніе, поднимаетъ на ноги больныхъ, смягчаетъ свирѣпыхъ, завязываетъ любовь между людьми и упрочиваетъ узы любви. Она привлекаетъ юношей къ ученью, веселитъ старость; въ безобидной формѣ, подъ видомъ похвалы, наставляетъ и поучаетъ государей. Наконецъ, благодаря ей, каждый становится пріятнѣе и дороже самому себѣ, а такое довольство самимъ собой представляетъ одинъ изъ главныхъ, и, быть можетъ, наиболѣе важный элементъ счастія. Какое умилительное зрѣлище представляетъ собою пара муловъ, любовно почесывающихъ другъ другу спины своими мордами. Не въ этомъ ли взаимномъ почесываніи состоитъ главная заслуга краснорѣчія, въ еще большей степени — медицины, и еще больше — поэзіи?.. Словомъ, лесть, это - медъ и приправа всякаго общенія между людьми.

Заблужденіе и счастіе.

Но, скажутъ, какое несчастіе — заблуждаться! Напротивъ, не заблуждаться — вотъ верхъ несчастія! Полагать, что счастье заключается въ самыхъ вещахъ, это — верхъ недомыслія! Счастіе зависитъ исключительно отъ мнѣнія. Дѣло въ томъ, что въ человѣческой жизни до такой степени все темно и сложно, что точное знаніе здѣсь не можетъ имѣть мѣста, какъ это было справедливо замѣчено моими академиками, наименѣе притязательными среди философовъ. Если же въ отдѣльныхъ случаяхъ точное знаніе и воз-

можно, то оно сплошь да рядомъ лишь наноситъ ущербъ пріятности жизни. Наконецъ, такъ ужъ устроенъ человѣческій умъ, что легче на него повліять ложью, чѣмъ правдой. Въ справедливости этого легко убѣдиться каждому нагляднымъ образомъ: стоитъ лишь зайти въ любой храмъ, на любое публичное собраніе и посмотрѣть на слушателей. Если они дремлютъ, зѣваютъ, сидятъ съ вытянутыми физіономіями, это значитъ, что рѣчь идетъ о чемъ-либо серьезномъ; но стоитъ лишь оратору начать, какъ это сплошь да рядомъ водится, разсказывать какой-нибудь глупый анекдотъ, всѣ мигомъ встрепенулись, подняли головы, насторожили уши. Точно также вы замѣтите, что гораздо усерднѣе поклоняются тѣмъ святымъ, которые, какъ св. Георгій, Христофоръ, Варвара, окружены дымкой поэтической легенды, чѣмъ такимъ святымъ, какъ Петръ и Павелъ. Впрочемъ, здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ вещахъ. Правда и ложь.

Я остановилась на томъ, что счастіе коренится не въ вещахъ, а въ человѣческомъ мнѣніи. Дѣло въ томъ, что всякая вещь, даже изъ наименѣе важныхъ, какъ напримѣръ, простая грамотность, требуетъ большой затраты силъ. Совсѣмъ другое дѣло — мнѣніе: воспринять его не стоитъ ни малѣйшаго труда; а между тѣмъ, его вполнѣ достаточно для достиженія счастья. Посмотрите, съ какимъ аппетитомъ иной уплетаетъ тухлую солонину; другой бы не вынесъ и запаха этой тухлятины, а этому она представляется деликатесомъ. Скажите, развѣ онъ не вполнѣ счастливъ въ этотъ моментъ? Другого, напротивъ, Счастье во мнѣніи.

тошнитъ отъ осетрины: какой для него толкъ въ этомъ деликатномъ блюдѣ? У иного жена отмѣнная рожа, но мужу она кажется чуть что не Венерой: скажите, не все ли равно для него, какъ если бы его жена была дѣйствительно красавицей? Или какой-нибудь цѣнитель искусства, глядя на лубочную мазню иного грошеваго горе-художника, восхищается ею, какъ какою-нибудь картиной Апеллеса или Зевксиса,—скажите, ну, развѣ не счастливѣе онъ даже того, кто купитъ за дорогую цѣну произведеніе этихъ мастеровъ, но которое, быть можетъ, не доставитъ ему такого наслажденія?.. Одинъ мой знакомый, мой тезка [1]), подарилъ своей молодой женѣ нѣсколько украшеній съ поддѣльными камнями; мастеръ заговаривать зубы, онъ увѣрилъ жену, что камни эти не только настоящіе, самородные, но и рѣдкіе по своему качеству, и потому — изъ самыхъ дорогихъ. Скажите, развѣ не все равно было этой дамочкѣ, когда она съ такимъ же удовольствіемъ любовалась и истинно восхищалась этими грошовыми бездѣлушками, какъ если бы въ ея шкатулкѣ хранилась какая-нибудь дѣйствительно рѣдкая драгоцѣнность? Между тѣмъ, мужъ и деньги сберегъ и женѣ угодилъ!.. Какую разницу найдете вы между тѣми, что созерцаютъ въ платоновской пещерѣ тѣни и образы вещей, и тѣмъ мудрецомъ, который, выйдя изъ пещеры, созерцаетъ самыя вещи? [2]). Про Лукіанова

---

[1]) Быть можетъ намекъ на Т. Мора, имя котораго созвучно съ Moria.

[2]) Люди, довольствующіеся обыденными понятіями, представляются Платону какъ бы находящимися въ пещерѣ, гдѣ они

Микилла, который видѣлъ себя во снѣ богачемъ, можно сказать, что онъ былъ бы вполнѣ счастливъ, если бы этотъ сонъ продолжался всю жизнь [1]).

Итакъ, въ отношеніи счастья, преимущество, несомнѣнно на сторонѣ глупцовъ: во-первыхъ потому, что счастье имъ стоитъ всего менѣе—для нихъ вполнѣ достаточно чтобы имъ сказали, что они счастливы, или чтобы они только подумали это, на яву ли или во снѣ; во-вторыхъ, потому еще, что они имѣютъ возможность раздѣлять свое счастье со многими, а никакое счастье неполно, если не съ кѣмъ его раздѣлить. Кому однако неизвѣстна крайняя рѣдкость мудрецовъ? Греки насчитывали ихъ—за столько вѣковъ!—всего лишь семь, да и то сдается мнѣ, если бы основательно прощупать этихъ семерыхъ, то врядъ ли оказалось бы въ итогѣ хотя бы полъ-мудреца, а быть можетъ, не оказалось бы и полной трети... Преимущество глупцовъ.

Главною и наиболѣе цѣнною заслугою Бахуса считается то, что онъ смываетъ съ души всякія заботы. Это благотворное дѣйствіе продолжается однако, недолго; лишь только проспишься съ похмѣлья, какъ моментально возвращаются къ тебѣ гнетущія Глупость лучше вина.

видять лишь тѣни вещей, находящихся внѣ пещеры; философъ, напротивъ, это—человѣкъ, вырвавшійся изъ этой пещеры на свѣтъ Божій и созерцающій уже не тѣни, а самыя вещи.

[1]) Въ одномъ изъ своихъ разговоровъ Лукіанъ выводитъ нѣкоего Микилла. Человѣкъ бѣдный, онъ, послѣ хорошаго обѣда у богатаго сосѣда, засыпаетъ и видитъ себя во снѣ богачемъ. Разбуженный своимъ пѣтухомъ, Микиллъ набрасывается на него за то, что онъ прервалъ его столь пріятный сонъ.

думы. Въ сравненіи съ этимъ, насколько полнѣе и прочнѣе то благотворное дѣйствіе, которое я оказываю, держа голову человѣка, какъ бы въ постоянномъ опьяненіи, и тѣмъ поддерживая въ немъ неизмѣнно веселое, жизнерадостное настроеніе. И результатъ этотъ получается вдобавокъ безъ всякаго труда и безъ малѣйшаго расхода!..

Глупост благодѣтельнѣе прочихъ божествъ.

Передъ прочими божествами я могу похвалиться тѣмъ преимуществомъ, что, между тѣмъ какъ послѣднія пріобщаютъ къ своимъ дарамъ, одни однихъ людей, другіе другихъ,—я, наоборотъ, не дѣлаю исключенія ни для кого изъ смертныхъ, всѣхъ ихъ дѣлая причастниками моихъ щедротъ. Не во всякой странѣ родится виноградъ, дающій благородный и тонкій напитокъ, что разсѣиваетъ удручающія душу заботы и назойливыя думы и развертываетъ передъ человѣкомъ розовыя перспективы. На долю немногихъ достается красота, даръ Венеры; еще менѣе людей получаютъ въ даръ отъ Меркурія краснорѣчіе. Немногочисленны и тѣ, что стали богаты, съ помощью Геркулеса. Не каждому даетъ власть гомеровскій Юпитеръ. Зачастую Марсъ отказываетъ въ своей помощи обѣимъ воюющимъ сторонамъ. Многіе съ невеселыми лицами возвращаются отъ Аполлонова треножника. Нерѣдко поражаетъ своими перунами сынъ Сатурна. Фебъ своими стрѣлами насылаетъ иногда моръ. Нептунъ больше губитъ, чѣмъ спасаетъ. Лишь мимоходомъ упомяну объ этихъ Вейовахъ, Плутонахъ, Атахъ, Пенахъ, Фебрахъ и прочихъ не богахъ, а кровопійцахъ. Одна лишь я, Глупость, всѣхъ людей безъ исключенія дѣлаю участниками моихъ благодѣ-

тельныхъ щедротъ. При томъ, ни обѣтовъ я не требую себѣ отъ людей, ни умилостивительныхъ жертвъ. Не рву и не мечу, когда приглашаютъ остальныхъ боговъ, а меня оставляютъ дома, лишая возможности насладиться аппетитнымъ ароматомъ дымящихся жертвъ Что же касается прочихъ боговъ, то, вѣдь, они до такой степени требовательны и привередливы на счетъ всего, что касается ихъ культа, что, пожалуй, лучше и безопаснѣе вовсе имъ не приносить жертвъ; они похожи на тѣхъ людей, которые до такой степени заносчивы, щекотливы и вспыльчивы, что лучше вовсе не имѣть съ ними никакого дѣла и быть, какъ съ чужими.

Культъ Глупости

Но, возразятъ мнѣ, вѣдь, у Глупости нѣтъ ни жрецовъ, ни храмовъ. Ну да, и я уже говорила, что не могу надивиться подобной неблагодарности! Впрочемъ, по добротѣ моего характера, я отношусь къ этому довольно благодушно; да, признаться, даже и не желала бы для себя особаго культа, по примѣру прочихъ божествъ. Что мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, добиваться воскуренія, или щепотки муки, либо кусочка козлятины или свинины, когда и безъ того всѣ смертные, безъ различія націй, поклоняются мнѣ въ такой формѣ, которая и со стороны богослововъ встрѣчаетъ полное одобреніе? Діанѣ что ли мнѣ завидовать, которую умилостивляютъ человѣческою кровью? Что касается меня, то полагаю, что воздаваемое мнѣ поклоненіе представляетъ собою идеалъ богопочитанія: всѣ носятъ меня въ сердцѣ своемъ, и своими нравами, всей своей жизнью являются лучшими моими выразителями и истолкователями. И изъ христіан-

скихъ святыхъ не многіе окружены подобнымъ почитаніемъ. Множество людей ставятъ зажженныя свѣчки передъ образомъ Богородицы, часто среди бѣла дня, когда вовсе нѣтъ нужды въ освѣщеніи; за то какъ мало такихъ, которые стараются подражать ей чистотою жизни, кротостью, любовью къ неземному! А, вѣдь, въ этомъ и состоитъ истинное и наиболѣе угодное небожителямъ почитаніе ихъ. Да и зачѣмъ желать мнѣ храма, когда вся вселенная — мой храмъ? и какой другой храмъ можетъ сравниться съ этимъ по своему великолѣпію? И къ чему мнѣ жрецы, когда всѣ люди поголовно являются моими усердными жрецами? Вѣдь, наконецъ, не такъ ужъ я глупа, чтобы добиваться для себя высѣченныхъ изъ камня или красками намалеванныхъ изображеній, которыя иногда даже вредятъ религіи, благодаря тому, что глупцы и тупицы обожаютъ, вмѣсто святыхъ, ихъ изображенія; это похоже на то, какъ иной викарій отбиваетъ приходъ у своего настоятеля. У меня же — такъ я думаю — столько собственныхъ живыхъ статуй, сколько на свѣтѣ людей: каждый изъ нихъ — мой живой образъ, хочетъ онъ того или нѣтъ. Стало быть, мнѣ рѣшительно нечего завидовать прочимъ богамъ, если тотъ или другой изъ нихъ чтится въ томъ или другомъ уголкѣ земли, въ тѣ или другіе опредѣленные дни въ году; таковы: Фебъ, котораго чтутъ Родосцы, Венера, имѣющая свой культъ на о. Кипрѣ, Юнона—въ Аргосѣ, Минерва—въ Аѳинахъ, Юпитеръ—на Олимпѣ, Нептунъ—въ Тарентѣ, Пріапъ—въ Лампсакѣ; мнѣ лишь одной вся вселенная приноситъ всеедневно обильныя жертвы.

Храмъ глупости — вселенная.

Иному можетъ показаться, что въ словахъ моихъ больше самомнѣнія, чѣмъ правды. Хорошо, присмотримтесь къ жизни людей и мы нагляднымъ образомъ убѣдимся, насколько они всѣ одолжены мнѣ, и въ какомъ почетѣ нахожусь я у всѣхъ, начиная съ сильныхъ міра сего и кончая послѣднимъ изъ маленькихъ людей. Нѣтъ нѣтъ нужды останавливаться на представителяхъ всѣхъ слоевъ общества: это было бы слишкомъ долго; достаточно будетъ остановиться лишь на представителяхъ болѣе видныхъ и вліятельныхъ: по нимъ легко будетъ судить и объ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что масса, вѣдь, и безъ того, безспорно, цѣликомъ мнѣ принадлежитъ. Проявленія глупости въ ней дотого многообразны—можно сказать, что каждый день приноситъ съ собой какую-нибудь новинку въ этомъ отношеніи—, что для осмѣянія всѣхъ ихъ не хватило бы и тысячи Демокритовъ, не говоря уже о томъ, что потребовался бы еще особый Демокритъ для осмѣянія этихъ послѣднихъ. Трудно себѣ представить, сколько развлеченія, сколько забавы и потѣхи доставляютъ ежедневно люди богамъ, обыкновенно посвящающимъ свои трезвые дообѣденные часы выслушиванію людскихъ споровъ и домогательствъ. Но когда, хорошо угостившись нектаромъ, они теряютъ и способность и охоту къ серьезнымъ дѣламъ, тогда, усѣвшись на самой верхушкѣ неба, начинаютъ они со своей возвышенной позиціи наблюдать за тѣмъ, что дѣлаютъ люди: нѣтъ для нихъ усладительнѣе этого зрѣлища! Боже безсмертный, что за комедія весь этотъ разноголосый гомонъ глупцовъ! Говорю это на основаніи лич-

Почетъ воздаваемый Глупости.

Зрѣлище людской глупости.

ныхъ впечатлѣній, такъ какъ иногда мнѣ тоже случается бывать въ обществѣ поэтическихъ боговъ. Чего-чего тутъ не насмотришься! Вонъ, одинъ умираетъ отъ любви къ бабенкѣ, и тѣмъ болѣе въ нее влюбляется, чѣмъ менѣе встрѣчаетъ отъ нея взаимности. Тотъ женится на приданомъ, вмѣсто жены. Этотъ торгуетъ своею собственной невѣстой. Другой, ревнивецъ, не спускаетъ съ своей безпокойнаго взгляда. Иной, по случаю траура, творитъ тысячи глупостей; призываетъ, напримѣръ, наемныхъ лицедѣевъ, чтобы они изобразили въ лицахъ его печаль. Другой плачетъ на могилѣ тещи. Этотъ все, что только ему удается набрать, сваливаетъ въ свой желудокъ, хотя вскорѣ ему предстоитъ быть можетъ, изрядно голодать. Иной считаетъ верхомъ благополучія—валяться въ постели и плевать въ потолокъ. Другіе вѣчно въ хлопотахъ и тревогахъ о чужихъ дѣлахъ, а о своихъ забываютъ. Есть и такіе, что въ долгу, какъ въ шелку, и наканунѣ банкротства воображаютъ себя богачами. Другой находитъ высшее счастіе въ томъ, чтобы жить какъ нищій, лишь бы оставить богатое состояніе своему наслѣднику. Этотъ, изъза ничтожной и невѣрной прибыли, рыщетъ по морямъ, бравируя волны и вѣтры и рискуя жизнью, которую, однако, вѣдь, не купишь потомъ за деньги. Тотъ предпочитаетъ искать обогащенія въ войнѣ, вмѣсто того, чтобы проводить жизнь дома въ покоѣ и безопасности. Есть и такіе, что самый вѣрный путь къ обогащенію видятъ въ томъ, чтобы подмазаться къ бездѣтнымъ старичкамъ. Нѣтъ недостатка и въ такихъ, которые стремятся достигнуть той же цѣли,

превратившись въ милыхъ дружковъ богатенькихъ старушекъ. Всего забавнѣе для зрителей-боговъ видѣть, какъ зачастую попадаютъ въ сѣти тѣ, которые ставятъ сѣти другимъ. Но нѣтъ людей глупѣе и гнуснѣе купцовъ! Изъ всѣхъ людскихъ профессій, торговля есть самая гнусная, какъ потому, что имѣетъ своею цѣлью—такую низкую вещь, какъ корысть, такъ и потому, что вершится она при помощи самыхъ гнусныхъ средствъ: обмана, лживой божбы, мошенничества, обвѣшиванья и обмѣриванья. Не смотря на это, купцы имѣютъ глупость считать себя первыми людьми только потому, что пальцы у нихъ унизаны золотыми кольцами. И нѣтъ у нихъ недостатка въ льстецахъ и подлипалахъ, которые всячески льстятъ имъ, даже титулуютъ ихъ „превосходительствами", въ надеждѣ, что и на ихъ долю перепадетъ крупица неправедно нажитыхъ тѣми богатствъ. Индѣ увидишь пиѳагорейцевъ, которымъ до такой степени представляются общими всѣ имущества, что они считаютъ себя законными наслѣдниками всего, что плохо лежитъ. Есть люди, которые богаты лишь въ собственномъ воображеніи, и, грезя сладкими сновидѣніями, считаютъ этого вполнѣ достаточнымъ для своего счастья. Нѣкоторые находятъ удовольствіе казаться богачами на людяхъ, а дома скряжнически голодаютъ. Одинъ торопится поскорѣе просадить все свое имущество; другой, наоборотъ, стремится сколотить себѣ состояніе всякими правдами и неправдами. Одинъ хлопочетъ и мечется, чтобы добиться общественной должности, а другого клещами не вытащишь изъ-за печки. Немало людей,

которые поглощены нескончаемыми тяжбами и наперерывъ другъ передъ другомъ стремятся обогатять на свой счетъ и судью, который тянетъ дѣло, и адвоката, который подъ рукой ему помогаетъ: судебная волокита, вѣдь, имъ обоимъ на руку. У одного на умѣ революціи, у другого грандіозные проекты. Иной идетъ въ Римъ или ко св. Якову, гдѣ ему въ сущности дѣлать нечего, оставляя дома жену и дѣтей.

Родъ людской—рой мошекъ.

Вообще, если взглянуть на всѣ эти безчисленныя треволненія смертныхъ съ луны, какъ это сдѣлалъ когда-то Мениппъ, то родъ людской представится въ видѣ роя мошекъ или комаровъ, ссорящихся и воюющихъ между собой, строящихъ другъ другу козни, грабящихъ, играющихъ, дурачащихся, плодящихся, падающихъ, умирающихъ... Трудно себѣ представить, сколько потрясеній, сколько трагедій въ эфемерной жизни этой крохотной твари! Налетитъ ли военная буря, язвы ли смертоносной бѣдой разразятся,—ихъ гибнутъ тысячи!.. Было бы, однако, верхомъ глупости пытаться перечислить по порядку всѣ проявленія людской глупости и сумасбродства.

Учителя грамматики.

Перехожу поэтому къ тѣмъ, которые слывутъ у смертныхъ мудрецами и которые, какъ говорится, держатъ золотую вѣтвь въ рукахъ. Первое мѣсто среди этой категоріи людей занимаютъ учителя грамматики. Вотъ люди, которые были бы самыми злополучными и жалкими, истинными пасынками судьбы, если бы я не скрашивала непригдядность ихъ жалкой профессіи нѣкоторымъ усладительнымъ сумасбродствомъ. Они обречены не пяти проклятіямъ, о

которыхъ говоритъ извѣстная греческая эпиграмма, а цѣлымъ сотнямъ. Вѣчно впроголодь, неумытые непричесаные, грязно одѣтые, сидятъ они въ своихъ школахъ, соединяющихъ въ себѣ прелести толчеи и застѣнка. Убійственный трудъ управляться съ буйной ватагой маленькихъ сорванцовъ; не даромъ же и старятся они прежде времени, глохнутъ отъ вѣчнаго шума и крика и чахнутъ отъ вѣчной вони и грязи, въ которой имъ приходится проводить свою жизнь... Жалкіе люди! скажете вы. Но подите-жъ, самимъ себѣ они кажутся первѣйшими среди смертныхъ—и это по моей милости. Съ какимъ самодовольствомъ нагоняютъ они страхъ на запуганную толпу ребятишекъ своимъ грознымъ видомъ и свирѣпымъ голосомъ; съ какимъ наслажденіемъ угощаютъ они своихъ питомцевъ линейками, розгами, плетками, и свирѣпствуютъ на всѣ лады, точь въ точь этотъ куманскій оселъ [1]). Они настолько довольны собой, что окружающая ихъ грязь кажется имъ изысканною чистотой, амарикійская вонь—благоуханіемъ, собственное рабство — царствомъ, и свою тиранію они не промѣняли бы на власть Фалариса или Діонисія.

Но что въ особенности преисполняетъ блаженствомъ ихъ душу, это—то высокое мнѣніе, которое они имѣютъ о своей учености. Пусть они набиваютъ головы своихъ питомцевъ самой вздорной чепухой, но—Боже мой!—гдѣ тотъ Палемонъ или тотъ — Ихъ ученое самомнѣніе.

[1]) Намекъ на извѣстную басню объ „ослѣ въ львиной шкурѣ“.

Донатъ[1]), на котораго они не смотрѣли бы свысока! И какимъ-то колдовствомъ удается имъ до такой степени обморачивать глупенькихъ маменекъ и придурковатыхъ папенекъ, что послѣднимъ они кажутся тѣмъ, за что себя выдаютъ. Ко всему этому надо прибавить и еще одинъ видъ наслажденія, который составляетъ удѣлъ людей этой категоріи. Посчастливится ли кому изъ нихъ вычитать въ какой-нибудь заплѣсневѣвшей грамотѣ имя матери Анхиза или мало извѣстное слово, въ родѣ bubsequa, bovinator, manticulator,--либо откопать гдѣ-нибудь обломокъ стараго камня съ полустертою надписью Юпитеръ! - какое тутъ ликованье, какой тріумфъ, какіе панегирики! точно человѣкъ Африку покорилъ или завоевалъ Вавилонъ! Иной съ хвастовствомъ показываетъ своимъ поклонникамъ — вѣдь бываютъ такіе и у этихъ господъ!—образцы своего бездарнаго и безтолковаго стихоплетства, совершенно увѣренный, что въ него переселилась душа самого Вергилія.

Ихъ взаимное самовосхваленіе.

Но нѣтъ ничего забавнѣе того, какъ они, расточая другъ другу взаимныя любезности, выхваляютъ одинъ другого, взаимно другъ другомъ восхищаются, нѣжно почесываютъ другъ другу за ушами... Зато случись кому другому сдѣлать какую-нибудь пустячную ошибку въ одномъ словечкѣ въ присутствіи одного изъ этого рода аристарховъ—Боже мой! —какая громоносная, какая безпощадная критика! Я вамъ приведу одинъ случай, и да обрушится на

[1]) Имена двухъ знаменитыхъ въ свое время грамматиковъ.

меня гнѣвъ всѣхъ грамматиковъ на свѣтѣ, если я что-либо прибавляю отъ себя. Есть у меня одинъ знакомый, ученѣйшій энциклопедистъ: онъ и эллинистъ, и латинистъ, и математикъ, и философъ, и медикъ—и все это не какъ-нибудь. Ему уже подъ 60 лѣтъ. И вотъ этотъ ученѣйшій мужъ, оставивъ всѣ свои прочіе научные интересы, уже болѣе 20 лѣтъ корпитъ надъ грамматикой; его мечта, это—дожить до той минуты, когда наконецъ онъ дойдетъ до точнаго рѣшенія вопроса о способѣ безошибочнаго различенія всѣхъ частей рѣчи, – вопросъ, котораго не удалось до сихъ поръ вполнѣ удовлетворительно разрѣшить ни одному эллинисту или латинисту. Точно, въ самомъ дѣлѣ, стоитъ подымать войну изъ-за того, что кто-нибудь приметъ иной разъ союзъ за нарѣчіе!.. И такъ какъ, благодаря этому обстоятельству, существуетъ столько грамматикъ, сколько грамматиковъ, и даже болѣе – напримѣръ, одинъ лишь мой Альдъ издалъ болѣе пяти грамматикъ –, то мой ученый старикъ считаетъ своимъ долгомъ не пропустить ни одной, хотя бы самой невѣжественной и нелѣпой грамматики, безъ того, чтобы не подвергнуть ее самому тщательному изученію и самому кропотливому разбору. Его мучитъ при этомъ безпокойная подозрительность ко всякому: а вдругъ кто-нибудь другой работаетъ надъ тѣмъ же вопросомъ! И вотъ его гнететъ страхъ, что кто-нибудь предвосхититъ его славу, и трудъ столькихъ лѣтъ будетъ потерянъ безвозвратно... Образчикъ ученаго грамматика.

Назовите это сумасбродствомъ или глупостью – я не придаю значенія различію въ словахъ: для ме- Эффектъ производимый Глупостью.

ня достаточно, если вы признаете тотъ фактъ, что жалчайшая изъ тварей моею милостію возносится на такую высоту благополучія, что не пожелала бы помѣняться своею участью съ самимъ царемъ персидскимъ.

Поэты. Менѣе обязаны мнѣ поэты, хотя, въ силу своей профессіи, они принадлежатъ также къ моей компаніи. Вѣдь, все занятіе этихъ господъ состоитъ въ томъ, чтобы ласкать уши глупцовъ всевозможной чепухой да вздорными побасенками. Любопытно, однако, что отъ подобныхъ побасенокъ они не только себѣ самимъ сулятъ безсмертіе и чуть что не равную съ богами славу, но еще и другихъ обѣщаютъ обезсмертить. Близкіе въ особенности съ Филавтіей (самомнѣніемъ) и Колакіей (лестью), эти господа принадлежатъ къ числу наиболѣе искреннихъ и постоянныхъ моихъ поклонниковъ.

Учителя краснорѣчія. Далѣе, что касается учителей краснорѣчія, то, хотя они и фальшивятъ малую толику, заигрывая съ философами, но это не мѣшаетъ имъ принадлежать точно также къ нашей компаніи. И лучшее тому доказательство—оставляя въ сторонѣ множество другихъ менѣе важныхъ—въ томъ, что, кромѣ прочаго вздора, ими столь много было писано о томъ какъ слѣдуетъ шутить. Не даромъ авторъ посланія къ Гереннію „объ искусствѣ“ какъ онъ называется, это не важно - говоритъ о глупости, какъ объ одномъ изъ видовъ шутки. Можно также указать на такой первостепенный авторитетъ въ области краснорѣчія, какъ Квинтиліанъ: смѣху онъ посвящаетъ цѣлую главу и даже болѣе обширную, чѣмъ глава объ Илі-

адѣ. Глупость стоитъ столь высоко во мнѣніи всѣхъ профессіональныхъ ораторовъ, что они охотно прибѣгаютъ къ помощи смѣха тамъ, гдѣ не могутъ помочь дѣлу никакими аргументами. Возбуждать же хохотъ смѣшными словами, это есть своего рода искусство, составляющее одну изъ спеціальностей Глупости.

Изъ того же тѣста сдѣланы и тѣ господа, что думаютъ создать себѣ безсмертную славу писательствомъ. Всѣ они очень многимъ мнѣ обязаны, въ особенности же тѣ, что наполняютъ свои книги всякой вздорной чепухой. Кто пишетъ ученое сочиненіе для ограниченнаго числа ученыхъ и не боится самыхъ строгихъ судей, въ родѣ Персія или Лелія, такой авторъ кажется мнѣ болѣе достойнымъ жалости, чѣмъ зависти. Стоитъ лишь посмотрѣть какъ онъ мучится надъ своимъ сочиненіемъ: онъ то прибавитъ, то измѣнитъ, то вычеркнетъ, то переставитъ, то повторитъ, то передѣлаетъ сызнова, покажетъ потомъ своимъ знакомымъ, наконецъ, лѣтъ черезъ десять предастъ свой трудъ тисненію, оставаясь все-таки недоволенъ своимъ произведеніемъ. И что же въ концѣ концовъ покупаетъ онъ цѣною столькихъ трудовъ, столькихъ безсонныхъ ночей, столькихъ пытокъ и самоистязаній? Похвалу двухъ-трехъ авторитетныхъ цѣнителей —вотъ и вся награда! Прибавьте къ этому разстроенное здоровье, исхудалое, выцвѣтшее лицо, близорукость, а то и слѣпоту, бѣдность, завистничество, воздержаніе отъ всякихъ удовольствій, преждевременную старость, безвременную смерть, и т. д. и т. д. И этотъ мудрецъ считаетъ себя вполнѣ вознагражден-

Писатели

нымъ за всѣ эти бѣды, если найдутся у него одинъ или два такихъ же, какъ и самъ онъ, подслѣповатыхъ читателя... За-то посмотрите на писателя изъ моихъ! Насколько онъ счастливѣе въ своей недалекости. Станетъ онъ вамъ корпѣть! Первое, что взбрело на умъ или попало подъ перо—будь то хотя бы его собственный бредъ—все это, безъ дальнѣйшихъ разсужденій, спѣшитъ онъ опубликовать во всеобщее свѣдѣніе, при чемъ это ему ничего не стоитъ, если не считать бумаги. Онъ прекрасно знаетъ, что чѣмъ вздорнѣе напечатанная чепуха, тѣмъ больше найдетъ она себѣ читателей и поклонниковъ, потому что всѣ глупцы и невѣжды будутъ въ этомъ числѣ. Эка бѣда, если два-три ученыхъ—предполагая, что найдутся такіе въ числѣ читателей—отнесутся съ презрѣніемъ къ его книгѣ! Что будутъ значить два-три голоса умныхъ людей въ этой многоголовой и многоголосой толпѣ? Еще умнѣе поступаютъ тѣ, что выдаютъ за свои чужія сочиненія, присвоивая такимъ образомъ себѣ славу, созданную чужими трудами, въ томъ вѣрномъ разсчетѣ, что если даже въ концѣ концовъ и уличатъ ихъ въ плагіатѣ, то все же хотя нѣкоторое время имъ удастся попользоваться своею ловкою операціей. Стоитъ посмотрѣть на ихъ самодовольныя физіономіи, когда имъ расточаютъ въ обществѣ похвалы, или когда въ публикѣ показываютъ на нихъ пальцемъ: „смотрите-дескать, это такой-то извѣстный писатель!“—когда ихъ краденое сочиненіе выставлено на видномъ мѣстѣ въ книжныхъ магазинахъ.

Но всего восхитительнѣе, когда эти господа на-

чинают взаимно восхвалять другъ друга—глупцы глупцовъ, невѣжды невѣждъ—въ посланіяхъ, гимнахъ, панегирикахъ. Приговоромъ того этотъ возведенъ на степень Алкея, тотъ — приговоромъ этого превращенъ въ Каллимаха; тотъ превознесенъ этимъ превыше Цицерона, этотъ ставитъ того выше Платона. Не рѣдкость, что иной изъ такихъ господъ старается найти себѣ конкуррента, для того, чтобы соревнованіемъ увеличить свою славу. Тутъ „раздѣляется на два лагеря толпа, въ ожиданіи исхода единоборства“ [1]), пока оба бойца не выходятъ съ тріумфомъ, какъ побѣдители. Смѣются надъ этимъ мудрецы, какъ надъ величайшею глупостью. Оно и глупо, въ самомъ дѣлѣ,—кто-жъ будетъ противъ этого спорить? Но что въ томъ, если, по моей милости, они пріятно проводятъ жизнь и своими тріумфами не помѣняются со Сципіонами?... Да, вѣдь, правду сказать, и тѣ самые ученые, которые съ такимъ самодовольствомъ подсмѣиваются надъ чужой глупостью, плодами которой они, однако, сами пользуются, —вѣдь, и они—говорю я—не мало сами обязаны мнѣ. Они не могутъ отрицать этого, если только у нихъ есть хоть крупица благодарности.

Правовѣды.

На первое мѣсто въ ряду ученыхъ заявляютъ притязаніе правовѣды. Правда, ихъ профессія нѣсколько напоминаетъ Сизифову работу: результатъ ихъ работы тотъ же, т. е. равняется нулю. Трудно, однако, представить себѣ человѣка болѣе самодовольнаго, чѣмъ законовѣдъ, когда ему удается про-

---

[1]) Слова, взятыя изъ Энеиды.

цитировать залпомъ шестьсотъ законовъ — нужды нѣтъ, что они не относятся къ дѣлу. Нагромождая глоссы на глоссы, толкованія на толкованія, они дѣлаютъ правовѣдѣніе одною изъ труднѣйшихъ наукъ; и они лишь гордятся этимъ, такъ какъ то, что трудно и кропотливо, то, по ихъ мнѣнію, и достойно хвалы и славы.

Діалектики и софисты. Рядомъ съ ними слѣдуетъ поставить діалектиковъ и софистовъ. Эти господа говорливѣе мѣди додонской [1]); каждый изъ нихъ въ отдѣльности въ состояніи состязаться въ болтливости съ двома десятками бабъ. Для ихъ счастья было бы, однако, куда лучше, если бы они были только болтливы, и не были бы къ тому же дотого сварливы, чтобы объявлять другъ другу войну не на животъ, а на смерть изъ-за козлиной шерсти [2]) и въ жару полемики сплошь да рядомъ упускать изъ вида истину. Тѣмъ не менѣе, собственное ихъ самомнѣніе дѣлаетъ ихъ вполнѣ счастливыми. Съ какимъ самодовольствомъ, съ какой самонадѣянностью готовы они, заучивши три силлогизма, вступить каждую минуту въ словесный бой съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно. Благодаря своему упрямству, они непобѣдимы, ихъ не перекричать и Стентору [3]).

[1]) При храмѣ Зевса въ Додонѣ (Эпирѣ) были два столба одинаковой вышины, вблизи другъ отъ друга. На одномъ стояла статуя мальчика съ желѣзнымъ кнутомъ, на другомъ мѣдная чаша, о которую, при каждомъ дуновеніи вѣтра, ударялъ кнутъ. Звонъ „додонской мѣди", такимъ образомъ, почти никогда не прекращался.

[2]) См. примѣчаніе выше.

[3]) Имя одного изъ грековъ, участвовавшихъ въ троянской войнѣ. Онъ отличался необыкновенно зычнымъ голосомъ.

За ними слѣдуютъ философы. Длинная борода и широкій плащъ придаютъ имъ почтенный видъ. Они считаютъ мудрость своимъ исключительнымъ достояніемъ, между тѣмъ какъ прочіе смертные, по ихъ мнѣнію, блуждаютъ, какъ тѣни во маракѣ подземнаго царства. Счастливое самообольщеніе! Что такое представляютъ собою, на повѣрку, эти мнящіе себя мудрецами? Полупомѣшанныхъ — не болѣе! Стоитъ только прислушаться къ ихъ рѣчамъ, когда они воздвигаютъ безчисленные міры, вычисляютъ размѣры солнца, луны, звѣздъ и орбитъ, и съ такою увѣренностью, точно они ихъ измѣрили при помощи указательнаго пальца или шнурка. Они объяснятъ вамъ причины молніи, вѣтровъ, затменій и прочихъ необъяснимыхъ явленій; они дѣлаютъ это съ такою увѣренностью, точно они были посвящены въ тайны зиждительницы вещей природы и явились къ намъ прямо изъ совѣта боговъ. Только природа-то величественно подсмѣивается надъ ихъ догадками. Въ сущности, вѣдь, нѣтъ въ ихъ мнимыхъ знаніяхъ ничего достовѣрнаго; и лучшее тому доказательство — это ихъ постоянныя и нескончаемыя взаимныя препирательства о тѣхъ самыхъ вещахъ, на званіе которыхъ они претендуютъ. Ничего въ сущности не зная, они однако, выдаютъ себя за обладателей всякаго знанія. Они даже сами-то себя плохо знаютъ, часто не замѣчаютъ, по своей близорукости, либо по разсѣянности, ни ямы, ни камня подъ ногами, а въ то же время увѣрятъ, что они созерцаютъ идеи, универсалы, формы отдѣльно отъ вещей, первичную матерію, субстанцію, то-есть вещи дотого тонкія и неуло-

Философы.

вимыя, что врядъ ли бы и самъ Линкей ихъ могъ замѣтить. А съ какимъ презрѣніемъ смотрятъ они на непосвященную толпу, когда имъ представится случай пустить пыль въ глаза мало свѣдущимъ людямъ своими треугольниками, четыреугольниками, кругами и прочими математическими чертежами, которые они нагромождаютъ одни надъ другими, въ видѣ замысловатаго лабиринта, располагая сбоку симметрическими рядами буквы.

Астрологи. Есть среди этихъ господъ и такіе, что предсказываютъ будущее по звѣздамъ и сулятъ самыя что ни на есть волшебныя чудеса. И везетъ же этимъ господамъ: находятся, вѣдь, люди, которые имъ вѣрятъ!...

Богословы. Что касается богослововъ, то лучше, быть можетъ, было бы пройти ихъ молчаніемъ, „не трогать этого вонючаго болота“, какъ говорятъ греки, — не прикасаться къ этому ядовитому растенію. Вѣдь, это такой хмурый и сварливый народъ, что, чего добраго, они толпой обрушатся на меня со своими шестью стами „заключеній“, чтобы заставить меня взять мои слова обратно, а въ случаѣ отказа съ моей стороны, чего добраго, объявить меня еретикомъ: вѣдь, это ихъ обычный пріемъ — запугивать обвиненіемъ въ ереси тѣхъ, кто успѣлъ снискать себѣ ихъ неблаговоленіе. Хотя богословы всего менѣе склонны признавать мое благотворное на нихъ вліяніе, но въ дѣйствительности они также многимъ мнѣ обязаны. Счастливые благодаря моей вѣрной спутницѣ Филавтіи, они чувствуютъ себя на третьемъ небѣ и съ высоты своего величія съ презрительнымъ сожалѣніемъ взи-

раютъ на остальныхъ смертныхъ, пресмыкающихся на земной поверхности, на ряду съ безсмысленными животными.

Они оградили себя непроницаемымъ заборомъ изъ магистральныхъ опредѣленій, заключеній, королларіевъ, предложеній—опредѣлительныхъ и вводныхъ; они понадѣлали себѣ столько скрытыхъ тайниковъ и потайныхъ выходовъ, что ихъ и сѣтями Вулкана не изловишь; съ помощью своихъ „различеній“, они выскользнутъ откуда угодно, а своими диковинными словечками они не хуже, чѣмъ тенедосской сѣкирой, разрубятъ всякій узелъ. Съ какимъ авторитетомъ объясняютъ они „собственнымъ умомъ“ дошли!—по какому плану созданъ и устроенъ міръ, черезъ какіе каналы распространилась на потомство язва первороднаго грѣха и т. д. Есть безчисленное множество разныхъ вздорныхъ тонкостей: относительно моментовъ, понятій, отношеній, формальностей, сущностей, субстанцій, однимъ словомъ—такихъ вещей, которыя—обладай ты зрѣніемъ Линкея, который былъ способенъ видѣть въ полной темнотѣ—и то ихъ не увидишь: онѣ просто-на-просто не существуютъ. Прибавьте сюда ихъ такъ называемыя „гномы“, въ сравненіи съ которыми такъ называемые парадоксы стоиковъ могутъ показаться банальными, избитыми истинами. Эти богословскія гномы стóятъ того, чтобы привести здѣсь нѣсколько образчиковъ ихъ. Такъ, одна изъ нихъ гласитъ, что меньше грѣха зарѣзать тысячу человѣкъ, чѣмъ въ воскресенье починить башмакъ бѣдняку; другая гласитъ, что луч-

Схоластическія тонкости

Богословскія гномы.

не допустить гибель всей вселенной, чѣмъ сказать самую пустяковишную ложь. Эти наитончайшія тонкости еще утончаются вслѣдствіе размноженія схоластическихъ направленій. Легче выбраться изъ лабиринта, чѣмъ разобраться въ хитросплетеніяхъ реалистовъ, номиналистовъ, ѳомистовъ, альбертистовъ, оккамистовъ, скотистовъ[1])—я назвала далеко не всѣхъ, а лишь главнѣйшія схоластическія школы. Во всѣхъ нихъ столько учености, столько трудности, что, право, если бы Апостоламъ пришлось вступить въ состязаніе о подобныхъ вещахъ съ нынѣшними богословами, то имъ понадобилась бы помощь иного Духа, чѣмъ тотъ, который древле говорилъ ихъ устами. Ап. Павелъ, правда, далъ на дѣлѣ доказательство своей вѣры, но онъ не сумѣлъ дать магистральнаго опредѣленія вѣры. Вѣра есть говоритъ онъ (Евр. 11, 1), „осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ". Далеко не магистральное опредѣленіе! То же самое относительно христіанской любви, которой былъ такъ преисполненъ этотъ Апостолъ; сдѣланное имъ опредѣленіе христіанской любви въ 13 гл. по-

Схоластическія направленія.

Схоластическая ученость.

[1]) Представляютъ ли собою вещи, означаемыя общими именами, дѣйствительныя реальности, или же простыя абстракціи? Таковъ былъ одинъ изъ вопросовъ, наиболѣе занимавшихъ схоластическую философію. Одни разрѣшали этотъ вопросъ въ смыслѣ первой части дилеммы: universalia sunt realia Это реалисты. Ихъ противники стояли за другое рѣшеніе: universalia sunt nomina. Это—номиналисты.—Ѳомисты—послѣдователи Альберта Великаго. Оккамисты послѣдователи Оккама. Скотисты послѣдователи Дунса Скота.

сланія къ Коринѳянамъ точно также не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ логическаго опредѣленія. Благочестиво совершали Апостолы эвхаристію, но если бы спросить ихъ о terminus a quo и о terminus ad quem, о пресуществленіи, —о томъ, какимъ образомъ тѣло Христово можетъ одновременно находиться въ различныхъ мѣстахъ,—о различіи между тѣломъ Христа на небѣ, на крестѣ и въ таинствѣ эвхаристіи,—въ какой моментъ совершается пресуществленіе, такъ какъ произнесеніе сакраментальныхъ словъ, въ силу которыхъ совершается этотъ актъ, требуетъ извѣстнаго промежутка времени,—если бы говорю я подобные вопросы были предложены Апостоламъ, то врядъ ли, полагаю, сумѣли бы они отвѣтить на нихъ съ такою тонкостью, съ какою даютъ свои опредѣленія и заключенія скотиды[1]. Апостолы знали лично Мать Іисуса, но кто изъ нихъ столь философски выяснилъ, – какъ это дѣлаютъ наши богословы,—какимъ образомъ Она была предохранена отъ первороднаго грѣха? Апостолъ Петръ, собственноручно получившій ключи церкви отъ самаго Христа, врядъ ли, однако, понималъ —во всякомъ случаѣ онъ не могъ бы оцѣнить всей тонкости этого разсужденія,—какимъ образомъ можетъ обладать ключами къ знанію тотъ, кто не обладаетъ самимъ знаніемъ. Апостолы крестили на каждомъ шагу, и однако нигдѣ ни разу не учили они, что

---

[1]) Вмѣсто скотисты. Грецизированная форма скотиды заключаетъ въ себѣ сатирическій каламбуръ: σκοτίζαι отъ—σκότος - мракъ, значитъ „мракобѣсы“, „обскуранты“.

такое формальная причина, что такое причина матеріальная, производящая и конечная причина крещенія, ни разу не обмолвились ни словомъ о его характерѣ—изгладимомъ или неизгладимомъ. Молились они также, но молились духомъ, единственно руководствуясь этимъ евангельскимъ изреченіемъ: „Богъ есть духъ, и молящіеся ему должны молиться въ духѣ и истинѣ". Но имъ, повидимому, не было открыто, что слѣдуетъ не менѣе благоговѣйно чтить, чѣмъ самого Христа, нарисованное углемъ на деревянной доскѣ его изображеніе, если только онъ изображенъ съ двумя выпрямленными перстами, съ необрѣзанными волосами и съ тремя завитками на локонѣ, опускающемся отъ затылка. Впрочемъ могъ ли всему этому научить тотъ, кто не прокорпѣлъ 36 лѣтъ надъ физикой и метафизикой Аристотеля и Скота? Равнымъ образомъ, Апостолы надѣляютъ благодатью, но нигдѣ они не дѣлаютъ различія между благодатью благоданной и благодатью благодательной. Они проповѣдуютъ добрыя дѣла и не различаютъ добраго дѣла дѣйственнаго отъ добраго дѣла дѣемаго. На каждомъ шагу говорятъ они о любви, и не отличаютъ любовь внѣдренную отъ любви пріобрѣтенной и не объясняютъ, представляетъ ли она акциденцію или же субстанцію, есть ли она вещь созданная или же несозданная. Они гнушались грѣха, но я готова умереть, если они смогли дать ученое опредѣленіе того, что такое грѣхъ, какъ это дѣлаютъ скотисты. Я не могу допустить, чтобы Ап. Павелъ,

ученнѣйшій изъ Апостоловъ, рѣшился столько разъ высказаться неодобрительно о всякаго рода спорахъ и словопреніяхъ, если бы былъ посвященъ во всѣ тонкости схоластики; оно и неудивительно, если принять во вниманіе, что всѣ поднимавшіяся въ тѣ времена контроверзы и сны отличались довольно грубоватымъ и простоватымъ характеромъ, по сравненію съ болѣе чѣмъ хризиповскими тонкостями[1]) нынѣшнихъ докторовъ богословія. Надо, впрочемъ, отдать справедливость ихъ необыкновенной снисходительности: встрѣчая въ писаніяхъ Апостоловъ вещи неудовлетворительныя съ точки зрѣнія новѣйшей богословской науки, наши богословы не только воздерживаются отъ того, чтобы осуждать эти неудачныя мѣста апостольскихъ писаній, но стараются дать имъ по возможности приличное истолкованіе. Они считаютъ своимъ долгомъ отдать эту дань уваженія, какъ древности, такъ и авторитету Апостоловъ. Да, наконецъ, и несправедливо было бы требовать отъ Апостоловъ такихъ тонкостей, о которыхъ они сами ничего не слышали отъ своего Учителя. Встрѣтя подобныя же неудовлетворительныя мѣста въ писаніяхъ Отцовъ Церкви, какъ Златоустъ, Василій Великій, Іеронимъ, наши богословы довольствуются лишь помѣтой на поляхъ: „это не признается".

И все-таки этимъ Отцамъ Церкви удавалось опровергать языческихъ философовъ и іудеевъ, не смотря на врожденное упрямство послѣднихъ,—но

---

[1]) Хризиппъ философъ-стоикъ III в. до Р. Х., отличавшійся остроуміемъ и діалектическою находчивостью.

достигали они этого результата болѣе примѣромъ своей жизни и чудесами, чѣмъ силлогизмами; при помощи послѣднихъ, врядъ ли, впрочемъ, можно было бы добиться какого толку отъ людей, изъ которыхъ едва ли кто въ состояніи былъ бы постигнуть умомъ хотя бы одно Quodlibetum Скота [1]). Теперь—совсѣмъ другое дѣло. Какой язычникъ, какой еретикъ устоитъ противъ столькихъ тонкостей? Надо быть круглымъ невѣждой, совершеннымъ неучемъ, чтобы не сдаться на нихъ; надо быть мѣднолобымъ наглецомъ, чтобы смѣяться надъ ними, либо, наконецъ,—быть вооруженнымъ настолько, чтобы отважиться на единоборство. По-моему, право, умно бы сдѣлали христіане, если бы, вмѣсто этихъ многочисленныхъ войскъ, что бьются съ перемѣннымъ успѣхомъ противъ турокъ и сарацинъ, если бы, говорю я, вмѣсто нихъ христіане выслали противъ этихъ враговъ Христа своихъ горластыхъ скотистовъ, тугоносыхъ оккамистовъ и непобѣдимыхъ альбертистовъ вмѣстѣ со всѣмъ воинствомъ софистовъ,—то-то было бы любо посмотрѣть!.. Это, вѣдь, была бы въ своемъ родѣ первая въ лѣтописяхъ исторіи битва и беспримѣрное воинское дѣяніе... Кто настолько холоденъ, чтобы не воспламениться подъ впечатлѣніемъ всѣхъ ученыхъ тонкостей? Кто настолько тупъ, чтобы не почувствовать всей глубины ихъ остроумія? Кто настолько зорокъ, чтобы не замѣтить напущеннаго ими тумана?

---

[1]) Названіе одного изъ сочиненій средневѣковаго богослова-схоластика, Дунса Скота, имя котораго уже неоднократно упоминалось.

Но, быть можетъ, вамъ кажется, что я говорю все это шутки ради? Я это вполнѣ понимаю. Дѣйствительно, надо признать, что среди самихъ богослововъ есть люди настолько образованные [1]), что имъ претитъ отъ всѣхъ этихъ вздорныхъ, по ихъ мнѣнію, хитросплетеній богословской схоластики. Есть, далѣе, такіе, которые рѣшительно осуждаютъ, какъ верхъ нечестія, это самоувѣренное разглагольствованіе съ неумытымъ ртомъ о столь сокровенныхъ вещахъ,—о такихъ вещахъ, которыя слѣдуетъ болѣе чтить, чѣмъ искать объяснить,—всѣ эти препирательства о нихъ при помощи профанныхъ діалектическихъ пріемовъ, выдуманныхъ язычниками, съ разнаго рода притязательными опредѣленіями: не значитъ ли это—профанировать величіе божественнаго богословія холодными и пошлыми словами и разсужденіями?

Все, это однако, нисколько не мѣшаетъ нашимъ самодовольнымъ богословамъ восхищаться самими собой и рукоплескать себѣ. Они до такой степени поглощены своимъ усладительнымъ вздоромъ, что, проводя за нимъ и дни и ночи, они не находятъ уже ни минуты времени для того, чтобы хоть разъ перелистовать Евангеліе или посланія Ап. Павла. Но занимаясь своимъ ученымъ вздоромъ, они вполнѣ увѣрены, что на ихъ силлогизмахъ такъ же держится вселенская Церковь, какъ небо—на плечахъ Атласа, и что безъ нихъ Церковь не продержалась бы и минуты.

Самомнѣніе богослововъ-схоластиковъ.

[1]) Разумѣются ученые богословы-гуманисты, какимъ былъ и самъ Эразмъ.

Богословы и св. Писаніе.

А это, думаете вы, малое счастье—лѣпить изъ Священнаго Писанія, какъ изъ воска, какія угодно фигуры? А это также одно изъ постоянныхъ занятій нашихъ ученыхъ богослововъ. Для своихъ заключеній, за подписью нѣсколькихъ схоластиковъ, они претендуютъ на одинаковый авторитетъ, съ законами Солона и на большій авторитетъ чѣмъ папскіе декреты!

Ихъ притязательность.

Въ качествѣ цензоровъ вселенной, они тянутъ къ отвѣту всякаго, чьи мнѣнія хоть на іоту расходятся съ ихъ „заключеніями",—и изрекаютъ тономъ оракула: „это положеніе неблагочестиво", „это—непочтительно", „это - отзывается ересью", „это—нехорошо звучитъ", и т. п. Словомъ, ни крещеніе, ни Евангеліе, ни Ап. Павелъ или Петръ, ни Св. Іеронимъ или Августинъ, ни даже самъ Ѳома „Аристотелѣйшій" не въ состояніи сдѣлать человѣка христіаниномъ, если только не выскажутся въ его пользу гг. баккалавры богословія: ихъ ученость безусловно необходима для сужденія о столь тонкихъ вещахъ. Кто бы могъ предугадать, если бы только эти умныя головы не открыли намъ этого—что не христіанинъ тотъ, кто будетъ утверждать, что одинаково правильно сказать: matula putes и matula putet, ollae fervere и ollam fervere[1]). Кто освободилъ бы церковь отъ столькихъ грубыхъ заблужденій, которыхъ пожалуй, и не прочелъ бы никто, если бы они не были отмѣчены особымъ штемпелемъ?

---

[1]) Оба выраженія безразличны по существу, что не помѣшало, однако, оксфордскимъ богословамъ осудить одно изъ нихъ; на это и намекаетъ насмѣшливо Эразмъ.

Но скажите, развѣ не на верху благополучія чувствуютъ себя занятые всѣмъ этимъ господа? Развѣ малое счастье для нихъ описывать жизнь преисподней съ такою точностью и съ такими мельчайшими подробностями, какъ будто они провели тамъ многіе годы? А—фабриковать по произволу новые міры, въ томъ числѣ одинъ обширнѣйшій и прекраснѣйшій? Нужно, вѣдь, чтобы было гдѣ блаженнымъ душамъ разгуляться на просторѣ и попировать въ приличной обстановкѣ, а при случаѣ и въ мячъ поиграть... Отъ всего этого и тому подобной вздорной чепухи головы этихъ господъ дотого роспирло, что врядъ ли у самаго Юпитера до такой степени распирало черепъ въ тотъ моментъ, когда онъ готовился разрѣшиться отъ бремени Палладой и взывалъ къ Вулкану о помощи[1]). Не удивляйтесь поэтому, если они являются на публичные диспуты съ обмотанною столькими повязками головой: иначе черепъ могъ бы не выдержать внутренняго давленія. Сама я подъ часъ не въ силахъ удержаться отъ смѣха, глядя на самодовольныя физіономіи этихъ господъ, которые воображаютъ себя тѣмъ болѣе замѣчательными богословами, чѣмъ болѣе варварски и неуклюже выражаются. Говоря, они до такой степени заикаются, что только заика развѣ и пойметъ у нихъ что-нибудь. Впрочемъ, если ихъ не понимаютъ, они не только не смущаются этимъ, но даже гордятся,

Благополучіе богослововъ.

Диспуты

Языкъ богослововъ.

---

[1]) По одному изъ греческихъ миѳовъ, Паллада Аѳина вышла во всеоружіи изъ головы Зевса (Юпитера), послѣ того, какъ Гефестъ (Вулканъ) разсѣкъ ему черепъ.

приписывая это необыкновенному глубокомыслію своихъ рѣчей. Стараться выражаться просто и толково, это, по ихъ мнѣнію, значило бы унижать достоинство богословской науки. Подивимся величію богослововъ! Имъ однимъ предоставляется привилегія коверкать языкъ, хотя, правда, привилегію эту они раздѣляютъ со всѣми сапожниками. Слыша со всѣхъ сторонъ по своему адресу почтительное обращеніе: „Magister noster“,—они воображаютъ себя чуть что не равными богамъ по своему достоинству. Въ этомъ своемъ титулѣ они думаютъ найти нѣчто, находящееся въ іудейской тетраграммѣ[1]). Они утверждаютъ поэтому, что титулъ MAGISTER NOSTER слѣдуетъ писать всегда прописными буквами. Боже сохрани также сказать навыворотъ Noster magister,—это было бы равносильно оскорбленію ихъ богословскаго величества...

Magistri nostri.

Монахи

Къ богословамъ всего ближе стоятъ, по своему благополучію, такъ называемые религіозы или монахи, хотя оба эти наименованія одинаково мало подходятъ къ нимъ: большинство ихъ имѣютъ очень мало общаго съ религіей; съ другой стороны, нѣтъ людей, которые бы чаще встрѣчались на всѣхъ улицахъ и перекресткахъ[2]). Что за несчастный народъ были бы монахи безъ моей помощи! Они служатъ предметомъ такой всеобщей антипатіи, что даже встрѣ-

[1]) Еврейское „четырехбуквіе“, то-есть слово состоящее изъ четырехъ буквъ и составляющее одинъ изъ десяти эпитетовъ Бога; его можно передать словомъ „невыразимый“.

[2]) Наперекоръ своему названію монаховъ, то-есть „отшельниковъ“.

титься съ монахомъ считается дурною примѣтой. Но за-то, по моей милости, какого они высокаго мнѣнія о себѣ! Начать съ того, что благочестіе они считаютъ своимъ исключительнымъ удѣломъ; высшее же благочестіе они полагаютъ въ возможно полномъ невѣжествѣ: не умѣть даже читать, это въ ихъ глазахъ идеалъ благочестія. Читая ослинымъ голосомъ свои псалмы, безъ всякаго выраженія и пониманія, они воображаютъ, что доставляютъ величайшее наслажденіе слуху Святыхъ. Иные изъ нихъ бахвалятся своей неопрятностью и нищенскою жизнью. Съ дикимъ завываньемъ выпрашиваютъ они у дверей милостыню. Назойливою толпой наполняютъ они постоялые дворы, публичные экипажи, суда, къ немалому ущербу для настоящихъ нищихъ. Своею нечистоплотностью, невѣжествомъ, грубостью, безцеремонностью эти милые люди хотятъ, какъ они сами утверждаютъ, представить намъ собою живой образъ Апостоловъ. Забавно видѣть, какъ все у нихъ предусмотрѣно, предписано, разсчитано съ математическою точностью, не допускающей ни малѣйшаго отступленія: сколько должно быть узловъ на башмакѣ, какого цвѣта перевязь, какой окраски должна быть одежда, изъ какой матеріи, и какой ширины поясъ, какого фасона и какихъ размѣровъ капюшонъ, сколько пальцевъ въ діаметрѣ должна имѣть тонзура, сколько часовъ надо спать, и т. д. Насколько, однако, неудобно подобное однообразіе, при безконечномъ разнообразіи тѣлесныхъ и духовныхъ особенностей людей,—это слишкомъ очевидно. И однако, этими-то вотъ, именно, пустяками они всего болѣе и дорожатъ;

и не только кичатся ими передъ мірянами, но и другъ друга изъ-за нихъ презираютъ. Эти люди, исповѣдующіе и проповѣдующіе апостольскую любовь и милость, готовы душить другъ друга за горло изъ-за того, что поясъ, напримѣръ, не такъ опоясанъ, или что одежда нѣсколько болѣе темнаго цвѣта, чѣмъ предписано. Есть между ними дотого строгіе въ своемъ благочестіи, что сверху одѣваютъ шерстяное, а на тѣло надѣваютъ полотняное; другіе, наоборотъ, сверху носятъ полотно, а подъ нимъ—шерсть. Есть и такіе, что боятся дотронуться до денегъ, какъ до яда, за то не прочь выпить или побаловаться съ женщинами. Наконецъ, всего болѣе озабочены они тѣмъ, чтобы во всемъ отличаться отъ мірянъ. Вообще же они стараются не столько о томъ, чтобы походить на Христа, сколько о томъ, чтобы другъ на друга не походить. Вотъ почему такое наслажденіе доставляютъ имъ ихъ орденскія клички. Одни съ гордостью называютъ себя вервеносцами; но вервеносцы, въ свою очередь, раздѣляются на такъ называемыхъ колетовъ, миноровъ, минимовъ, буллистовъ. За вервеносцами идутъ Бенедиктинцы, Бернардинцы, Бригиттинцы, Августинцы, Вильгельмиты, Якобиты — точно недостаточно имъ имени христіанъ!...

Большинство ихъ придаютъ такое значеніе исполненію своихъ обрядовъ и уставовъ, что и царство небесное считаютъ не вполнѣ достаточной для себя наградой. Имъ и въ голову не приходитъ, что Христосъ, чего добраго, не обратитъ на все это никакого вниманія, а потребуетъ лишь отчета въ исполне-

Монахи предъ судомъ Христа.

нія единственной своей заповѣди — любви къ ближнему. Между тѣмъ, съ чѣмъ предстанутъ передъ Христомъ эти люди въ день послѣдняго суда? Одинъ покажетъ ему свою брюшину, растянутую рыбою всѣхъ сортовъ и видовъ: другой вывалитъ сотню пудовъ псалмовъ; третій начнетъ перечислять миріады постовъ и сошлется при этомъ на свой желудокъ, сколько разъ рисковавшій лопнуть отъ розговѣнья послѣ каждаго поста; четвертый вывалитъ такую кучу обрядовъ, что ими можно было бы нагрузить семь купеческихъ судовъ; пятый будетъ бахвалиться, что въ теченіе 60 лѣтъ ни разу не прикоснулся къ деньгамъ иначе, какъ надѣвъ предварительно на руку двойную перчатку; шестой принесетъ свой плащъ, дотого пропитанный грязью и потомъ, что послѣдній бурлакъ не захотѣлъ бы надѣть его; седьмой сошлется на то, что онъ 60 лѣтъ прожилъ, какъ губка, не двинувшись съ мѣста; восьмой принесетъ съ собой хрипоту, пріобрѣтенную усерднымъ пѣснопѣніемъ; девятый — нажитую въ одиночествѣ спячку; десятый — оцѣпенѣвшій отъ продолжительнаго молчанія языкъ. А какъ прерветъ Христосъ этотъ безконечный потокъ бахвальства, да какъ скажетъ: „Откуда этотъ новый родъ іудеевъ? Единственный законъ признаю я истинно моимъ, но о немъ-то я до сихъ поръ ни слова не слышу! А, вѣдь, открыто, безъ всякой аллегоріи или притчи, обѣщалъ я въ свое время наслѣдіе Отца моего — не капюшонамъ, не молитвословіямъ, не постамъ, но дѣламъ любви. Не хочу я знать людей, которые слишкомъ хорошо знаютъ свои

подвиги. Эти люди, желающіе казаться святѣе меня, могутъ, если угодно, занять небеса Абраксазіевъ [1]), либо прикажутъ выстроить себѣ новое небо тѣмъ, которые свои уставы ставили выше моихъ заповѣдей". Какими глазами, думаете вы, посмотрятъ они другъ на друга, когда выслушаютъ эти грозныя слова, и увидятъ, что отдано предпочтеніе передъ ними бурлакамъ и извозчикамъ?...

Благополучіе монаховъ. Но что имъ въ томъ, когда, брагодаря мнѣ, они вполнѣ счастливы своей надеждой? Хотя они и не принимаютъ прямого участія въ общественныхъ дѣлахъ, никто, однако, не осмѣлится относиться къ нимъ съ пренебреженіемъ, въ особенности къ нищенствующимъ монахамъ, которые держатъ въ своихъ рукахъ всевозможныя тайны всѣхъ и каждаго. Ихъ сила. Тайны эти они свято блюдутъ; правда, если иной разъ подъ пьяную руку явится желаніе позабавитъ другъ друга веселыми анекдотами, то они не прочь и поразсказать кое-что въ пріятельской компаніи, но при этомъ они ограничиваются лишь сущностью дѣла и умалчиваютъ имена. Другое дѣло, если кто на бѣду раздразнитъ этихъ осъ, тогда они сумѣютъ славно отплатить ему при первомъ же случаѣ, опозоривъ его имя въ публичной рѣчи, не называя, правда, по-имени, но намеками давая настолько ясно понять, о комъ идетъ рѣчь, что не пойметъ развѣ тотъ, кто вообще ничего не понимаетъ. И до тѣхъ

---

[1]) Абраксазіями назывались послѣдователи одной греческой секты, которая, между прочимъ, учила о существованіи 365 небесъ.

поръ не перестанутъ они лаять, пока не заткнешь имъ глотку лакомымъ кускомъ.

А когда говорятъ они свои публичныя рѣчи, со всѣми пріемами ораторскаго искусства, самымъ забавнымъ образомъ воспроизводя всѣ ухватки и жесты, о которыхъ говорится въ сочиненіяхъ риторовъ, Боже безсмертный! какъ они тогда ломаются, какъ играютъ своимъ голосомъ, постоянно мѣняя интонацію, пуская по временамъ пѣвучія нотки,— какъ рисуются, какъ играютъ своей физіономіей, какъ вскрикиваютъ! Таково это ораторское искусство, которое, какъ какое-нибудь таинство, передаютъ „братья" одинъ другому. Хотя мнѣ и не подобаетъ знать всѣ тайны этого искусства, однако я попытаюсь очертить его въ главныхъ линіяхъ, частью по собственнымъ наблюденіямъ, частью по догадкамъ. Ораторъ начинаетъ обыкновенно воззваніемъ — пріемъ, который эти ораторы заимствовали у поэтовъ. Затѣмъ, собираясь говорить о христіанской любви, онъ начинаетъ вступленіемъ о Нилѣ, рѣкѣ египетской; или предполагая излагать тайну креста, очень удачно начинаетъ свою рѣчь съ Бэла, дракона Вавилонскаго. Посвящена ли бесѣда посту?—ораторъ начинаетъ сначала говорить о двѣнадцати знакахъ зодіака. Идетъ ли рѣчь о вѣрѣ? — предварительно ораторъ толкуетъ болѣе или менѣе обстоятельно о квадратурѣ круга. Самой мнѣ какъ-то довелось слышать одного отмѣннаго глупца— то бишь ученаго —, который, собираясь передъ многолюдной и избранной аудиторіей говорить о тайнѣ Божественнаго Тріединства и желая блеснуть своею необыкновенною ученостью, а вмѣстѣ съ тѣмъ по-

Монашеское краснорѣчіе.

Ученый проповѣдникъ.

нравиться и ученымъ богословамъ, прибѣгъ къ слѣдующему оригинальному пріему. Онъ началъ съ азбуки, перешелъ къ словамъ, потомъ къ частямъ рѣчи, затѣмъ повелъ рѣчь о согласованіи именъ и глаголовъ, существительнаго и прилагательнаго. Многіе изъ слушателей начинали недоумѣвать и бормотали уже себѣ подъ носъ горацієвскій стихъ: „Къ чему клонится вся эта чепуха?“ Но вскорѣ дѣло расъяснилось. Оказалось—такъ излагалъ ораторъ—, что элементы азбуки и грамматики содержатъ въ себѣ символическое отображеніе троичности. Никакой математикъ не сумѣлъ бы доказать этого болѣе очевиднымъ образомъ. Замѣтимъ мимоходомъ, что архибогословъ этотъ потѣлъ надъ этой рѣчью цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ и такъ притупилъ свое зрѣніе, что врядъ ли теперь видитъ лучше крота въ норѣ; очевидно, острота ума у него развилась на счетъ остроты зрѣнія. Самъ онъ, впрочемъ, не особенно грустить о своей слѣпотѣ и находитъ, что слава куплена имъ сравнительно недорогою цѣной. Слышала

Другой ораторъ.

я еще одного восьмидесятилѣтняго старика, богослова, дотого ученаго, что можно было подумать—самъ Скотъ въ его лицѣ воскресъ. Желая объяснить тайну имени Іисуса, онъ съ необычайною тонкостью доказалъ, что въ пяти буквахъ, составляющихъ это имя, содержится все, что только можно сказать о Немъ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, имя это имѣетъ лишь три падежа: явное указаніе на божественную троичность. Далѣе, первое падежное окончаніе этого имени есть буква S, второе—буква M и третье—буква U. Въ этомъ заключается неизреченная тайна, а именно:

эти три буквы обозрачают, что Христосъ есть Summus, Medius и Ultimus—Верхъ, Средина и Край. Оставалось разъяснить другую, еще болѣе сокровенную тайну. Для разрѣшенія ея ораторъ прибѣгъ къ математическому методу. Онъ разсуждалъ такъ. Если раздѣлить имя Jesus пополамъ, то одна буква останется въ серединѣ, именно буква S. У евреевъ эта буква называется Syn; но слово Syn пошотландски значитъ грѣхъ. Итакъ ясно, что эта буква означаетъ то, что носитель имени Іисусъ явился въ міръ для того, чтобы уничтожить грѣхъ. Слушая съ напряженнымъ вниманіемъ столь оригинальное вступленіе, слушатели, въ особенности же богословы, пришли въ такой восторгъ, что съ ними едва не приключилось то же, что случилось нѣкогда съ Ніобой; что касается меня, то отъ неудержимаго смѣха со мной чуть не стряслась такая же бѣда, какая приключилась старому грѣховоднику Пріапу, когда онъ вздумалъ посмотрѣть на ночныя священнодѣйствія въ честь Канидіи и Саганы. И было отъ чего! Когда, въ самомъ дѣлѣ, начинали подобнымъ вступленіемъ свои рѣчи этотъ грекъ Демосѳенъ или этотъ латинянинъ Цицеронъ? Они считали негоднымъ вступленіе, не имѣющее никакого отношенія къ предмету рѣчи. Но, вѣдь, подобнымъ же образомъ начинаютъ, когда случится, свою рѣчь и свинопасы—для этого достаточно природнаго здраваго смысла! Наши ученые богословы сочли бы ниже своего достоинства слѣдовать столь вульгарному методу. Они полагаютъ, что, чѣмъ менѣе будетъ имѣть отношенія то, что они называютъ введеніемъ, къ предмету рѣчи, тѣмъ бо-

лѣе будетъ оно удовлетворять требованіямъ реторики: надо такъ ошеломить слушателя, чтобы онъ въ недоумѣнія бормоталъ про себя: „а интересно, куда онъ поворотитъ?.. Послѣ опредѣленія предмета рѣчи и вступленія, ораторъ приступаетъ къ третьей части своей рѣчи: къ изложенію. Здѣсь онъ ограничивается обыкновенно бѣглымъ и поверхностнымъ толкованіемъ какого-нибудь евангельскаго текста,—какъ бы попутно и мимоходомъ, тогда какъ въ этомъ-то и должна бы была заключаться главная суть всей рѣчи. Далѣе, въ четвертый разъ перемѣнивши свою физіономію, ораторъ подиимаетъ какой-нибудь богословскій вопросъ, сплошь да рядомъ „не касающійся ни земли, ни неба“, выражаясь словами греческой пословицы: это точно также, оказывается, входитъ въ число требованій ораторскаго искусства. Тутъ наступаетъ самый патетическій моментъ рѣчи. Приподнявъ свои богословскія брови, ораторъ оглушаетъ уши слушателей цѣлымъ градомъ громкихъ именъ: докторовъ величавыхъ, докторовъ тонкихъ, докторовъ тончайшихъ докторовъ серафимскихъ, докторовъ святыхъ, докторовъ неопровержимыхъ. Тутъ-то пускаетъ онъ пыль въ глаза невѣжественной толпѣ своими большими и меньшими силлогизмами, заключеніями, предположеніями и прочей схоластической галиматьей. Послѣ этого остается еще одинъ, пятый актъ, въ которомъ предстоитъ орато у обнаружить всю свою артистическую виртуозность. Тутъ ораторъ выволакиваетъ на сцену какую-рибудь дурацкую и невѣжественную побасен-

ку, выкопанную либо изъ Историческаго Зерцала, либо изъ Римскихъ дѣяній, и начинаетъ ее толковать сначала аллегорически, потомъ тропологически и наконецъ анагогически. Этимъ заканчивается обыкновенно чудовищное произведеніе,—болѣе чудовищное, чѣмъ та химера, о которой говоритъ Горацій: „Человѣчьей головѣ", и т. д Слыхали они отъ кого-то, что начинать рѣчь надо сдержаннымъ, негромкимъ голосомъ. И вотъ они начинаютъ свою рѣчь такъ тихо, что даже и себя едва ли слышатъ. Стоитъ говорить рѣчь, которую никто не можетъ слышать!... Слыхали они также, что для того, чтобы взволновать слушателей, надо возвышать голосъ. И вотъ, говоря обычнымъ тономъ, они вдругъ возвышаютъ голосъ до какого-то дикаго выкрикиванья, хотя бы это было ни къ селу ни къ городу. Право, подумаешь, что оратору было бы полезно прописать геллеборъ. Они слышали, далѣе, что, по мѣрѣ произнесенія рѣчи, ораторъ долженъ все болѣе и болѣе одушевляться. И вотъ, едва успѣвъ произнести обыкновеннымъ голосомъ нѣсколько первыхъ періодовъ, они вдругъ начинаютъ такъ вскрикивать, если бы даже сюжетъ и требовалъ полнаго хладнокровія, что подъ конецъ рѣчи у нихъ едва хватаетъ духу, и глядя на бѣднаго оратора, невольно боишься за него: вотъ-вотъ упадетъ онъ бездыханный! Наконецъ, вычитали эти господа у риторовъ, что оратору слѣдуетъ время отъ времени вызывать смѣхъ въ слушателяхъ. И вотъ, нашъ ораторъ изъ кожи лѣзетъ, чтобы уснастить свою рѣчь остротами—любезная Афродита! что за милыя остро-

Голосъ, интонація.

ты и какъ кстати, ну совершенно какъ по греческой пословицѣ, „пѣніе осла подъ аккомпанементъ лиры“. Иногда они норовятъ кого-то укусить; но ихъ беззубые укусы скорѣе щекочутъ, чѣмъ ранятъ, и подъ видомъ обличеній, они въ сущности льстятъ слушателямъ. Вообще этого сорта ораторы производятъ впечатлѣніе, что они научились своему искусству у балаганныхъ скомороховъ, хотя до послѣднихъ имъ все-таки далеко. Во всякомъ случаѣ ихъ взаимное сходство между собою настолько велико, что остается предположить, что либо эти учились своей реторикѣ у тѣхъ, либо тѣ у этихъ. Все это, однако, не мѣшаетъ имъ находить—съ моей опять-таки помощью—слушателей, готовыхъ считать ихъ за Демосѳеновъ и Цицероновъ. Аудиторія ихъ состоитъ главнымъ образомъ изъ купечества и бабья. Къ нимъ-то и стараются всего болѣе подольститься наши ораторы. Почему это? Да потому, что первые охотно удѣляютъ монахамъ, которые умѣютъ къ нимъ подъѣхать, изъ своего неправеднаго прибытка; что же касается женщинъ, то для нашихъ господъ есть много основаній относиться благосклонно къ этому сословію; главное же изъ этихъ основаній—то, что передъ кѣмъ же, какъ не передъ монахами, изливать женамъ свои сѣтованія на мужей? Теперь вамъ ясно, полагаю, до какой степени обязанъ мнѣ этотъ родъ людей, что безгранично властвуютъ надъ смертными посредствомъ своихъ мелочныхъ церемоній, вздорныхъ пустяковъ да кривляній, и воображаютъ себя настоящими Павлами и Антоніями. Но пора оставить—дѣлаю это съ искреннимъ удовольствіемъ—этихъ не-

благодарныхъ лицедѣевъ, такъ лицемѣрно замалчивающихъ мои благодѣянія къ нимъ и такъ подло разыгрывающихъ изъ себя святошъ.

Съ удовольствіемъ перехожу къ князьямъ и вельможамъ, которые чтутъ меня по-просту, безъ прикрасъ, съ откровенностью и прямотой, достойною благородныхъ людей. Что, если бы у этихъ людей была хоть капля здраваго смысла? Врядъ ли можно было бы представить себѣ что-либо грустнѣе и злополучнѣе ихъ участи! И врядъ ли пришло бы кому въ голову — цѣною клятвопреступленій и убійствъ добиваться власти, если бы человѣкъ взвѣсилъ предварительно въ умѣ своемъ, какое тяжкое бремя ожидаетъ всякаго, кто претендуетъ на роль князя. Тотъ кто взялъ свои руки бразды правленія, долженъ оставить свои частныя дѣла ради общественныхъ, ни о чемъ другомъ не думать, какъ о государственныхъ интересахъ; не отступать ни на іоту отъ законовъ, которыхъ онъ является и авторомъ и исполнителемъ. Ему надо слѣдить за неподкупностью всѣхъ чиновниковъ и судей. Взоры всѣхъ устремлены на него одного. Онъ можетъ, либо какъ благодѣтельная звѣзда, чистотой своихъ нравовъ оказывать благотворное вліяніе на человѣчество, либо какъ зловѣщая комета, навлечь величайшія бѣды. Если пороки частныхъ людей проходятъ едва замѣченными и оказываютъ мало вліянія на другихъ, то положеніе князя таково, что и малѣйшее уклоненіе съ пути чести и долга отзывается гибельнымъ образомъ на множествѣ людей. Съ другой стороны, тѣ огромныя средства, которыми располагаетъ князь, являются сами по себѣ

Князья и вельможи.

Ихъ тяжелая доля.

источникомъ постоянной опасности для него—уклониться съ праваго пути, и чѣмъ болѣе вокругъ него блеска, роскоши, лести, избытка всякихъ наслажденій, тѣмъ болѣе приходится быть ему насторожѣ, какъ бы не сдѣлать ложнаго шага и не уклониться съ пути долга. А сколько разныхъ интригъ, сколько затаенной ненависти окружаетъ князя, сколько различныхъ опасностей виситъ надъ его головой! Наконецъ, ему предстоитъ рано или поздно предстать передъ Царемъ царей, чтобы дать Ему отчетъ во всѣхъ своихъ поступкахъ, не исключая и самыхъ ничтожныхъ; и тѣмъ съ большею строгостью будетъ у него потребованъ такой отчетъ, чѣмъ обширнѣе была власть, которою онъ располагалъ. Если бы, говорю я, все это и прочее въ этомъ родѣ взвѣсилъ въ своемъ умѣ князь—а онъ не преминулъ бы это сдѣлать при наличности здраваго ума,—то врядъ ли, полагаю, не лишился бы онъ и сна и пищи. Но теперь, по моей милости, князья предоставляютъ всѣ эти заботы богамъ, живутъ беззаботно и чтобы не портить себѣ хорошаго расположенія духа, допускаютъ къ себѣ лишь тѣхъ, кто умѣетъ говорить однѣ пріятныя вещи. Они увѣрены, что честно выполняютъ свой долгъ князя, если цѣлые дни проводятъ на охотѣ, разводятъ породистыхъ жеребцовъ, выгодно продаютъ чины и должности, изобрѣтаютъ ежедневно новые способы выколачивать изъ народа деньги для наполненія своей казны,—послѣднее впрочемъ не иначе, какъ подъ разными благовидными предлогами, такъ чтобы дѣло—будь оно по существу верхомъ несправедливости—было, по крайней мѣрѣ по наруж-

Чѣмъ они обязаны Глупости

ности, справедливымъ. Не забываютъ при этомъ сказать нѣсколько нѣжныхъ словъ по адресу „своего народа", чтобы возбудить въ немъ привязанность къ своей особѣ.

Портретъ германскаго князя.

Теперь вообразите себѣ—такими, вѣдь, иногда они и оказываютъ въ дѣйствительности—человѣка совершенно невѣжественнаго въ законахъ, къ общественнымъ интересамъ не только равнодушнаго, но чуть что не враждебнаго, — поглощеннаго исключительно своими личными выгодами, цѣликомъ отдавшагося удовольствіямъ, ненавистника всякой науки, свободы и правды,—всего менѣе думающаго о благѣ государства и все измѣряющаго своимъ произволомъ и личною выгодою. Надѣньте теперь на этого человѣка [1]) золотую цѣпь—символъ гармоническаго соединенія всѣхъ добродѣтелей, потомъ возложите на него усыпанную драгоцѣнными каменьями корону—видимое напоминаніе о томъ, что ея носитель долженъ быть впереди всѣхъ своимъ геройствомъ и всякими доблестями. Дайте ему также скипетръ—символъ справедливости и душевной прямоты. Одѣньте его, наконецъ, въ порфиру- символъ особой любви къ государству. Если бы теперь князь этотъ вздумалъ сопоставить эти символическіе знаки своего достоинства со своею жизнью, то, право же, думаю, ему бы стало стыдно своего собственнаго одѣянія; онъ не на шутку почувствовалъ бы въ душѣ тре-

[1]) Далѣе идетъ описаніе параднаго костюма германскихъ князей того времени.

вогу, какъ бы какой насмѣшникъ не поднялъ на смѣхъ весь этотъ торжественный уборъ.

Придворные. Нужно ли говорить о придворныхъ? Я не знаю ничего продажнѣе, подлѣе, безсовѣстнѣе и гнуснѣе этихъ тварей, которые, однако, хотятъ, чтобы на нихъ смотрѣли, какъ на первѣйшихъ среди людей. Въ одномъ лишь отношеніи они безусловно скромны: они довольствуются тѣмъ, что украшаютъ свою особу золотомъ, драгоцѣнными каменьями, пурпуромъ и прочими внѣшними знаками добродѣтелей и мудрости, попеченіе же о самихъ этихъ вещахъ великодушно предоставляютъ другимъ. Они съ избыткомъ счастливы тѣмъ, что могутъ запросто разговаривать съ государемъ,—что умѣютъ сказать удачный комплиментъ и кстати ввернуть въ свою рѣчь почтительные титулы свѣтлости, высочества, превосходительства. Ктому же они такъ умѣютъ раздушиться и съ такимъ тактомъ говорить самую изысканную лесть. Вотъ тѣ качества, которыми слѣдуетъ обладать истинному аристократу и придворному. Но присмотритесь ближе къ этимъ господамъ: что это за феаки, что за женихи Пенелопы—окончаніе цитируемаго мною гомеровскаго стиха вамъ лучше подскажетъ эхо. Спитъ нашъ вельможа до полудня. Наемный попъ ожидаетъ его пробужденія, чтобы тутъ же, пока тотъ еще потягивается въ постели, пробормотать утреннюю молитву. Съ постели—къ столу: завтракать. Едва позавтракалъ — обѣдать. Потомъ — игра въ кости, въ шашки, пари, скоморохи, шлюхи, потѣхи, шутовство. Одна или двѣ закуски въ промежуткѣ. А затѣмъ—опять за столъ: ужинъ, за ко-

торымъ слѣдуютъ обильныя возліянія. Въ такой беззаботной и безпечальной жизни проходятъ часы за часами, дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами, годы за годами, вѣка за вѣками. Для меня настоящее наслажденіе — любоваться торжествующимъ самодовольствомъ этихъ людей. Вотъ щеголиха, воображающая себя чуть не богиней только потому, что волочитъ за собой болѣе длинный хвостъ, чѣмъ другія; недуренъ и вонъ тотъ фатъ, работающій обоими локтями, чтобы протискаться впередъ другихъ, поближе къ Юпитеру. Каждый изъ нихъ тѣмъ самодовольнѣе, чѣмъ тяжелѣе у него цѣпь на шеѣ; каждому хочется порисоваться не только своимъ богатствомъ, но и своей тѣлесной силой.

Папы, кардиналы, епископы изо всѣхъ силъ стараются не отстать отъ князей и вельможъ, но по возможности и заткнуть ихъ за поясъ. Духовенство.

Что означаетъ это одѣяніе [1]) изъ бѣлоснѣжнаго полотна? Совершенную невинность и чистоту жизни. Какой скрытый смыслъ заключается въ этой двурогой митрѣ, съ перевязанною узломъ двойной верхушкой? Это есть символическое выраженіе совершеннаго знанія ветхаго и новаго завѣта. Что означаютъ перчатки на рукахъ? Чистоту въ совершеніи таинствъ и неприкосновенность ко всему земному. Что такое этотъ епископскій посохъ? Онъ — символъ бдительнаго попеченія о ввѣренномъ стадѣ. А этотъ крестъ на груди? Это символъ побѣды надъ всѣми плотскими вожделѣніями. Если бы теперь кто-либо

---

1) Далѣе слѣдуютъ подробности епископскаго одѣянія.

изъ этихъ людей позадумался серьезно надъ всѣмъ этимъ, не впалъ ли бы онъ въ тоску и скорбь, и не отравили ли бы душевныя тревоги его существованія?... Къ своему счастью, они, благодаря мнѣ, вовсе не задумываются надъ подобными вещами и живутъ себѣ въ свое удовольствіе. Пасутъ сами себя, заботу же объ овцахъ поручаютъ Христу, либо слагаютъ съ себя на такъ называемыхъ „братьевъ" и викаріевъ. Имъ не приходитъ даже и въ голову, чтобы ихъ должность, какъ указываетъ самое названіе епископъ, возлагала на нихъ какіе-либо труды, заботы или безпокойства. За однимъ только наблюдаютъ они, объ одномъ пекутся и безпокоятся — это объ уловленіи пенязей: тутъ они „смотрятъ въ оба".

Кардиналы. Если бы, въ свою очередь, кардиналы поразмыслили о томъ, что они заступаютъ мѣсто Апостоловъ, и что, слѣдовательно, и жизнью своей должны уподобляться Апостоламъ; если бы, далѣе, подумали они о томъ, что они не собственники духовныхъ даровъ, а лишь ихъ временные управляющіе, отъ которыхъ будетъ рано или поздно потребованъ строгій отчетъ! Наконецъ, просто-на-просто вдумались бы хоть они немножко во внутренній смыслъ внѣшнихъ знаковъ своего достоинства! Не означаетъ ли эта бѣлизна рубашки — высшую степень непорочности? Не есть ли пурпурная мантія—символъ пламенной любви къ Богу? Или, что означаетъ эта необычайная широта мантіи, дотого вмѣстительной, что ея хватило бы одѣть верблюда? Не означаетъ ли она безпредѣльную, всеобъемлющую христіанскую любовь, т. е. живое стремленіе помогать ближнему—поученіемъ, увѣ-

щаніемъ, обличеніемъ, напоминаніемъ, умиротвореніемъ, сопротивленіемъ неправеднымъ князьямъ, даже —пролитіемъ собственной крови за стадо Христово, не говоря уже о матеріальныхъ жертвахъ? Да и къ чему матеріальныя богатства тѣмъ, кто заступаетъ мѣсто неимущихъ Апостоловъ? Если бы, говорю я, серьезно поразмыслили они обо всемъ этомъ сами съ собою, то одно изъ двухъ: либо вовсе не стали бы добиваться такого сана, а обладая имъ, поспѣшили бы отказаться отъ него, либо – въ противномъ случаѣ—стали бы, дѣйствительно, вести жизнь полную трудовъ, заботъ и тревогъ, т. е. такую, какую вели въ свое время Апостолы.

А верховные первосвященники, заступающіе мѣсто самого Христа? Если бы они въ свою очередь, такъ попытались подражать Его жизни, т. е. Его бѣдности, Его трудамъ, Его ученію, Его страданію, Его презрѣнію къ жизни,—да если бы къ тому поразмыслили о значеніи своего титула папы, т. е. отца, и святѣйшаго,—то скажите, что было бы плачевнѣе положенія папы? И кто сталъ бы цѣною всего своего достоянія добиваться этого мѣста? Кто, купивъ его, сталъ бы отстаивать его мечемъ, ядомъ, всякаго рода насиліемъ? Сколькихъ выгодъ лишился бы папскій престолъ, если бы сюда получила доступъ мудрость? Мудрость, сказала я... Что говорю я — мудрость? да хоть бы крупица той соли, о которой говоритъ Христосъ! Что сталось бы тогда со всѣми этими богатствами, со всѣми этими почестями, со всѣмъ этимъ земнымъ владычествомъ, со всѣми этими побѣдами, со всѣми этими чинами, со всѣми эти- Папы.

ми диспенсаціями, поборами, индульгенціями, лошадьми, мулами, тѣлохранителями,—что сталось бы, говорю я, со всѣми этими прелестями? Вмѣсто всего этого явились бы на сцену—бдѣянія, посты, слезы, молитвенныя собранія, церковныя поученія, размышленія, воздыханія и тысячи другихъ подобныхъ непріятностей. А что сталось бы тогда со всею этою массою папскихъ секретарей, писцовъ, нотаріусовъ, адвокатовъ, дѣлопроизводителей, секретарей, мулятниковъ, конюховъ, мѣнялъ, сводниковъ — я хотѣла было прибавить кое-что побукетистѣе, да не хочу оскорблять ушей моихъ слушателей. Однимъ словомъ, всей этой тысячеголовой толпѣ, которая разоряетъ — виновата, оговорилась — которая украшаетъ римскій престолъ, пришлось бы помирать съ голоду. Не говоря уже о томъ, что это было бы крайне негуманно и недостойно, возможно ли, безъ сердечнаго содроганія, допустить, чтобы верховные князья церкви и свѣточи міра были доведены до сумы и посоха? Теперь, наоборотъ, всѣ труды предоставляются Петру и Павлу: у нихъ вѣдь достаточно досуга!... На свою долю папы оставляютъ за-то весь блескъ и всѣ удовольствія. При моей благосклонной помощи, никому такъ вольготно и спокойно не живется на свѣтѣ, какъ именно папамъ. Они увѣрены, что, титулуясь блаженнѣйшими и святѣйшими,—раздавая одной рукой благословенія, другой - проклятія, и разыгрывая въ пышныхъ церемоніяхъ, въ своемъ мистическомъ и почти театральномъ уборѣ, роль епископовъ, они воздаютъ все должное Христу. Творить чудеса?—Какъ это уста-

рѣло, какъ старомодно! Да и не по нынѣшнимъ это временамъ. Поучать народъ?—Черезчуръ тяжелый трудъ! Толковать священное писаніе?—Что за схоластика! Молиться?—Непроизводительная трата времени! Проливать слезы?—Что за бабья сентиментальность! Жить въ бѣдности?—Некомфортабельно! Примириться съ пораженіемъ?—Позорно и недостойно того, кто едва королей допускаетъ лобызать свои блаженныя ноги. Наконецъ, умирать—вещь непріятная, быть распятымъ на крестѣ—вещь позорная. Послѣ всего этого у насъ остается то кроткое оружіе и „благія словеса", о которыхъ говоритъ Ап. Павелъ—на этотъ счетъ куда какъ щедры папы—, т. е. интердикты, временныя и вѣчныя отлученія, анаѳемы, карательныя грамоты, наконецъ эти страшные перуны, посредствомъ которыхъ однимъ своимъ мановеніемъ папы низвергаютъ души смертныхъ глубже самого тартара. Ни на кого однако, не обрушиваютъ болѣе грозныхъ громовъ святѣйшіе во Христѣ отцы и Христовы намѣстники, какъ на тѣхъ, которые, по дьявольскому наущенію, пытаются уменьшить или расхитить вотчину св. Петра. Хотя, по Евангелію, Петръ сказалъ: „Мы все оставили и послѣдовали за Тобой", тѣмъ не менѣе папы называютъ вотчиною Его—поля, города, подати, пошлины, феодальныя повинности. Пылая ревностію по Христѣ, они отстаиваютъ все это огнемъ и мечемъ, не безъ изряднаго пролитія христіанской крови; нанося пораженіе непріятелю, папы убѣждены, что этимъ они апостольски защищаютъ Церковь, невѣсту Христову. Какъ будто могутъ быть у Церкви болѣе опасные враги,

чѣмъ нечестивые первосвященники, которые своимъ систематическимъ молчаніемъ о Христѣ, позволяютъ почти забыть о немъ; они связываютъ его и по рукамъ и по ногамъ своими лихоимными законами, искажаютъ его ученіе натянутыми толкованіями, наконецъ вторично распинаютъ его своею гнусною жизнью. На томъ основаніи, что христіанская Церковь основана кровью, кровью же укрѣплена и кровью увеличена, они и нынѣ орудуютъ мечемъ,—точно погибъ Христосъ, который бы могъ по-своему защитить вѣрныхъ своихъ! Но что такое война? Это—нѣчто до того чудовищное, что она уподобляетъ людей хищнымъ звѣрямъ. Это—нѣчто дотого безумное, что, по представленію поэтовъ, она насылается на людей фуріями; это—нѣчто дотого зловредное, что она оказываетъ самое разлагающее вліяніе на людскіе нравы—и это съ быстротой заразительной язвы; это—нѣчто дотого несправедливое, что лучшими ея выполнителями оказываются обыкновенно отъявленные разбойники; это—нѣчто дотого нечестивое, что не можетъ имѣть ничего общаго со Христомъ. Все это, однако, нисколько не мѣшаетъ папамъ войною-то всего болѣе и заниматься. Тутъ у иного дряхленькаго старичка и юношеская отвага вдругъ является,—никакія издержки его не страшатъ, никакіе труды не утомляютъ; если нужно, онъ не остановится передъ тѣмъ, чтобы перевернуть вверхъ дномъ и религію, и миръ, и всѣ людскія отношенія [1]). И нѣтъ недостатка въ ученыхъ льстецахъ, которые все это сума-

[1]) Намекъ на „папу воина“, Юлія II, современника Эразма.

сбродство называютъ благочестивою ревностью и мужествомъ; они додумались до такой философіи, по которой можно хвататься за мечь и пронзать имъ внутренности своего ближняго и въ то же время оставаться вѣрнымъ этой первой заповѣди Христа о любви къ ближнему!..

Мнѣ не совсѣмъ ясно, съ папъ ли взяли примѣръ, или же, наоборотъ, сами имъ подали примѣръ нѣкоторые германскіе епископы. Они еще болѣе упростили дѣло. Сбросивъ съ себя епископскія облаченія, отложивъ въ сторону епископскія благословенія и прочія церемоніи, живутъ они себѣ настоящими сатрапами и считаютъ позорною для епископскаго сана трусостью—отдавать Богу душу иначе, какъ на полѣ брани. Германскіе епископы.

Что касается священниковъ, то большинство ихъ, считая грѣхомъ отставать въ святости жизни отъ своихъ принципаловъ, чисто по-солдатски отстаиваютъ свои права на десятину—мечами, копьями, пращами и тому подобнымъ оружіемъ. И зорокъ же у нихъ глазъ—вычитывать въ старинныхъ грамотахъ такія вещи, которыми бы можно было напустить страху на безграмотныхъ простолюдиновъ для того, чтобы сорвать съ нихъ больше, чѣмъ тѣ обязаны платить. Что же касается того, что тамъ гдѣ-то написано объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ пасомымъ, то объ этомъ они и знать не хотятъ. Даже выбритая макушка не въ состояніи напомнить имъ о томъ, что долгъ священника—воздерживаться отъ всѣхъ земныхъ страстей и помышлять лишь о небесномъ. Эти милые люди вполнѣ увѣрены, что чест- Священники.

не исполнили свой долгъ, если кое-какъ пробормотали свои молитвы. Клянусь Геркулесомъ, никакъ не могу я взять въ толкъ, какъ это Богъ можетъ слышать или понимать это бормотанье, когда и сами-то они врядъ ли понимаютъ, что мелютъ своимъ языкомъ. Есть у священниковъ одна черта общая съ мірянами, это—ихъ неусыпная бдительность относительно всего, что касается доходовъ; относящіеся сюда законы они прекрасно знаютъ. Но лишь только коснется дѣло исполненія своихъ обязанностей, это не по ихъ части. Свое бремя они предусмотрительно сваливаютъ на чужія плечи, передавая его изъ рукъ въ руки, какъ игральный мячикъ. Подобно тому, какъ свѣтскіе князья передаютъ бремя управленія страной своимъ министрамъ, такъ же точно и князья церкви предоставляютъ—изъ скромности, разумѣется!—дѣла благочестія народу. Народъ же, въ свою очередь, передаетъ ихъ церковнослужителямъ—точно сами они не имѣютъ ничего общаго съ церковью, и и какъ будто таинство крещенія не имѣло никакихъ реальныхъ послѣдствій. Въ свою очередь, такъ называемые свѣтскіе священники—точно они свѣту обречены, а не Христу—взваливаютъ это бремя на такъ называемыхъ регулярныхъ священниковъ. Эти послѣдніе, съ своей стороны, сбрасываютъ съ себя бремя на монаховъ, монахи же—одни на другихъ: монахи менѣе строгихъ орденовъ—на монаховъ орденовъ болѣе строгихъ, то-есть прочіе монахи—на нищенствующихъ, а нищенствующіе—на картезіанцевъ. У этихъ-то послѣднихъ, наконецъ, и

сокрыто истинное благочестіе, да такъ сокрыто, что его что-то и не видать совсѣмъ...

Такъ же точно и верховные первосвященники, столь прилежные и дѣятельные въ денежныхъ дѣлахъ, апостольскіе труды возлагаютъ на епископовъ, а епископы, въ свою очередь, на приходскихъ священниковъ, тѣ—на своихъ помощниковъ, а эти послѣдніе—на нищенствующихъ братьевъ, которые, въ свою очередь, сбрасываютъ ихъ съ себя на тѣхъ, которые такъ хорошо умѣютъ стричь своихъ овецъ. ерковная іерархія.

Впрочемъ, въ мою задачу не входитъ изображеніе всей подноготной жизни первосвященниковъ и духовенства. Я, вѣдь, не сатиру вамъ предлагаю, а панегирикъ, и далека отъ того, чтобы, выхваляя дурныхъ князей, косвенно порицать хорошихъ. Моею задачею было лишь въ немногихъ словахъ выяснить тотъ фактъ, что нѣтъ ни одного смертнаго, который бы могъ пріятнымъ образомъ проводить жизнь, не получивъ предварительно посвященія въ мои таинства и не заручившись моимъ благоволеніемъ. Глупость о себѣ.

Да и могло ли быть иначе, когда сама Рамнузія [1]) заправляющая судьбами людей, до такой степени со мной солидарна, что относится съ неизмѣнною враждебностью къ нашимъ мудрецамъ, между тѣмъ какъ глупцы даже во снѣ получаютъ отъ нея всяческія блага. Стоитъ лишь припомнить аѳинскаго полководца Тимоѳея, прозваннаго Счастливымъ, какимъ онъ дѣй- Злая доля мудрецовъ.

---

[1]) Рамнузія—эпитетъ Немезиды, богини мщенія, отъ названія мѣстности Ῥαμνοῦς, въ Аттикѣ, гдѣ былъ храмъ этой богини.

ствительно и былъ—по греческой пословицѣ: „счастливый охотникъ спитъ, а дичь къ нему въ сѣти бѣжитъ“. Про мудрецовъ, напротивъ, говорится, что они родятся на ущербѣ“ [1]), „ѣздятъ на Сеяновскомъ конѣ“ [2]) и „получаютъ тулузское золото“ [3]). Но довольно цитировать пословицы: чего добраго, могутъ подумать, что я обворовала моего пріятеля Эразма...

Благополучіе глупцовъ.

Итакъ—къ дѣлу. Какъ я уже сказала, любитъ фортуна людей сумасбродныхъ и поклонниковъ девиза: „была-не-была!“ Мудрость, наоборотъ, дѣлаетъ людей робкими. Благодаря своей робости, мудрецы прозябаютъ въ бѣднотѣ, голодѣ и грязи, въ пренебреженіи, въ безславіи, ни откуда не встрѣчая доброжелательства. А глупцы? Деньги текутъ къ нимъ рѣкой, имъ даютъ государственныя должности, словомъ—имъ везетъ всюду и во всемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если для человѣка высшее счастье—нравиться князьямъ и вращаться въ обществѣ придворной знати, то на что ему мудрость, которая вѣдь у этихъ господъ на самомъ дурномъ счету? Поставилъ ли кто цѣлью своей жизни обогащеніе?—Какъ зашибить ему деньгу, если онъ послѣдуетъ голосу мудрости, которая не допускаетъ клятвопреступленія,—если онъ будетъ краснѣть, когда его уличатъ во лжи, —если въ его глазахъ будутъ имѣть какое-нибудь зна-

---

1) Т. е. ихъ ожидаетъ тяжолая жизнь.

2) Т. е. имъ ни въ чемъ нѣтъ удачи.

3) Т. е. его счастье не будетъ прочно. Консулъ Сервилій Цепіонъ, разграбившій храмы въ Тулузѣ, кончилъ жизнь въ изгнаніи.

ченіе всѣ эти выдуманныя мудрецами щепетильности относительно кражи и ростовщичества?... Если, далѣе, человѣкъ стремится сдѣлать церковную карьеру? Кому же неизвѣстно, что хорошей церковной должности скорѣе добьется оселъ или буйволъ, чѣмъ мудрецъ?... Ищешь ли ты чувственныхъ наслажденій? Но женщины всей душой преданы глупцамъ, а отъ всякаго мудреца брезгливо сторонятся, какъ отъ гадины. Наконецъ, люди, желающіе пожить въ свое удовольствіе, прежде всего удаляютъ изъ своей компаніи всякаго мудреца, вмѣсто котораго они примутъ скорѣе какое-нибудь животное. Словомъ, куда ни повернись—у первосвященниковъ, у князей, у судей, у чиновниковъ, у друзей и недруговъ, у великихъ и ничтожныхъ— все пріобрѣтается на наличныя деньги; а такъ какъ мудрецъ относится къ деньгамъ съ презрѣніемъ, то онѣ систематически избѣгаютъ его.

Но, хотя мои права на самовосхваленіе не имѣютъ предѣловъ, однако надо же когда-нибудь кончить мою рѣчь. Итакъ, спѣшу закончить; позволю только отмѣтить въ немногихъ словахъ тотъ фактъ, что есть въ числѣ великихъ писателей такіе, которые прославили меня, какъ своими писаніями, такъ и своими дѣяніями: я не хочу, чтобы мои слушатели вынесли впечатлѣніе, будто я только одна собой восхищаюсь и не могу сослаться ни на какой авторитетъ, за что, конечно, не преминули бы меня упрекнуть законовѣды. Послѣдую же ихъ примѣру, и позволю себѣ сослаться на нѣкоторые авторитеты, хотя бы и не относящіеся къ дѣлу. Начну съ общепризнанной истины, что — Свидѣтельства авторитетовъ.

Пословицы. какъ гласитъ пословица—„если нѣтъ вещи, нужно ее подделать". Болѣе конкретнымъ образомъ высказываютъ ту же истину, когда твердятъ дѣтямъ: „если хочешь быть умненькимъ, умѣй кстати прикинуться глупенькимъ". Судите же сами, какое это великое благо—глупость, если даже обманчивая тѣнь ея,—если простое подражаніе ей такъ рекомендуется авторитетными людьми!.. Еще откровеннѣе этотъ откормленный и выхоленный поросенокъ изъ Эпикурова стада[1], рекомендующій „примѣшивать глупость къ серьезнымъ вещамъ"—напрасно только прибавилъ онъ „изрѣдка". У того же поэта читаемъ въ другомъ мѣстѣ: „Побезумствовать кстати разлюбезное дѣло!" Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ про себя, что „предпочитаетъ казаться сумасбродомъ и болваномъ, чѣмъ —мудрецомъ и букой". Сошлюсь также на Гомера. Телемака, котораго онъ всячески расхваливаетъ, онъ называетъ иногда „дитя неразумное". И трагики точно также любятъ прилагать этотъ эпитетъ, въ симпатичномъ смыслѣ, къ дѣтямъ и юношамъ. А что составляетъ главный сюжетъ этой священной поэмы Иліады, какъ не ярость и гнѣвъ одинаково глупыхъ царей и народовъ?.. Наконецъ, что категоричнѣе этой похвалы Цицерона по моему адресу: „Глупцами—говоритъ онъ—полонъ міръ". Но кому же неизвѣстно, что, чѣмъ болѣе распространено извѣстное благо,

Писатели.

---

[1]) Такъ называетъ самъ себя Горацій въ одномъ изъ своихъ „Посланій". Эпикуръ греческій философъ IV в. „Эпикурово стадо"—его последователи, возводившіе наслажденіе въ принципъ этики.

тѣмъ оно превосходнѣе?.. Но, быть можетъ, приведенные мною авторитеты не имѣютъ достаточно убѣдительности въ глазахъ христіанъ?

Ссылки на Св. писаніе.

Хорошо, попробуемъ обосновать наши похвалы свидѣтельствами Священнаго Писанія, съ благосклоннаго позволенія гг. богослововъ. Трудную задачу беру я на себя.

Такъ какъ врядъ ли было бы удобно снова вызывать музъ съ Геликона, тѣмъ болѣе, что и дѣло на этотъ разъ не входитъ въ ихъ компетенцію, то, быть можетъ, приличнѣе будетъ начать мнѣ свое вступленіе на тернистый путь богословія обращеніемъ къ душѣ Скота [1]), чтобы она хоть на минутку переселилась изъ своей Сорбонны въ мою грудь, а потомъ пусть переселяется, куда ей угодно, хоть въ ворону! Эхъ, если бы да еще подходящую физіономію, да богословское облаченіе въ придачу... Одного только боюсь: увидѣвъ во мнѣ столько богословской учености, не притянули бы меня по обвиненію въ кражѣ, какъ будто бы я обобрала докторовъ богословія... Но я должна замѣтить, что вовсе нѣтъ ничего удивительнаго въ моей богословской учености, если принять во вниманіе мою исконную и тѣсную дружбу съ богословами, благодаря чему я успѣла кое-что перенять у нихъ. Вѣдь, заучилъ же этотъ болванъ Пріапъ нѣсколько греческихъ словъ, которыя ему удалось подслушать и записать, когда его

[1]) Средневѣковой богословъ Дунсъ Скотъ, уже неоднократно упомянутый.

господинъ читалъ вслухъ по-гречески? [1]) Сошлюсь также на примѣръ Лукіановскаго пѣтуха, который, живя постоянно съ людьми, научился подъ конецъ довольно бѣгло изъясняться по-человѣчески [2]).

Но пора къ дѣлу. Пишетъ Экклезіастъ въ первой главѣ: „Неразумнымъ нѣтъ числа". Говоря о безчисленности неразумныхъ или глупцовъ, не хочетъ ли писатель сказать, что всѣ люди глупы, за единичными исключеніями, которыя врядъ ли стоитъ принимать во вниманіе? Еще опредѣленнѣе выражается Іеремія, говоря, въ 10 гл., что „глупымъ становится всякій человѣкъ отъ мудрости своей". Одному лишь Богу приписываетъ онъ мудрость, оставляя въ удѣлъ людямъ глупость. Тотъ же пророкъ немного выше пишетъ: „Да не похвалится человѣкъ мудростію своею". Почему не хочешь ты, превосходный Іеремія, чтобы человѣкъ гордился своею мудростью? Да потому — отвѣтитъ онъ —, что нѣтъ у человѣка мудрости! Но возвращаюсь къ Экклезіасту. „Суета сует, и все суета!"—восклицаетъ онъ. Что иное хотѣлъ онъ сказать этими словами, какъ не то, что вся человѣческая жизнь есть лишь нѣкоторая игра глупости? Не представляютъ ли эти слова Экклезіаста блестящее подтвержденіе приведеннаго выше изреченія Цицерона, что „міръ полонъ глупцовъ"? Далѣе, мудрый Экклезіастъ говоритъ: „Глупецъ измѣнчивъ, какъ луна, мудрецъ же неизмѣненъ, какъ солнце": не заключается ли въ этихъ словахъ

---

1) Намекъ на одинъ миѳъ о Пріапѣ.

2) Намекъ на одинъ изъ Разговоровъ Лукіана

намекъ на то, что родъ человѣческій глупъ поголовно, а эпитетъ мудраго приличествуетъ лишь Богу, предполагая, что подъ луной разумѣется человѣческая природа, а подъ солнцемъ, источникомъ свѣта, Богъ? Такое толкованіе какъ нельзя лучше гармонируетъ съ этимъ изреченіемъ Христа въ Евангеліи, что „никто не благъ, только—одинъ Богъ". А такъ какъ всякій, кто не мудръ, глупъ, всякій же кто благъ, мудръ, какъ учатъ стоики, то отсюда съ логическою необходимостью вытекаетъ, что всѣ люди глупы. Далѣе, Соломонъ, въ 15 гл., говоритъ: „Глупость есть радость глупца". Этими словами премудрый царь хочетъ, очевидно, сказать, что безъ глупости нѣтъ никакой радости въ жизни. Ту же мысль находимъ и въ другомъ мѣстѣ, въ слѣдующихъ словахъ: „Кто умножаетъ знаніе, умножаетъ скорбь, и чѣмъ умнѣе человѣкъ, тѣмъ менѣе доволенъ онъ жизнью". Не ту же ли самую мысль находимъ мы у того же превосходнаго моралиста, когда онъ говоритъ въ 7 гл.: „Сердце мудрыхъ — тамъ, гдѣ печаль, а сердце глупыхъ --тамъ, гдѣ веселіе"? Послѣ всего этого понятно, почему этотъ мудрый Соломонъ не удовольствовался изученіемъ мудрости, но счелъ нужнымъ также и со мной познакомиться. Если мнѣ не вѣрите, вотъ вамъ его собственныя слова, глава 1: „И отдалъ я сердце мое тому, чтобы познать мудрость и науку, заблужденія и глупость". Обратите здѣсь вниманіе на то обстоятельство, что глупость упомянута на послѣднемъ мѣстѣ: это для того, чтобы оттѣнить ея превосходство, такъ какъ вамъ хорошо извѣстно, что по церковному чину лицо,

первое по своему достоинству, занимаетъ всегда последнее мѣсто, согласно евангельскому изреченію: „первые будутъ послѣдними, а послѣдніе первыми". Но что глупость имѣетъ превосходство передъ мудростью, совершенно ясное свидѣтельство тому находимъ въ сочиненіи извѣстнаго церковнаго писателя. Слова его я впрочемъ приведу не иначе, какъ подъ условіемъ, что вы поможете соотвѣтствующими отвѣтами на мои вопросы ввести васъ въ занимающую меня мысль, какъ это дѣлаютъ у Платона собесѣдники Сократа. Что надо болѣе скрывать по вашему: то ли, что рѣдко и цѣнно, или то, что общераспространенно и дешево? Вы молчите? Ну, чтожъ, если не хотите мнѣ отвѣтить, за васъ отвѣтитъ мнѣ эта греческая пословица: „кувшину и у порога неопасно". Чтобы предупредить всякую попытку возраженія, спѣшу заявить, что пословицу эту цитируетъ самъ Аристотель, котораго боготворятъ наши магистры. Не думаю, чтобы среди васъ нашелся такой дуракъ, чтобы драгоцѣнныя камни и золото оставить на улицѣ, „у порога". О, нѣтъ, такія вещи вы припрятываете какъ можно подальше и понадежнѣе — въ самые потаенные уголки окованныхъ желѣзомъ съ секретными замками сундуковъ. Стало быть, то, что драгоцѣннѣе, то прячутъ, а то, что подешевле, оставляютъ на виду. Съ другой стороны, авторитетъ, на который я ссылаюсь, запрещаетъ скрывать мудрость и рекомендуетъ скрывать глупость. „Человѣкъ, скрывающій свою глупость, говоритъ онъ, лучше человѣка, скрывающаго свою мудрость". Стало быть, мудрость есть менѣе цѣнная вещь, чѣмъ глупость. И Священное Писаніе приписываетъ глупцу простодушіе и

прямоту, между тѣмъ какъ мудрецъ всегда ставитъ себя выше другихъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, понимаю я слова Экклезіаста, гл. 10: „Идя по улицѣ, глупецъ всѣхъ встрѣчныхъ принимаетъ за глупцовъ". Но приравнивать къ себѣ другихъ, это значитъ приписывать имъ свои собственныя достоинства (кто же, думая о себѣ, думаетъ о чемъ-либо иномъ, какъ не о достоинствахъ своихъ?), а не есть ли это признакъ необыкновеннаго простодушія? Неудивительно поэтому, что нисколько не стыдно было великому царю сказать о себѣ, 30 гл.: „Я—глупѣйшій изъ людей". Точно также Ап. Павелъ, въ своемъ посланіи къ Коринѳянамъ, признается, не совсѣмъ правда охотно: „Какъ неразумный говорю я, и даже болѣе", — онъ какъ бы считаетъ позорнымъ уступить кому-либо въ неразуміи.

Воображаю, какой крикъ поднимутъ сейчасъ противъ меня разные греки [1]), которые, вѣдь, готовы, точно воронье, выцарапать глаза совершеннымъ богословамъ, на которыхъ напускаютъ туманъ своими комментаріями. Сказать мимоходомъ, къ этой шайкѣ —если не въ качествѣ альфы, то во всякомъ случаѣ въ качествѣ беты — принадлежитъ и мой пріятель Эразмъ, которому я уже не разъ сдѣлала честь упоминаніемъ его имени. Вотъ, возопіютъ они, поистинѣ глупая и подлинно достойная Моріи цитата! Вовсе не то хотѣлъ сказать Апостолъ, что тебѣ померещилось! Апостолъ не хочетъ непремѣнно сказать, что

---

[1]) Т. е. богословы-гуманисты, знатоки греческаго языка, въ родѣ Рейхлина или самого Эразма.

его слѣдуетъ считать неразумнѣе прочихъ, но дѣло въ томъ, что сказавъ: „они—служители Христа, и я—тоже",—онъ какъ будто спохватился, что, приравнивая себя въ этомъ отношеніи къ прочимъ, онъ нѣкоторымъ образомъ умалилъ свое достоинство, и чтобы исправить эту недоговорку, онъ прибавилъ: „я еще въ большей степени",—давая тѣмъ понять, что онъ сознаетъ не только свое равенство съ остальными Апостолами въ евангельскомъ служеніи, но и нѣкоторое превосходство надъ ними. Но, съ другой стороны, чтобы не произвести дурного впечатлѣнія подобнымъ категорическимъ заявленіемъ, которое могло бы показаться нѣсколько хвастливымъ, Апостолъ предпочелъ прикрыть свою мысль ссылкой на глупость: дескать это — привилегія глупцовъ — высказывать всю истину, безъ риска кого-нибудь оскорбить.

Впрочемъ, я предоставляю самимъ моимъ оппонентамъ рѣшить вопросъ о томъ, что хотѣлъ сказать своими словами Ап. Павелъ. Что касается меня лично, то я предпочитаю слѣдовать великимъ, тучнымъ и дороднымъ согословамъ, пользующимся общепризнаннымъ авторитетомъ. Не даромъ же огромное большинство ученыхъ предпочитаютъ заблуждаться съ ними, чѣмъ раздѣлять хотя бы и здравыя идеи съ этими трехъязычными[1]) самозванцами, которыхъ наши богословы ни во что не ставятъ. Я могу сослаться на одного знаменитаго богослова—имя его я бла-

---

[1]) Намекъ на Рейхлина, котораго, за его знаніе трехъ языковъ (кромѣ родного нѣмецкаго)—латинскаго, греческаго и еврейскаго—называли „трехъязычнымъ чудомъ".

горазумно умалчиваю, чтобы не дать повода нашимъ супостатамъ лишній разъ сослаться на греческую пословицу объ „ослѣ съ аккомпанементомъ лиры“. Приведенный мною текстъ: „Я говорю слишкомъ неразумно, даже болѣе того“—богословъ этотъ толкуетъ по всѣмъ правиламъ богословской науки. Ему онъ посвящаетъ цѣлую главу. Приведу его собственныя слова, сохраняя не только содержаніе, но и самую форму. „Говорю слишкомъ неразумно: т. е. если я кажусь вамъ безумнымъ, приравнивая себя къ лже-апостоламъ, то я покажусь вамъ еще менѣе разумнымъ, ставя себя выше ихъ“. Впрочемъ, вслѣдъ затѣмъ мой богословъ, точно забывъ о чемъ шла рѣчь, перебрасывается совсѣмъ на другой предметъ.

Впрочемъ, чего не сойдетъ съ рукъ этимъ господамъ, послѣ того, что этотъ великій богословъ—чуть было не вымолвила его имя, но не скажу: боюсь греческой пословицы [1],—извлекъ изъ словъ евангелиста Луки такую мысль, которая столько же гармонируетъ съ духомъ Христова ученія, сколько вода съ огнемъ. Передамъ сущность дѣла. Въ минуту угрожающей опасности—въ тотъ моментъ, когда хорошіе кліенты имѣютъ возможность показать на дѣлѣ свою преданность патрону—Христосъ, желая изгнать изъ души учениковъ своихъ всякую надежду на помощь подобнаго рода, спросилъ ихъ: „Когда я посылалъ васъ безъ мѣшка, безъ сумы, безъ обуви: имѣли ли вы въ чемъ недостатокъ?“ Они отвѣчали:

---

[1]) Намекъ на средневѣковаго богослова Николая изъ Лиры и на греческую пословицу объ „ослѣ и лирѣ“.

„Ни въ чемъ“. Тогда онъ сказалъ: „Но теперь, кто имѣетъ мѣшокъ, тотъ возьми его, также и суму, а у кого нѣтъ, продай одежду свою и купи мечъ“. Все ученіе Христа проникнуто призывомъ къ кротости, терпѣнію, презрѣнію къ жизни и совершенно ясно, что хотѣлъ сказать онъ въ данномъ случаѣ. Для полноты отреченія отъ міра, ученики Христа должны махнуть рукой не только на сумку и обувь, но и оставить свою одежду, чтобы вступая на стезю евангельскаго подвига, они ничемъ не снаряжались, кромѣ меча—но какого меча? Не того, конечно, съ которымъ орудуютъ разбойники и убійцы, но меча духовнаго, который проникаетъ человѣка до самыхъ глубокихъ тайниковъ души и разомъ отсѣкаетъ всѣ плотскія вожделѣнія, такъ что благочестіе остается единственною страстью человѣка. Но посмотрите теперь, куда гнетъ этотъ текстъ нашъ знаменитый богословъ. Мечъ онъ толкуетъ какъ право защиты противъ преслѣдованія; мѣшокъ—какъ достаточный запасъ провизіи. Будто Христосъ, спохватившись, что въ первый разъ недостаточно по-царски снарядилъ своихъ глашатаевъ, совершенно измѣнилъ своему первоначальному правилу: какъ будто забывъ свое изреченіе, что „блаженни есте, егда поносятъ вамъ и изженутъ и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще“, и что Онъ запретилъ своимъ ученикамъ сопротивляться злому, потому что блаженны кроткіе, а не свирѣпые,—какъ будто забывъ все это, Христосъ хочетъ теперь, чтобы Его ученики, отправляясь въ путь, вооружились мечемъ—и это во что бы то ни стало, даже если бы пришлось, для пріобрѣтенія

оружія, продать свою одежду: ступайте дескать лучше безъ одежды, чѣмъ безъ оружія. Если нашъ богословъ разумѣетъ подъ мечемъ все, что можетъ служить къ сопротивленію насилію, то сумка, по его мнѣнію, обозначаетъ все необходимое для жизни. И вотъ, такимъ-то путемъ толкователь божественной мысли выводитъ Апостоловъ на проповѣдь креста вооруженными пиками, луками, пращами, чуть что не пушками. Онъ снабжаетъ ихъ дорожными корзинами, чемоданами, сумками, чтобы они могли путешествовать съ полнымъ комфортомъ. Нашего богослова нисколько не смущаетъ то обстоятельство, что минуту спустя послѣ того, что Христосъ велѣлъ купить мечи, онъ повелѣваетъ вложить мечь въ ножны,—ни то, что, насколько извѣстно, Апостолы никогда не прибѣгали къ помощи меча для защиты противъ насилій со стороны язычниковъ, хотя, очевидно, они бы прибѣгли къ этому способу самозащиты, если бы такъ имъ заповѣдалъ Христосъ.

Другой богословъ, тоже съ именемъ—котораго, впрочемъ, я также не назову, изъ уваженія—нашелъ, что „кожи шатровъ мадіанитскихъ,“ о которыхъ говоритъ пророкъ Аввакумъ, означаютъ кожу, содранную съ св. мученика Варѳоломея. Другой богословъ.

Недавно мнѣ случилось быть на одномъ богословскомъ диспутѣ -я, вѣдь, до нихъ большая охотница. Кѣмъ-то тамъ былъ поставленъ такой вопросъ: какимъ образомъ доказать авторитетомъ Священнаго Писанія, что противъ еретиковъ слѣдуетъ бороться скорѣе при помощи огня, чѣмъ при помощи убѣжденія? Тутъ поднялся старикъ суроваго вида, въ Богословскій диспутъ.

которомъ уже по однимъ насупленнымъ бровямъ можно было распознать богослова. Онъ заявилъ, что такъ поступать повелѣваетъ Ап. Павелъ говоря: „Еретика —послѣ перваго и второго состязанія—избѣгай“— Haereticum hominem post unam et alteram correptionem devita. Онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ съ удареніемъ. Многіе изъ присутствующихъ въ недоумѣніи спрашивали себя, не стряслось ли что со старикомъ. Но онъ скоро вывелъ своихъ слушателей изъ недоумѣнія. De vita, то-есть, пояснилъ онъ, de vita tollendum haereticum: „еретика слѣдуетъ извергнуть изъ жизни!“ Нѣсколько слушателей хихикнули, за-то другіе нашли это толкованіе вполнѣ богословскимъ. Послышалось нѣсколько возраженій. Тогда поднялся другой богословъ. „Послушайте,“ сказалъ онъ,—въ Священномъ Писаніи написано: „не позволяй жить злодѣю“ [1]). Но всякій еретикъ—злодѣй. Слѣдовательно...“ Это остроумное толкованіе привело всѣхъ въ восторгъ и вызвало единодушное одобреніе. Никому и въ голову не пришло, что цитированныя слова относятся спеціально къ колдунамъ, чародѣямъ и магамъ, такъ называемымъ у евреевъ мехашефимъ; иначе, вѣдь, пришлось бы предавать смертной казни и за пьянство и за нарушеніе седьмой заповѣди.

Было бы, однако, глупо перечислять всѣ подобные случаи: для этого потребовались бы десятки томовъ. Я хотѣла только дать вамъ понять, что, если такія вещи позволяются самымъ ученымъ богосло-

[1]) Второзак., гл. XIII, ст. 5: Maleficum ne patiaris vivere.

вамъ, то ко мнѣ, какъ къ профану въ богословіи, можно отнестись снисходительнѣе, если мнѣ случилось допустить какія неточности въ моихъ цитатахъ.

Однако, я замѣчаю, что начинаю выходить изъ своей роли...

Если вы найдете, что въ моей рѣчи я сбрехнула что наобумъ или сболтнула лишнее, то не забывайте, пожалуйста, что вы слушали Глупость и женщину. Напомню вамъ также греческую пословицу: „Подъ часъ и глупцу случается дѣльнымъ обмолвиться словомъ“,—если только вы допускаете, что выраженіе глупецъ можетъ относиться и къ особѣ женскаго пола.

Вижу—вы ждете заключенія... Заключеніе.

Ну, и глупцы же вы, если не на шутку воображаете, что, вываливъ передъ вами такую кучу словъ, я хоть что-нибудь помню изъ того, что вамъ наговорила!... Мнѣ приходитъ на умъ эта старинная поговорка: „Долой памятливаго собутыльника“! Къ ней я бы прибавила еще другую: „Долой памятливаго слушателя!“...

Честь имѣю кланяться, славные жрецы Моріи!

Рукоплещите!

Живите и кутите во всю!...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007056136